

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 12 (294)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, В.К. Белозёров – д-р полит. наук, О.П. Бибикина – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, А.В. Гордон – д-р ист. наук, Ш.Р. Кашаф, Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, А.В. Малащенко – д-р ист. наук, А.Ш. Ниязи – канд. ист. наук, зам. главного редактора, В.Н. Сченснович – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, Н.В. Гинесина – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2016. – № 12 (294). – 152 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- А. Панарин.* Цивилизация и варварство. Будущее России
в глобальной перспективе 5
- О. Рыбаковский, О. Таюнова.* Миграционная компонента
демографического развития России 14

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Р. Гибадуллин.* Проблема культурно-исторической
идентичности Татарстана как части исламского мира:
Опыт осмысления..... 24
- М. Магомедова.* Вызовы региональной безопасности
Республики Дагестан и стратегические задачи
по ее обеспечению 31
- П. Паршин.* Место и роль Горно-Бадахшанской автономной
области в государственной системе Таджикистана..... 42

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- М. Слинкин.* Особенности ведения боевых действий
Сирийской вооруженной оппозицией..... 61
- Н. Киреев.* Исламо-турецкий синтез в государственной
идеологии Турции 69
- Л. Исаев.* «Обрадуј же их наказанием мучительным»:
Геополитическое соперничество Саудовской Аравии
и Ирана 84
- А. Зиннатуллин.* «Братья-мусульмане» в США..... 96

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>И. Зайцев.</i> Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: Первый перевод суры «Очищение веры» (1572).....	107
<i>И. Гавриш.</i> Полигамия в брачном праве ислама и России (Перспективы сближения позиций)	119
<i>Д. Аркилла.</i> Создать Сеть	132
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2016 г.....	144

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Панарин,

профессор кафедры теоретической политологии
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, выдающийся русский
мыслитель, философ и культуролог, политический
аналитик и публицист

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО. БУДУЩЕЕ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Настоящая статья – несколько сокращенный текст одного из последних публичных выступлений А.С. Панарина. Это доклад, прочитанный преподавателям и студентам Государственной академии славянской культуры, научного и образовательного центра, в создании которого Панарин принимал самое деятельное участие. Текст подготовил к печати В.Н. Расторгуев по стенограмме и опубликовал в электронном научном альманахе «Пространство и время» (Т. 9, вып. 1 за 2015 г.), посвященном 75-летию со дня рождения А.С. Панарина.

Прежде чем рассуждать о том, какое будущее ждет Россию, следует оценить политическое положение, в котором она находится. Но как подступиться к этой проблеме, если она затуманивается господствующими стереотипами? Многое зависит от умения задать себе и другим нетривиальные вопросы, которые позволят заново открыть ее фактуру. Остановимся на трех вопросах.

Уже первый вопрос заставляет нас задуматься и обратиться к недавней истории: кто и почему потерпел поражение в холодной войне – СССР или Россия?

Второй вопрос требует особого внимания: почему Россия оказалась сегодня в одиночестве, а точнее, в глобальном одиночестве? Именно такое тревожное мироощущение возникает, когда нам открывается политическая картина мира. Наша страна необыкновенно одинока. Еще недавно многие рассчитывали на то,

что Россия войдет в Европейский дом, в сообщество цивилизованных государств, однако реальность оказалась иной: такого одиночества за всю свою историю Россия еще не испытывала.

И третий вопрос: как ведет себя ныне и как поведет себя в будущем в этих условиях правящая элита, каковы ее намерения, чего от нее можно ожидать?

Начнем с того, кто потерпел поражение. Нам навязывалось, да и сегодня навязывается мнение, согласно которому в результате непримиримой борьбы, а точнее – войны, между демократией и тоталитаризмом, победу одержала демократия, а коммунизм, который в данном случае рассматривается как одна из наиболее опасных форм тоталитаризма, потерпел поражение. В результате якобы выиграла все – и мировое сообщество, и Россия, поскольку она стала демократической и будет принята в семью европейских народов. Но, как видите, ничего подобного не произошло. Ситуация, скорее, совершенно обратная. Так что же произошло сегодня с Россией?

Дело в том, что Запад уже давно, со времен Великих географических открытий, на заре модерна рассматривал мир как объект своих интересов. Деление мира на цивилизацию и варварство возникло не сегодня и не вчера. Прецедент был создан еще в Древней Греции: греки оценивали себя как единственную в мире цивилизацию, которую окружают варвары...

Это деление было воспроизведено в Европе Нового времени.

И когда Запад стал колонизовать остальной мир, возникло своеобразное видение истории, в соответствии с которым именно Запад является основным субъектом мирового развития, а все остальные страны, или так называемая периферия, должны быть безгласным объектом его воли. Случилось так, что Россия стала единственным исключением из этого «правила». Это единственная «незападная» страна, которая так и не стала колонией Запада. И это исторический факт, который не вписывается в программу Запада. Когда обрушился коммунизм, мы ожидали, что Россия будет принята с распростертыми объятиями. Но сегодня мы видим, что Россия вновь стала главным объектом западной агрессии. Эта агрессия проводится в разных формах, пока без применения военных методов. И дух агрессии ощущается не только профессиональными дипломатами и политиками, но многими из тех, кто далек от политики.

Сегодня наши оппоненты борются уже не с коммунизмом и не с тоталитаризмом. Они борются с русской идеей. Для них глав-

ный источник опасности – русская идея. В чем же проявляется такая борьба? Приведу всего один пример. По приглашению Валентина Распутина я был в Иркутске на Днях русской культуры. Участникам встреч подсовывали, в том числе и Распутину, простую мысль. Ее суть в том, что вы, писатели-деревенщики, выразили замечательное этнографическое своеобразие России. Ваша заслуга в том и состоит, что вы, мол, представили неповторимый, традиционный облик России. Я, конечно, не мог промолчать, не высказать своего мнения. Я сказал, что Валентин Распутин вовсе не представлял этнографическую Россию, да и сама русская идея отнюдь не является идеей этнографической. И напрасно нас, русских, считают нацией, которая тем и славна, что носит сарафаны, кушаки и пьет чай из самоваров. Русская идея есть вселенская идея, всемирно-историческая, идея мессианская.

Больше всего наши оппоненты боятся, чтобы с нашей идеей не были связаны ни надежды всего человечества, ни поиск альтернатив. Именно поэтому нас хотят загнать в гетто этнографии, показав, что русский самобытный тип – это нечто безнадежно устаревшее, отставшее от современности, нечто, способное нести в себе разве что прекрасное этнографическое разнообразие. Задача в том и заключается, чтобы подать русскую идею под знаком этнографического своеобразия, но отнять у нее мессианский потенциал.

Если же мы хотим понять мессианскую роль России, то она заключается примерно в следующем. Россия всегда выступала на стороне слабых против сильных. Наша миссия в мире в том и заключается, чтобы не поддаваться диктату силы. Россия только тогда имела сильную внутреннюю политику, когда Российское государство опиралось на слабых против сильных. Против бояр, олигархов, против так называемых «сильных людей». Точно так же обстояло дело и на международной арене. Наша внешняя политика была сильной, когда поддерживала освободительное движение против колонизаторов всех мастей. Именно этого смертельно боялись и боятся наши оппоненты. Поэтому и говорят они про русскую этнографию, но ни в коем случае – про русскую мессианскую идею.

Почему Россия сегодня оказалась в таком одиночестве? Потому что наши правящие круги, все те же демократы, составили совершенно неправильный диагноз, избрали заведомо тупиковый путь. Они почему-то решили сменить саму идентичность России. И это по отношению к стране, которая была выразительницей про-

теста всех слабых, нищих духом, обиженных, угнетенных, эксплуатируемых, оскорбленных. Решено было не только отказаться от этой идеи, но и добиться прямо противоположного. Сегодня, по мнению политической элиты, Россия – это страна богатых, и выражает она победоносную идею тех, кто сильнее. Но здесь произошел роковой сбой. Дело в том, что в действительности богатые, живущие в нашей стране, не любят Россию. Да и полюбить ее им, видимо, так и не суждено. Все мы знаем, что результаты приватизации не легитимны, что наш народ не давал права раздаривать государственную собственность за бесценок нескольким десяткам фамилий. Поэтому богатые и чувствуют себя столь неуютно в этой стране. Они всегда будут ее бояться и никогда не назовут своей. Точно так же она останется чужой, изгойской, маргинальной страной для стана богатых всего мира.

Не менее важный вопрос – как относятся к России в стане бедных? Дело в том, что правящая элита, по сути, спровоцировала их негативное отношение к России, которая принуждена была стать союзником богатых в борьбе с бедными.

Современную ситуацию можно охарактеризовать как мировую гражданскую войну, суть которой – в реванше богатых. Подчеркиваю, речь идет именно о гражданской планетарной войне, сталкивающей новых богатых с новыми бедными. Предыдущая, левая, фаза мирового исторического цикла, или эпоха отвоевания бедными у богатых своих социальных прав, длилась примерно 150 лет. Она началась с 1848 г., со дня революции в Европе, и закончилась на рубеже 70–80-х годов XX в., когда по Европе прокатилась так называемая неоконсервативная волна. Не все тогда разобрались, что стоит за этой волной. А ее суть, как, впрочем, и суть новой либеральной идеологии, заключается в том, что это идеология реванша богатых над бедными.

Победители повели себя как расисты, с презрением относящиеся к бедным. Увы, официальная Россия решила разделить это презрение. Не будучи сама богатой страной, она почему-то решила поддерживать этот чуждый ей реванш. В результате Россия сразу потеряла всех своих союзников и на постсоветском пространстве, и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке, и в арабском мире. Правда, многие бывшие союзники наделены какой-то великодушной интуицией. Они чувствуют, что перед ними не настоящая Россия, что за официальным фасадом пробивается к свету какая-то другая Россия – исконная, которая всегда была союзником слабых в борьбе с сильными. Именно официальная Россия сегодня одино-

ка и на Западе, поскольку ее так и не приняли в стан богатых, и на Востоке, поскольку она отвернулась от бедных. Здесь кроется причина ее рокового одиночества.

Теперь о поведении элиты. Конечно, все наши головокружительные поражения связаны с поведением элиты. Все это можно было заметить и в 1991 г., и даже в 1990 г., когда так называемая демократическая Россия вышла из состава Советского Союза. Как тогда объясняли этот выход? Весьма просто: есть, мол, внутренняя Азия, которая гирей висит на ногах России, и с этой внутренней Азией Россия никогда не станет демократической, не приобретет демократический менталитет, ее никогда не примут в богатую демократическую Европу. Поэтому надо сбросить гирю азиатчины и выйти из состава СССР. Вот так Россию «очистили» от азиатской примеси, принудив выйти из состава СССР.

А с годами наши правящие круги сделали «новое открытие»: русское национальное большинство тоже оказалось на большом подозрении. Следуя этой логике, мы, русские, тоже (как и азиаты) обладаем неким «недемократическим менталитетом». Поэтому-то нас вряд ли когда-нибудь вообще примут на Западе. Каков же выход? Пусть примут не всех, а меньшинство этой страны. Если раньше говорили, что им не подходит СССР, но Россию примут, то теперь обнаруживается, что Россию, может быть, и примут, да не всю, а лишь некое ее благополучное меньшинство, которое способно стать собственником, которое обладает демократическим менталитетом. Оно-то и войдет в Европейский дом, а российское большинство обречено на статус маргиналов, изгоев в мировой политике, изгоев в собственной стране. Вот и настал момент истины: большинство отнесено к изгоям, ему отказано в социальной поддержке, в гражданских правах.

Теперь несколько слов об альтернативах. Конечно, при нынешней элите никакой благополучной альтернативы у России нет. Дело в том, что наша элита поддалась американской провокации. Американские советники тихо и доверительно подсказали: вы, демократы, живете в недемократической стране, и на вашу собственность, которая никогда не станет легитимной в этой стране, всегда будет посягать большинство. Поэтому держите-ка вы свои капиталы за границей, в частности у нас, в американских банках, а мы станем гарантом неприкосновенности вашей собственности.

Есть в этом предложении, правда, деликатная сторона: ваши вклады сохранятся в наших банках. По этой причине мы с пони-

манием отнесемся к вашим проблемам, если вы будете с должным пониманием относиться к американским геополитическим интересам. В противном случае информация о том, каковы ваши сбережения и каково их происхождение, может и просочиться. Последствия известны: кто остановит всех этих журналистов, конгрессменов, которым может прийти в голову, к примеру, провести слушания о законности происхождения ваших капиталов, а может быть, и об их аресте. За этим диалогом стоит реальная проблема: к власти пришла новая элита, которая уже не идентифицирует себя с этой страной.

Правда, такая тенденция характерна не только для нашей страны. Граждане многих стран мира в своем подавляющем большинстве были, например, категорически против агрессии США в Ираке, но политическая элита этих стран поддержала вторжение. В современном глобальном мире элита не идентифицирует себя с туземным большинством, ибо воспринимает себя гражданами мира. Она подотчетна не столько перед собственным населением, сколько перед международными центрами власти, ответственность перед которыми несравненно более значима. Все очевиднее появляется тенденция к выходу правящей элиты из системы национального контроля, национального консенсуса, национального согласия. К сожалению, эта общая тенденция достигла наиболее острого, наиболее жесткого выражения именно в России.

Мы упомянули о военном вторжении в Ирак. Здесь та же ситуация. Иракский народ готов был сопротивляться, но был предан своей элитой. Иногда даже называют сумму в долларовом исчислении, за которую так называемая иракская элита продала свой народ: 3 млрд долл. плюс гарантии личной безопасности. И этого оказалось достаточно, чтобы свернуть всякое сопротивление.

Одну из своих статей я так и назвал «Народ без элиты». Горько сознавать, но русский народ остался без элиты. Точнее, правящая элита от него отвернулась, поскольку не идентифицирует себя с народом. Иными словами, перед нами ситуация, в какой-то мере напоминающая феодальную эпоху до начала формирования крупных наций. Тогда феодалы делили территории между собой, развязывали династические войны безотносительно к национальным интересам. Сегодня мы, по сути, возвращаемся к этой архаике, но с существенной поправкой: нынешняя либеральная власть куда опаснее. Она не оставляет России шансов на самосохранение. А за красочными перспективами развития, которые нам рисуют в рамках нынешней либеральной фазы, проступают тен-

денции, имеющие катастрофическое значение для нашей страны, для подавляющего большинства ее граждан. Но не будем предаваться унынию и пессимизму. Когда в дом приходит беда – будь то судьба государства или личная биография, – не надо абсолютизировать нынешнее состояние, надо противопоставить себя нынешнему состоянию, переместить точку в горизонт более или менее отдаленного будущего. Давайте поместим себя в этот более или менее отдаленный горизонт.

Я думаю, что либеральная фаза мирового цикла скоро закончится. Заканчивается и «американский век». Дело в том, что американцы в свои недолгие годы безраздельного господства в мире, чуть больше десяти лет, наломали столько дров, так скомпрометировали себя, что они проели свой моральный капитал окончательно.

Могу привести такую аналогию. Когда умерла коммунистическая идея? В 1968 г., когда наши войска вошли в Чехословакию. Именно тогда коммунизм стал называться «танковым коммунизмом», и наши друзья в Европе перестали быть нашими друзьями. Левая интеллигенция отвернулась от СССР, и от этого удара не удалось оправиться ни коммунизму, ни Советскому Союзу.

Так вот, после бомбардировок в Югославии и в Ираке американскую демократию называют «бомбометательной», и от этого уже не оправится ни американская демократия, ни западная демократия вообще. Вот та печать, несмываемая печать «бомбометательной» демократии, из-за которой сегодня разворачивается уже не элитарная, а массовая идеология антиамериканизма. Чем больше продажных представителей политической элиты в различных странах мира служат Америке, купившей их услуги, тем сильнее народы этих стран ненавидят ту же самую Америку.

Теперь о либеральной власти в целом. Либеральная власть занимается апологетикой гражданского общества, понимаемого как неисторический феномен. На самом деле гражданское общество на наших глазах качественно изменилось. Чтобы понять, что оно представляет собой сегодня, достаточно почитать труды тех же самых либеральных идеологов. Гражданское общество сегодня – это война всех против всех, война агрессивных индивидуалистов друг против друга, рудимент социал-дарвинизма. Оно замешано на расизме и ведет к расизму, порождает гражданскую войну, а вовсе не демократию, не плюрализм и не консенсус, как полагают очень наивные люди. В этом обществе победители не

расценивают побежденных как людей: ни сострадания, ни жалости, ни участия.

В основе такого превращения лежит известная логика: если я, к примеру, ограбил вас, то я должен либо назвать себя негодяем и жить с осознанием этого, либо я должен сказать себе: ну и поделом потерпевшему, разве этот человек достоин собственности? В социал-дарвинистском гражданском обществе витает призрак внутреннего расизма: обделенные, потерпевшие поражение, не выдержавшие естественного отбора признаются недочеловеками. И это колоссальная историческая катастрофа, возврат к дохристианской эпохе, возврат к агрессивному язычеству, восстановление рабовладельческой картины мира.

Да, вслед за расизмом приходит и призрак нового рабовладения. Я не шучу и не преувеличиваю. Об этом, кстати, свидетельствует и практика, принятая у некоторой части «новых русских», которые мне доверительно рассказывали, как эксплуатируют молдаван. «Я, – говорил один из “новых русских”, – его нанимаю, обещаю 300 долл. в месяц и предупреждаю, что за каждую ошибку – штраф. Потом задаю такой темп и так изматываю его, что через три месяца, измочаленный и переставший быть личностью, он вообще ничего не получает».

Та же картина и на Западе. Здесь никто и не скрывает, что целый ряд работ и профессий, которые по-прежнему остаются массовыми, белый западный человек выполнять не будет, да и не в состоянии их выполнить. Это удел новых рабов – легальных и нелегальных эмигрантов. Почему власти смотрят сквозь пальцы на незаконную эмиграцию? Ответ прост: если ты законный эмигрант, то можешь претендовать на какие-то права, если же незаконный, то нет у тебя никаких прав, а ты просто тварь дрожащая. Таким образом, перспектива нового рабства – это программа, способная уничтожить научно-технический прогресс, возрождающая бесплатный труд.

Перед человечеством стоит угроза колоссального срыва, падения назад, в какие-то палеонтологические глубины истории. Если человечество не хочет сорваться в эту бездну, ему надо принимать меры. Но и этого недостаточно – надо позаботиться о душе. Альтернатива падению – это, в первую очередь, реабилитация бедных. Если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнейшие, то в логике метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами.

Либеральная программа потерпела фиаско. Она оказалась чистойшей, абсолютной утопией, куда более абсурдной, чем коммунистическая утопия. Лежащая в основе этой программы либеральная презумпция всеобщего благоденствия, основанная на том, что мы всех сделаем собственниками, абсолютно несостоятельна, даже теоретически.

Те же американцы не скрывают, что при таком исходе планета просто взорвется от экологической перегрузки. Эта презумпция несостоятельна и практически, потому что все мы знаем, что либеральные программы – это программы для меньшинства. Сегодня и Москва становится городом для меньшинства. В некоторые магазины мы с нашей зарплатой уже не можем войти, как, впрочем, и попасть в рестораны, кафе. Это тоже предназначено для меньшинства, но не для нас с вами. Либеральное общество в целом – общество меньшинства. Поэтому главный вопрос для нас – как реабилитировать большинство, беднейшее большинство мира, как вернуть ему человеческое достоинство, а вслед за этим и социальные права.

Но как реабилитировать несобственника? Задача не из простых. Для ее решения человечество нуждается в пробуждении христианского чувства, в понимании великого подвига Христа, который обращается к нищим духом со словами: «Вы наследуете землю». Я думаю, что старый архетип России, старая русская идея заключается в том, что мы – с бедным, с угнетенным большинством. Это старая русская идея, и за ней будущее. Без этой идеи мир превратится в новое рабство, а России грозит новое варварство. Наша русская идея, требующая реабилитировать слабого и вернуть ему человеческое достоинство, – это всемирно-историческая идея. И ей нет альтернативы, если человечество не хочет погибнуть. Русская миссия будет востребована. С этой перспективой надо жить.

*«Стратегия России»,
М., 2016 г., № 7, июль, с. 90–96.*

О. Рыбаковский,

доктор экономических наук, заведующий лабораторией проблем социальной демографии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

О. Таюнова,

кандидат экономических наук, доцент Самарского государственного экономического университета

**МИГРАЦИОННАЯ КОМПОНЕНТА
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ***

Миграционная компонента демографического развития России подразумевает, прежде всего, межгосударственную миграцию, влияющую на общую динамику населения страны. После распада СССР (с 1992 г.) и вплоть до начала 2013 г. в России происходила депопуляция, т.е. естественная убыль населения. Это негативное явление было следствием предшествующих демографических трендов, эпохи «застоя», экспериментов времен «перестройки», сворачивания демографической политики 1980-х годов, а также вступления страны в 1990-е годы катаклизмов и кризисов, спровоцировавших резкий рост смертности и стремительное снижение рождаемости россиян.

За 21 год депопуляции в стране родилось 31,3 млн человек, умерло 44,6 млн человек¹ [1].

Без межгосударственной миграции в РФ стало бы меньше на 13,3 млн постоянных жителей, и численность ее населения сократилась бы со 148,5 млн человек – до 135,2 млн человек. Но за этот период страна получила в форме миграционного прироста 8,2 млн постоянных жителей, и на начало 2013 г. численность постоянного населения России составила 143,4 млн человек. Таким образом, миграционный прирост компенсировал свыше 60% естественной убыли первого периода депопуляции страны.

Два последующих года – 2013 и 2014 – депопуляции в России не было, и миграционный прирост (565 тыс. человек) допол-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-02-00342).

¹ Все показатели без сносок в тексте рассчитаны по официальной статистике России без учета Республики Крым и г. Севастополя, демографическая статистика по которым до 2014 г. неполная: ФМС РФ. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/>; Росстат. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

нял и десятикратно усиливал пусть незначительный, но положительный естественный прирост (55 тыс. человек) населения РФ. С учетом оценки на 2015 г. (260 тыс. человек) РФ получила за 24 полных года постсоветского периода 9 млн дополнительных постоянных жителей «иммиграционного происхождения».

Помимо ощутимых количественных результатов, поток иммиграции «омолаживает» постоянное население России, сокращает гендерную диспропорцию, тормозит процесс старения населения страны.

Так, в 2014 г. лиц в трудоспособном возрасте в миграционном приросте было 75% (в постоянном населении России – 60%); лица пенсионного возраста составили 14% от всего миграционного прироста (в постоянном населении РФ их было 24%). Около 62% в прибытиях и 53% в миграционном приросте составляли мужчины (в населении РФ их было 46%).

Миграционный прирост населения России за весь постсоветский период происходил неравномерно и состоял из различных категорий иммигрантов. Связано это было с тем, что с 1991 по 2015 г. происходили серьезные изменения как количественных, так и качественных сторон миграционных процессов в России и на всем постсоветском пространстве:

- в 1990-х годах – всплеск политически-мотивированной межгосударственной миграции «новых соотечественников» после развала СССР на всей территории бывшего государства;

- в конце 1990-х – начале 2000-х годов – постепенная трансформация политически-мотивированной межгосударственной миграции в экономически-мотивированные переселения соотечественников и представителей титульных народов СНГ;

- вторая половина 2000-х – первая половина 2010-х годов – постепенная трансформация экономически-мотивированных переселений в трудовую и образовательную миграцию преимущественно представителей титульных народов СНГ, ставшая «начальным шагом» к постоянной миграции.

Отдельным событием в этой периодизации выделяется всплеск притока участников «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [2] и членов их семей в 2014–2015 гг.

Если за 1983–1991 гг. РФ (РСФСР) ежегодно получала в среднем по 140 тыс. переселенцев из союзных республик, то в 1992–1999 гг. ежегодный миграционный прирост России почти

утроился, несмотря на то, что за этот период в старое зарубежье безвозвратно выехали около 1 млн россиян. В целом за 1992–2015 гг. отток в старое зарубежье не превысил 1,4 млн человек. С учетом этого миграционный прирост из нового зарубежья за 24 года составляет 10,4 млн человек.

После «миграционного бума» 1990-х годов в 2000–2006 гг. миграционный прирост населения России снизился до 100 тыс. переселений в год, на что отчасти повлияло ужесточение правил получения российского гражданства в 2002 г. Но начиная с 2007 г., и особенно с 2011 г., миграционный прирост постоянного населения страны вновь начал стремительно возрастать. В 2007 г. в сравнении с 2006 г. миграционный прирост увеличился более чем в полтора раза. В 2011–2014 гг. в сравнении с 2007–2010 гг. объем ежегодных прибытий постоянного населения в Россию вырос в 1,5 раза, а миграционный прирост – в 1,2 раза.

То, что произошло в 2014 г. с межгосударственной миграцией населения России, было, с одной стороны, следствием активизации, разворачивания действия новой редакции «Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», утвержденной осенью 2012 г. С другой стороны, это было следствием политических событий в Украине. Оба этих фактора способствовали сохранению на высоком уровне миграционного прироста населения России и многократному росту числа организованных соотечественников – переселенцев в Россию. Их число в 2014 г. составило 106 тыс. человек, или 40% от всех участников Программы с июля 2006 г. При этом весь миграционный прирост России в 2014 в сравнении с 2013 г. не только не увеличился, но даже сократился с 296 до 270 тыс. человек. В 2014 г. участники Программы составили максимальные за все время 40% от миграционного прироста населения страны. Ни кризис, ни санкции, ни обвал рубля – ничто существенно не препятствовало сохранению высокого уровня иммиграции населения в Россию в 2014–2015 гг., так как этот людской поток шел преимущественно за счет организованных соотечественников.

Вследствие трансформации миграционных процессов на постсоветском пространстве в 1992–2015 гг. происходили серьезные изменения в национальном составе иммигрантов, переселявшихся в Россию. Если в 1994–2004 гг. доля русских и других коренных народов России в постоянных прибытиях из-за рубежа не

опускалась ниже 60%, а в миграционном приросте – ниже 70, то в 2007 г. обе доли были уже менее 40%.

В 2008 г. Росстат прекратил публикацию информации о национальности мигрантов. В последующем периоде (2008–2010) эта доля, по всей видимости, продолжала снижаться, но в 2011–2015 гг. росла. Об этом можно судить по косвенным данным о пропорции соотечественников в миграционном приросте. В 2011–2015 гг. в Россию безвозвратно переселились 1,45 млн человек, в том числе не менее 0,45 млн организованных соотечественников и членов их семей. Это составит не менее 30% от всего межгосударственного миграционного прироста населения России в 2011–2015 гг.

Исходя из того, что значительная доля организованных соотечественников и заметная доля неорганизованных иммигрантов – коренные народы России, можно предположить, что во всем миграционном приросте за 2008–2015 гг. их доля не опускалась ниже 30%.

В среднем за весь период с 1992 по 2015 г. доля коренных народов России в миграционном приросте страны составила не менее 55%. Это около 5 млн человек «иммиграционного происхождения», соотечественники россиян «по крови». Остальные 4 млн новых соотечественников – в основном, представители титульных народов нового зарубежья.

Основным источником миграционного пополнения России были и остаются бывшие 14 республик СССР. Более 96% всей постоянной иммиграции в Россию в 1992–2014 гг. шло с постсоветского пространства. За эти 23 года 28% миграционного прироста населения России обеспечили Казахстан, 16 – Узбекистан, 12 – Украина, по 7,5 – Таджикистан и Киргизстан, 19,4 – Закавказье, 3,5 – Республика Молдова, 3,4% – страны Балтии и т.д.

В последнее время постепенно начал усиливаться пока еще незначительный приток населения из соседних к России развивающихся стран старого зарубежья. Так, в 2011–2014 гг. в миграционном приросте населения страны были представители Китая (20 тыс.); Вьетнама (7,5 тыс.); КНДР (7 тыс.); Турции (4,3 тыс.); Сирии (3 тыс.) и т.д.

Эмиграционная убыль населения России шла в 1987–2014 гг. в развитые страны мира, прежде всего, в Германию (830 тыс. выбытий), Израиль (330 тыс. выбытий) и США (155 тыс. выбытий). Особенно сильный отток наблюдался в конце 1980-х – начале 1990-х годов, но в последние годы он ослаб, исчисляется несколь-

кими тысячами человек в год и на итоговый миграционный прирост населения РФ особенно не влияет.

Зарубежный потенциал пополнения населения России миграционным путем находится в настоящее время в семи странах СНГ и Юго-Восточной части Украины. Он включает, помимо представителей коренных народов России, – также русскоговорящих белорусов и украинцев. Его оценка на начало 2014 г. выглядит следующим образом [3].

В СНГ Республика Казахстан и Республика Беларусь имеют тесный и почти равноценный миграционный обмен населением с Россией. В Казахстане остаются 3,7 млн русских, а всех представителей коренных национальностей России – не менее 4,5 млн человек. В Республике Беларусь проживают 0,8 млн русских, а всего русскоговорящих лиц восточнославянской национальности – около 9 млн. В Юго-Восточной части Украины русскоязычных украинцев и русских (без Крыма и Севастополя) было на начало 2014 г. около 10 млн человек.

В пяти бывших республиках СССР (Азербайджан, Армения, Киргизская Республика, Таджикистан, Узбекистан), являющихся на сегодняшний день тесными миграционными партнерами России и одновременно ее миграционными донорами, – русских и представителей других коренных народностей России осталось около 1 млн человек. Остальной, не титульный для России миграционный потенциал населения этих стран сосредоточен в их титульном населении. Его на начало 2015 г. было почти 50 млн человек.

Другие бывшие республики СССР перестали быть тесными миграционными партнерами РФ.

Не меньшее значение для социально-экономического и политического развития России имеет внутренняя межрегиональная миграция, влияющая на размещение населения на крупнейшей в мире, но слабо и неравномерно заселенной территории.

В межрегиональной миграционной ситуации сохраняются негативные тенденции. Продолжается порожденный в 1990-е годы отток населения с окраин, в особенности из приграничных с Китаем территорий.

Не прекращается демографически-пагубная концентрация населения в первых мегаполисах.

Остается низкой и медленно возрастает миграционная подвижность перенаселенных республик Северного Кавказа, являющихся на сегодняшний день единственным внутрисоюзным

(не считая Москвы) источником перераспределения и оптимизации размещения населения по территории слабозаселенной России.

По результативности и направленности межрегиональной миграции населения все регионы России в настоящее время можно разделить на следующие группы:

- основные межрегиональные миграционные реципиенты;
- локальные межрегиональные миграционные реципиенты;
- основные межрегиональные миграционные доноры;
- принимающие / отдающие территории окружения миграционных реципиентов;
- прочие принимающие / отдающие территории.

Московская область с Москвой, Ленинградская область с Санкт-Петербургом и Краснодарский край – лидирующие межрегиональные миграционные реципиенты России. Все прочие регионы, являющиеся в отношении этих территорий миграционными донорами, по итогам 2001–2014 гг. потеряли в миграционном обмене с ними 2,5 млн человек. На долю основных миграционных реципиентов России приходилось в 2001–2006 гг. 83% от положительного сальдо межрегиональной миграции, в 2007–2014 гг. – 88%.

Эти пять субъектов РФ «обирали» и продолжают «обирать» прочую территорию страны, оголяя геополитически важные окраины, и без того неблагоприятные в социально-экономическом плане регионы.

Помимо того пять первых реципиентов получали вплоть до 2014 г. львиную долю миграционного прироста из-за рубежа – свыше 4/5. Остальная часть России в период депопуляции 1992–2012 гг. убывала не только естественным путем (кроме части республик), но и миграционным. Численность ее населения сократилась только за 2001–2012 гг. на 6,2 млн человек. Каждая четвертая потеря общей убыли этой «нестоличной» территории России была миграционной убылью в первые пять регионов страны.

Также к числу основных межрегиональных миграционных реципиентов относится Белгородская область. Она является уникальным примером роли субъективного фактора в социально-экономическом развитии отдельного региона. Область является привлекательной для мигрантов со всей России и из Украины. Это происходит благодаря не только активно развивающейся экономике, прежде всего промышленности, но и вследствие грамотной и действенной политики привлечения и удержания переселенцев,

создания для них льготных условий для максимальной приживаемости в регионе.

Все шесть основных миграционных регионов России в 2012 г. не вошли в список льготных «территорий вселения», определенных в новой редакции Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Вследствие этого их доля в миграционном приросте населения России из-за рубежа сократилась с 4/5 в 2001–2012 гг. до 1/5 – в 2014 г. Это, безусловно, положительный результат, начало эффективного государственного воздействия на миграционные потоки.

Локальные миграционные реципиенты – регионы, имеющие положительное сальдо миграции в обмене населением со всеми смежными с ними регионами, кроме основных миграционных реципиентов. Это Калининградская область (для ближайших к ней российских регионов) в СЗФО, Ярославская, Воронежская и Липецкая области в ЦФО. Также к этой группе относятся Республика Татарстан, Самарская и Нижегородская области в ПФО; локальные реципиенты Предуралья и Азиатской части России – Свердловская область, юг Тюменской области; Томская, Новосибирская области, Хабаровский край.

Основные миграционные доноры России – это регионы, теряющие население в результате межрегиональных миграций с основной массой прочих регионов страны. Среди них можно выделить три подгруппы: республики Северного Кавказа (плюс Калмыкия); регионы Сибири и Дальнего Востока; регионы Европейского Севера (плюс Кировская область). Также в эту группу входят Республика Мордовия и Курганская область.

В конце 2012 г. десять регионов – миграционных доноров России вошли в список льготных «территорий приоритетного заселения», определенных в новой редакции Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [2]. Это Дальний Восток кроме Чукотского автономного округа и Республики Саха (Якутия), три региона Сибирского ФО – Забайкальский край, Иркутская область и Республика Бурятия. В 2014 г. миграционный прирост населения этих территорий из-за рубежа вырос почти до 15 тыс. человек, причем более чем на 10 тыс. человек – за счет организованных соотечественников.

Между основными миграционными реципиентами и донорами, определяющими вектора миграционных потоков внутри

страны, находятся почти все прочие «принимающие / отдающие» население территории.

Особое место среди них занимают принимающие-отдающие территории окружения основных и локальных миграционных реципиентов. Это Ставропольский край и Ростовская область – регионы окружения Краснодарского края; Республика Карелия, Новгородская, Псковская и Вологодская области – регионы окружения «Петербургского региона»; Смоленская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Владимирская области – регионы окружения «Московского региона». Все эти регионы играют роль «фильтра» на пути мигрантов в сторону основных миграционных реципиентов страны, принимая одних переселенцев из прочих регионов России или из СНГ и отдавая примерно в таком же количестве других – либо местных уроженцев, либо переселенцев прошлых лет, участников так называемых ползучих миграций.

Другие принимающие / отдающие регионы находятся в отдалении от основных реципиентов. Например, Новосибирская и Челябинская области находятся на пути, соединяющем Восточную Сибирь и Дальний Восток с Европейской частью России; Волгоградская область расположена на векторе «государства Закавказья и республики Северного Кавказа – европейские реципиенты России» и т.д.

Некоторые локальные миграционные реципиенты и принимающие / отдающие регионы окружения основных миграционных реципиентов страны, расположенные в Европейской части России, вошли в 2012 г. в список льготных «территорий вселения», определенных в новой редакции Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Вследствие этого приток иммигрантов из-за рубежа в них усилился.

Это коснулось Калининградской, Воронежской, Липецкой, Калужской, Тульской областей [2]. У них и до 2014 г. имел место значительный миграционный прирост из-за рубежа вследствие достигнутого уровня социально-экономического развития или близости к основным миграционным магнитам страны. Включение их в «территории вселения», по нашему мнению, было необоснованным, так как они оттягивают потенциальных организованных иммигрантов от ««территорий приоритетного заселения»».

Миграционную ситуацию в России в начале XXI в. (2001–2015) можно охарактеризовать двояко.

С одной стороны, наблюдаются положительные тенденции в межгосударственной миграции:

- сохранение и рост миграционного прироста из СНГ;
- сокращение до минимальных объемов оттока в развитые страны Запада;
- переориентация иммигрантов из-за рубежа на все регионы страны, в том числе, и не на самые благополучные.

С другой стороны, сохраняются негативные тенденции в межрегиональной миграции, порою перечеркивающие успехи межгосударственного обмена населением.

В 2016–2017 гг. Россия повторно войдет в режим депопуляции из-за неблагоприятных структурных сдвигов в населении и на фоне угасания эффекта от «материнского капитала».

Компенсирующая роль постоянной миграции населения вновь начнет возрастать. Именно миграция как наиболее управляемая и оперативно меняющаяся компонента общего роста населения в предстоящем демографически тяжелом десятилетии, по нашему мнению, способна решить проблему устойчивости демографического и, следовательно, социально-экономического развития России, сгладить исторически сложившуюся волнообразность возрастной структуры населения страны. Вследствие этого в настоящее время в демографической сфере взор властей должен быть обращен, прежде всего, на миграцию населения, на механизмы управления ею, как на границах, так и внутри Российского государства.

Необходимо переломить негатив направленности и характера, прежде всего, внутренней, межрегиональной миграции населения России, ибо без этого геополитически важных восточных окраин Сибири и Дальнего Востока повторно ни иммигрантами и соотечественниками, ни россиянами не заселить. А «оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности <...> если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, другие» [4].

Пока сохраняется такая межрегиональная миграционная ситуация, Россия уязвима, ибо, как говорил по этому поводу великий государственный деятель П.А. Столыпин, «не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света <...> Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на

Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью» [4].

Литература

1. ФМС РФ. – Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/>; Росстат. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.
2. Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/09/17/program-madok.html>
3. Судоплатова В.С. Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и ее регионов: Автореферат ... к.э.н. – М.: ИСЭПН РАН, 2015.
4. Столыпин П.А. Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной Думе 31 марта 1908 года // Нам нужна великая Россия: Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете в 1906–1911 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Структура иммиграционного потенциала населения России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015, № 2. – С. 38–43.
6. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А. Вопросы оценки миграционного потенциала // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2015, № 3. – С. 169–173.
7. Таюнова О.А. Демографическое движение постоянного населения современной России // Сегодня и завтра российской экономики. – 2014. – № 67–68. – С. 141–146.

*«Народонаселение»,
М., 2016 г., № 1-1, с. 90–97.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Гибадуллин,

кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Гуманитарные науки» Набережночелнинского
института (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАРСТАНА КАК ЧАСТИ ИСЛАМСКОГО МИРА: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Татарстан и его история как объекты исламоведческого исследования, безусловно, следует отнести к числу малоизученных явлений, которые с позиций классического исламоведения долгое время считались несущественными в силу их исторически сложившейся отдаленности и отделенности от мусульманского мира. Однако идеи «конфликта цивилизаций» заставляют сегодня многих отечественных и зарубежных ученых, в том числе из стран исламского мира, уделять более пристальное внимание периферийным зонам исламской цивилизованности, расположенным на стыке христиано-мусульманского взаимодействия. Именно к таким зонам относится Татарстан как одна из «приграничных территорий» Дар аль-Ислама, которая некогда в своей истории (X–XVI вв.) была его неотъемлемой органической частью, подпитывавшейся его влиянием, а ныне почти выпала из-под этого влияния, будучи включенной и во многих отношениях интегрированной уже в немусульманский мир, хотя и на правах своеобразной «мусульманской провинции». Достаточно сложно однозначно определить собственно исламскую идентичность подобных обществ, поскольку она не может не представлять собой противоречивой картины. Это можно сказать и о современном татарском обществе, которое, казалось бы, безвозвратно утратив в себе многие базовые признаки исламской цивилизованности, тем не

менее сегодня демонстрирует устойчивое стремление сохранять и даже развивать основанную на ней идентичность.

Роль ислама в прошлом и настоящем татар, а также их место в исламском мире только начинают по-настоящему глубоко осмысливаться, однако очень важно, чтобы это делалось с научных позиций, свободных от антиисламских пристрастий. В течение длительного времени этому мешали идеологические препятствия: сначала христианизаторские установки Российской империи, а затем крайний секуляризм Советского государства. Так, несмотря на достаточно высокий уровень исламоведения в досоветской и Советской России, оно практически не занималось российскими мусульманами, ориентируясь преимущественно на зарубежную проблематику, связанную с внешнеполитическим заказом государства. К тому же в советский период в самом Татарстане были ликвидированы все причастные к изучению ислама научные институты: местная школа российского академического исламоведения и татарские центры мусульманского образования и учености. В результате в исследованиях советского времени, посвященных истории, культуре и происхождению татарского народа, отсутствовало не только рассмотрение проблем через призму исламских ценностей, но часто и адекватные представления о самом исламе и даже само упоминание о нем.

Особенно вопиющей такая ситуация выглядит в сфере историографии истории средневековых татарских государств. Чтобы понять значение представлений об исламе и исламском мире для понимания истории этих государств, необходимо отметить, что все присущие им общецивилизационные достижения, составляющие предмет традиционной гордости татарской культурной общности, имеют исламское происхождение. Прежде всего это определяющая роль мусульманских купеческих факторий в создании в Восточной Европе весьма солидной для своего времени торговой и ремесленной инфраструктуры, позволившей подключить местные рынки к Великому шелковому пути, что стало для местных обществ важным условием их успешного развития, а для мира ислама – фактором его постоянного и длительного присутствия в регионе. Собственно именно это обстоятельство, расширявшее политические, экономические и культурные горизонты средневекового татарского общества, в значительной мере обеспечивало включение его в орбиту исламской цивилизации и глубокое усвоение ее достижений. В государственной сфере это основанная на шариате политико-правовая система, а также свойственная фео-

дальным монархиям мусульманского мира модель организации центральной власти (визирь, диван, отраслевые канцелярии и т.д.). В сфере духовной культуры это разветвленная двухуровневая система мусульманского образования (мектебе, медресе); формирование местной традиции жанровой литературы под влиянием тесного знакомства с творчеством зарубежных мусульманских авторов; восприятие научных достижений мусульманского мира, его эстетики, в том числе архитектурных стилей. Этот перечень, очевидный для любого историка, можно продолжать и конкретизировать.

Однако до сих пор официальные российские издания рассматривают татарские средневековые государства вне связи с историей исламского мира. Именно с этой целью в их названиях никогда не используется терминология государственности мусульманского средневековья («эмират», «султанат»), ее подменяют доисламским тюрко-монгольским понятием «ханство». А между тем, как известно, исламская титулатура местных правящих династий была обусловлена тем, что они являлись частью политической системы Дар аль-Ислама. Например, правители Булгара (X–XIII вв.) в поисках покровительства багдадского халифа изначально инициировали установление с ним дипломатических отношений и добровольно перешли в статус его вассалов, выразившийся в звании эмира. В дальнейшем уже джучидские династии Сарая, Казани, Хаджитархана, Касимова, Крыма и др. (XIII–XVIII вв.) носили титул султанов – политически независимых от халифа монархов, связанных друг с другом не системой его вассалитета, а взаимной договорной солидарностью. На подобных принципах восточно-европейские султаны выстраивали свои отношения и с султанами Арабского Востока, как, например, это имело место в начале XIV в. в рамках двустороннего договора между Сараем (Сарай-аль-Махрус) и мамлюкским Египтом.

Проблематика ислама отсутствовала также в советской и до-советской официальных интерпретациях так называемого колониального периода в истории татарского народа (XVI – начало XX в.). Всестороннее подавление мусульманских общин завоевавшим их государством, включавшее и сугубо религиозное притеснение, вызванные этим освободительные, протестные движения, неизменно проходившие под знаменем ислама, – все связанные с этим трагические и героические события не могли получить освещения в официальной истории. Власть, возможно, не без основания усматривала в них один из идеологических источников традиционного татарского сепаратизма. Однако, несмотря

на это, в культурно-исторической самоидентификации татар, особенно на уровне народно-эпического и массового сознания, всегда играла важную роль гордость за то, что им удалось сохранить исламские традиции. Причем в культивировании этого чувства гордости очень часто переплетались религиозные и этнопатриотические мотивы. Для татар, над психологией которых продолжала довлеть болезненная память о сокрушительном историческом поражении чуждой им неисламской силой, представления о своей духовной стойкости и несокрушимости в исламе оставались сокровенной темой, призванной поддерживать чувство национального и конфессионального самоуважения.

Некоторые, особенно зарубежные, исследователи, отдавая должное конфессиональной устойчивости татарского общества в XVI–XIX вв., объясняют ее особым «пограничным» типом мировоззрения татар, сформировавшимся на окраине средневекового исламского мира, где наиболее важной задачей всегда была мобилизация сознания на противостояние экспансии неисламского мира и активный прозелитизм. Действительно, как иначе объяснить осуществлявшуюся татарами в условиях колониального состояния исламизацию соседних народов, причем составляющую, по признанию историков, успешную конкуренцию христианизаторской политике Российской империи. К сожалению, этот удивительный феномен татарской истории, указывающий, прежде всего, на всепобеждающую духовную силу ислама, так и остался совершенно неизученным в силу существовавших раньше идеологических исламофобских ограничений. Сегодня, когда позиции ислама в татарском обществе существенно подорваны, мобилизованность мировоззрения мусульман на исторический успех, возможно, все же проявляется в латентной форме и ищет выхода в образах героики прошлого, апеллируя к «забытым» страницам истории мусульманского сопротивления в колониальный период. Создаваемая в результате картина непрерывной борьбы представляет собой героический ряд, связанный преемственностью: от последних защитников осажденной Казани, гибель которой обозначила начало колониального состояния, до тех, чьими усилиями и мужественными жертвами в ходе русских революций начала XX в. достигалось гражданское равноправие мусульман в Российской империи и возрождалась их некогда утраченная государственность.

В то же время нельзя не признать, что в этих поисках героики очень часто единственно определяющей оказывается не исламская, а националистическая мотивация. Это хорошо видно

на примере возрождения идейного наследия Мирсаида Султангалиева – лидера российских мусульман-коммунистов, решившихся на политический союз с победившей в революции 1917 г. партией большевиков. После неизбежной гибели М. Султангалиева в сталинских застенках его имя на долгие годы оказалось под запретом. Однако его концепция исторической миссии российских мусульман, основанная на геополитических и социально-освободительных идеях модернизированного ислама, именно этой своей стороной вызвала интерес за рубежом, в том числе со стороны европейских ученых и некоторых лидеров исламского мира. Сегодня свободные от прежних запретов татарские националисты вернули имя М. Султангалиева на страницы истории, но лишь в качестве героического борца за национальную государственность татар. А вот исламская составляющая в его идейном наследии, которая, казалось бы, должна была так или иначе заинтересовать современную мусульманскую общественность, продолжает оставаться малоизученной и практически невостребованной. Возможно, это объясняется отсутствием у мусульман Татарстана претензий на завещанную им роль политического сообщества, которая обязывает их воспринимать и критически переосмысливать соответствующий этой роли идейный опыт прошлого.

Показательна также судьба идей другого выдающегося татарского мыслителя – Мусы Бигиева, чьи подходы к пониманию исламского вероучения ориентировали на то, чтобы максимально раскрыть его социально-преобразовательный и цивилизационный потенциал в целях построения такого общества, в котором наряду с политическими и экономическими правами мусульман обеспечивалась бы их «нравственная революция». В советской России, откуда М. Бигиев, пережив арест и тюрьму, вынужден был эмигрировать, его идеи были основательно «забыты», в то время как в мусульманском зарубежье они продолжали вызывать политический и научный интерес. В значительной мере именно благодаря этому в постсоветское время стало возможным возвращение идейного наследия М. Бигиева на родину, что стало определенным индикатором состояния ислама и исламоведения в России. Уже сейчас ясно, что подлинное возрождение здесь этого наследия будет происходить лишь по мере того, как будет возрождаться общественное мировоззрение российских мусульман. Не говоря уже о том, что адекватное восприятие российскими и особенно татарскими историками личности и деятельности М. Бигиева требует от них серьезной исламоведческой подготовки.

Постсоветский период открыл новые проблемы и новые возможности в изучении истории и современного состояния ислама в России и в Татарстане. Это было обусловлено повышением значения исламского фактора во внутренней политике Российского государства, а также тем, что процессы посткоммунистической либерализации благоприятно сказались и на положении мусульман, и на состоянии науки. С одной стороны, стали поощряться исследования многих, в том числе зарубежных, ученых, при этом выбор тематики исламоведческого исследования, методологические установки и подходы к пониманию проблем уже не регламентировались государством, как это было раньше. На этой позитивной волне татарское научное сообщество получило возможность начать восстанавливать свои позиции в области исламоведения. С другой стороны, в целом благоприятно изменились и условия развития самих мусульман: укрепилось политико-правовое и материальное положение их общин и официальных структур, вырос уровень информированности и активности мусульманской общественности – все это стало представлять собой гораздо более масштабную и более сложно структурированную, чем раньше, социальную реальность.

В постсоветский период наметился также определенный сдвиг в преодолении мусульманами Татарстана чувства провинциальной заброшенности в мире ислама. Как сообщество, они всегда испытывали сложность в том, чтобы считать себя полноценной частью мира ислама, поскольку в традиционном понимании самим этим миром своей идентичности отсутствует понятие мусульманской общины, существующей за его пределами, в немусульманской стране. Неслучайно в классическом исламском праве такая ситуация даже не предусмотрена. В прежние времена проблему усугубляло то, что контакты Татарстана со странами мусульманского мира были искусственно минимизированы и ограничивались чисто производственными связями, не имевшими никакого общественного значения. Например, столица Татарстана – Казань была практически исключена из числа городов, разрешенных для посещения и длительного пребывания мусульман-иностранцев, включая дипломатов, ученых, студентов, артистов, общественных и религиозных деятелей. Сегодня же мы видим огромный прогресс в развитии Татарстаном таких непосредственных контактов, поскольку отношение к ним со стороны внешнеполитических ведомств России стало значительно более либеральным. Принципиально новую ситуацию характеризует помимо прочего уже то,

что в Казани функционируют консульства Ирана и Турции – факт, символизирующий в глазах мусульманской общественности Татарстана исторический прорыв ее длительной политической изоляции от стран исламского мира. Укреплению чувства причастности российских мусульман к миру ислама не могло не способствовать также предоставление России в 2005 г. статуса наблюдателя в Организации «Исламская конференция».

К сожалению, на фоне этих позитивных изменений все же сохраняются определенные препятствия для объективного непредвзятого исследования современной проблематики ислама. Прежде всего, это та общественная атмосфера подозрительности вокруг мусульман и ислама в целом, которая сложилась сегодня не только в России в связи с обострением опасности экстремизма и терроризма. По признанию авторитетных российских исламоведов, в массовом сознании, СМИ и даже на уровне государственных учреждений нередко культивируется заведомо негативный, излишне политизированный образ ислама. Хотя сегодня такая тенденциозность уже не выглядит столь же безнадежно неодолимой, какой она действительно была в советское время. Хочется надеяться, что через столкновение и переосмысление неоднозначных и неустоявшихся дискурсивных практик, спорных проблем и сомнительных решений в России идет поиск новых подходов к изучению ислама, способных раскрыть его созидательный потенциал. Собственно подобная задача является одной из ключевых не только для исламоведения, но и для исламского возрождения, обозначившего актуальную для всего мира социально-преобразовательную парадигму построения такого общества, которое воплощает в жизнь повеления Бога о роде человеческом.

В решении этой глобально-исторической задачи сегодня миру необходим новаторский взгляд, который показал бы возможности усиления созидательной роли религиозного фактора в преобразовании и развитии современного общества. В этой связи чрезвычайно важно именно с таких позиций понять и оценить роль ислама в прошлом и настоящем народов России, в том числе в истории Татарстана и татарского народа. Несомненно, это будет способствовать также лучшему осознанию миром ислама своих подлинных культурно-цивилизационных границ. Сегодня они все больше определяются не столько формальным противопоставлением геополитических понятий «Дар аль-Ислам» и «Дар аль-Харб», сколько ценностными критериями – наличием у тех или иных региональных мусульманских сообществ одухотворенного

стремления к участию в реализации высоких и благородных целей, вытекающих из созидательно-исторической миссии ислама.

«II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: Единство традиции и обновления: Материалы II Международной науч.-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.», М., 2016 г., с. 251–259.

М. Магомедова,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН

ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПО ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

Аннотация. В статье анализируются ключевые угрозы региональной безопасности Республики Дагестан. Особое внимание уделяется угрозам в информационной сфере, одной из которых является отсутствие четко сформулированной информационной политики, отвечающей национальным целям, ценностям и интересам.

Ключевые слова: безопасность, стратегия, информационные процессы, информационная политика, экстремизм, Республика Дагестан.

Обеспечение безопасности всегда являлось важнейшей задачей государства, поэтому широко рассматривалось в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых.

Решение задач управления безопасностью регионов РФ в последнее десятилетие признается одним из важнейших приоритетов государственной региональной политики. Реализация данной задачи проявляется на общегосударственном уровне прежде всего концептуальным обоснованием управления национальной безопасностью России. Важными в этом направлении можно считать такие документы, как Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Доктрина информационной безопасности РФ, Доктрина внешней политики РФ, Концепция государственной информационной политики РФ, Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., Государственная программа Республики Дагестан «Реализация Стратегии государственной

национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Реализация Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. призвана стать мобилизующим фактором развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа РФ¹. Существенным моментом в Стратегии является то, что большое место в документе отводится борьбе с экстремизмом, национализмом, сепаратизмом, ксенофобией, вопросам гуманитарной и информационной безопасности.

Эти проблемы составляют смысловое ядро исследований отечественных ученых. Наиболее остро указанные проблемы встают на Северном Кавказе.

Распад РФ как продолжение процесса, начавшегося распадом Советского Союза, является целью ряда политических сил в России и за рубежом. Помимо чеченских радикалов, ряд представителей контрэлит в Дагестане, других республиках Северного Кавказа выступают за отделение от России и формирование самостоятельных государств или федераций на этнической или религиозной основе. Эти круги пользуются поддержкой определенных сил в Турции, странах Ближнего и Среднего Востока, рассматривающих Россию как традиционного противника и «исторического угнетателя» мусульманских народов².

В целях обеспечения национальной безопасности на территориях Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченской Республики и Ставропольского края, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), и обеспечения условий для опережающего развития реального сектора экономики разработана Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 г.

В процессе обеспечения национальной и региональной безопасности России следует обратить внимание на то, какое влияние

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Вестник Российской нации. – 2009. – № 3. – С. 252.

² Магомедова М.А. Угрозы национальной безопасности России на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. – 2013. – № 6. – С. 213–224.

оказывают различные информационные процессы на общественно-политическую составляющую жизни социума.

В настоящее время все большее внимание научной общественностью уделяется исследованию проблем формирования государственной информационной политики в особых условиях – в условиях использования иностранными государствами и иными субъектами информационного противоборства новых средств и методов политической борьбы, к которым относятся операции информационно-психологической войны, представляющие в условиях информационного общества особую опасность.

Государственная информационная политика РФ в условиях информационно-психологической войны представляет собой деятельность системы федеральных органов государственной власти по противодействию акциям (мероприятиям) внешней информационно-психологической агрессии и операциям информационно-психологической войны, направленным против РФ¹.

Поскольку объектом поражения информационной войны является сознание человека, то информационную войну можно определить как целенаправленное воздействие на сознание человека в целях обеспечения манипулирования им.

Актуальность данного исследования обусловлена событиями, которые происходят в современном мире. А именно: события на Украине, появление так называемого «Исламского государства», последствия «цветных революций», события в Арабском Востоке. Анализ влияния вышеуказанных событий требует особого внимания к разработке и продуманному проведению государственной информационной политики как в стране в целом, так и в Республике Дагестан.

В сети Интернет появляются видеоролики, в которых боевики так называемого «Исламского государства» выступали с заявлением о том, что скоро откроют фронт «джихада» на Северном Кавказе.

Подобные ролики в Интернете – явление частое. Однако это вовсе не уменьшает угрозы России, исходящей с Ближнего Востока. Создание халифата «Исламское государство Ирака и Леванта» на территории Ирака было очень значимым событием для радикальных мусульман. Об этом говорит реакция многих молодых

---

¹ Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: Горячая линия – Телеком, 2007. – С. 4.

людей СКФО на это событие, о чем они сообщают в социальных сетях. На страницах «Facebook» распространяются лозунги «Теперь у нас есть Халифат!!!» и т.п.

Так называемое «Исламское государство» ведет пропаганду в основном через «Твиттер». «Имарат Кавказ» также с большим успехом использует Интернет для вербовки сторонников, в основном молодежи.

По данным директора ФСБ РФ А. Бортникова, на стороне так называемого «Исламского государства» воюют около 1700 россиян, причем число граждан России в рядах джихадистов за год практически удвоилось¹. Основную часть среди них составляет молодежь, которой движет понимание того, что она реально ведет борьбу с мировым злом, за ислам. На ежегодной «Прямой линии» в эфире российских телеканалов В.В. Путин заявил о том, что Россия озабочена участием россиян в террористической организации «Исламское государство», но при этом прямой угрозы для нашей страны нет².

Многие ученые и общественные деятели констатируют, что причиной сохранения террористических угроз в РФ в целом и в СКФО в частности является активность террористического и религиозно-экстремистского бандподполья, подпитываемого из-за рубежа. Бандглавари ставят своей целью свержение светской власти в ряде регионов страны и создание теократического псевдогосударства с шариатской формой правления.

Для достижения указанной цели развернута широкомасштабная пропагандистская деятельность по распространению террористической идеологии, прежде всего в молодежной среде, направленная на обеспечение поддержки террористов среди части населения и рекрутирования в банды новых членов.

Основные идеи радикальных мусульман таковы:

- 1) создание исламского халифата на территории Кавказа, в будущем – по всему миру;
- 2) ислам будет распространен по всему миру, но в отличие от мирного ислама, предполагается его распространение в том числе с применением силы;

---

¹ ФСБ РФ: В рядах боевиков в Ираке воюют почти 2 тыс. россиян // Российская газета. – 2015. – 20 февраля.

² Путин заявил об отсутствии прямой угрозы для России со стороны ИГИЛ // РИА Новости. – 2015. – 16 апреля.

3) мировой джихад против неверных и лицемеров, в лице которых исламисты видят мусульман, выступающих против их идей. Данная идея свойственна молодежи, в том числе и кавказской, так как она делает их героями в лице друг друга, а других – предателями.

Неразрешенные территориальные конфликты, земельные споры, межэтнические столкновения, нереализованные притязания на автономию и равный доступ к власти порождают у населения Республики Дагестан ощущение несправедливости и создают благоприятную почву для радикальной исламистской пропаганды.

Кроме указанных выше, рассмотрим и иные причины экстремистской и террористической деятельности. В качестве примера можно привести данные социологического опроса, проходившего в г. Махачкала (опрошено 420 человек). Большая часть – 60,6% – респондентов считают, что молодые люди становятся террористами под влиянием пропаганды и уговоров среди своего окружения. Почти половина – 47,5% – видят прежде всего корыстные мотивы террористической активности, люди «уходят в лес», чтобы заработать денег. Примерно одинаковое число людей считает, что на «уход в лес» толкают преступные связи (уходит тот, кто имеет проблемы с законом) или же религиозные мотивы (например, защита «истинного» ислама) – 21,7 и 21% соответственно. Заметна разница между взглядами мужчин и женщин: связь проблем с законом у потенциальных террористов замечают 27,4% мужчин и лишь 18% женщин. Религиозные причины терроризма видят 23,2% мужчин и 19,6% женщин. Среди наименее значимых причин – противоправные действия правоохранительных органов (16,2%) и протест против несправедливости в республике (15,8%). Причем, связь между противоправными действиями правоохранителей и терроризмом видят 19,5% молодых мужчин и лишь 14,1% женщин¹.

Весной 2014 г. Региональным центром этнополитических исследований ДНЦ РАН было проведено социологическое исследование по изучению состояния межнациональных отношений и определению религиозной ситуации. Было разработано несколько типов анкет и опрошено около 800 респондентов. В одной из типов анкет был предложен следующий вопрос: «Как Вы считаете, в чем основные причины распространения так называемого

---

¹ Радикальный ислам в молодежной среде на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3281>

«нетрадиционного ислама» в Дагестане?» Оцените следующие причины – по шкале от 1 до 5, где 1 – не имеет значение, 2 – незначительное влияние, 3 – может иметь значение в некоторых ситуациях, 4 – важно, 5 – имеет определенное значение. По этому типу анкеты было опрошено 339 человек, среди которых: до 18 лет – 3 человека; 18–25 – 54 человека; 26–40 – 104 человека; 41 и более лет – 178 человек (табл. 1).

Таблица 1

**Причины распространения
«нетрадиционного ислама» в Дагестане**

Причина	До 18 лет	18–25 лет	26–40 лет	41 и более
Иностранное влияние	2,7 б.	3,8 б.	4,1 б.	4 б.
Криминальный фактор	2,7 б.	3,7 б.	3,4 б.	3,4 б.
Коррупция и несправедливость власти	3 б.	3,6 б.	4,1 б.	4,1 б.
Разница во взглядах между поколениями отцов и детей	2,7 б.	2,6 б.	1,9 б.	2,6 б.
Разочарование в традиционном исламе	1,7 б.	1,9 б.	1,6 б.	1,9 б.

В другом типе анкеты был предложен следующий вопрос: «Как Вы считаете, в чем основные причины распространения так называемого «нетрадиционного ислама» (салафизма) в Дагестане?»

По данному типу анкеты было опрошено 108 человек, среди которых: 18–25 лет – 39 человек; 26–40 лет – 46 человек; 40 и более – 23 человека (табл. 2).

Исходя из данных таблиц, можно утверждать, что доминирующими причинами распространения «нетрадиционного ислама» в республике являются иностранное влияние, коррупция и несправедливость власти.

По данным экспертного и массового опросов, проведенных В.В. Маркиным в Дагестане, распространению идей экстремизма и терроризма в республике способствуют: социальная поляризация и бедность части населения; коррупция и преступность. Далее следуют: спад производства и безработица, нарушение социальной справедливости и неравенство перед законом, неэффективность

управления, недовольство населения властью, борьба элит за власть, сложные религиозные отношения¹.

Таблица 2

**Степень важности факторов распространения
«нетрадиционного ислама» в Дагестане**

Причина	18–25 лет		26–40 лет		Более 40 лет	
	не важно	важно	не важно	важно	не важно	важно
Иностранное влияние	15	24	23	23	9	14
Разница во взглядах между поколениями отцов и детей	17	22	30	16	14	9
Коррупция и несправедливость власти	15	24	20	26	8	15
Сращивание традиционного ислама с властью	30	9	33	13	14	9

В ряду причин экстремистских проявлений можно отметить также расколотость дагестанского общества. В Дагестане насчитывается около 20 с лишним групп исламских сект. А если сюда прибавить еще около 30 дагестанских этносов, около десятка коррумпированных кланов, то можно представить, сколь расколотым является дагестанское общество.

В связи с вышеизложенным, с уверенностью можно констатировать, что в условиях высокого уровня коррупции в государственных структурах, отсутствия производства и рабочих мест, экономического роста и позитивного развития региона в целом, без гарантированного государством выполнения всех взятых на себя социальных обязательств, местное население с неохотой будет воспринимать и поддерживать позицию федеральной и республиканской власти по противодействию идеям экстремизма.

В идеологическом противодействии экстремизму важную роль играют СМИ. Следует отметить, что среди республик Север-

¹ Маркин В.В. Общероссийская и региональная идентификация в дискурсе противодействия идеологии экстремизма и терроризма // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М., 2015. – С. 496–514.

ного Кавказа наибольшее количество независимых СМИ находятся в Дагестане. В республике сложилась также действенная система религиозных СМИ. ДУМД имеет газету «Ас-салам», которая распространяется не только в Дагестане, но и в других регионах Северного Кавказа. Также это информационный сайт «Islam.ru», радиостанция «Ватан» и журнал «Ислам». Анализ публикаций в исламской прессе и выступлений мусульманского духовенства в электронных СМИ показывает усиленное внимание к проблемам идейного разоблачения религиозно-политического экстремизма. Дагестан также занимает первое место в России по числу убитых журналистов.

В настоящее время Республика Дагестан становится объектом пристального внимания со стороны некоторых зарубежных государств. По сути дела идет информационная война за сферу влияния на Кавказе. В связи с этим СМИ республики должны более обстоятельно оценить сложившуюся ситуацию и адекватно реагировать на нее. Но возможности СМИ и Интернета не используются полностью органами власти в информационно-идеологическом противодействии экстремизму. Информация должна стать важным фактором в борьбе с насилием в форме экстремизма и терроризма, выступая необходимым элементом единой системы государственных мер по обеспечению национальной безопасности. Осознание этого факта постепенно начинает проявляться и на уровне нормотворчества, и в правоприменительной практике. Однако, до выработки и целенаправленной, системной реализации антиэкстремистской идеологии пока еще далеко. Вместе с тем в республике многое делается для противодействия различным формам экстремизма. Постановлением Правительства РД от 11 декабря 2013 г. № 664 утверждена Государственная программа Республики Дагестан «Информационное противодействие идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан на 2014–2016 годы»¹. Министерством печати и информации РД совместно с Министерством образования и науки РД, Министерством по делам молодежи РД, Комитетом по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями, создана межведомственная группа по противодействию идеологии терроризма для проведения

---

¹ Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Информационное противодействие идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан на 2014–2016 годы». Постановление от 13 декабря 2013 г. № 664 [Электронный ресурс]. Режим доступа: / www.e-dag.ru

адресных профилактических мероприятий антитеррористической направленности с различными категориями населения, прежде всего с молодежью, вдовами и близкими родственниками членов незаконных вооруженных формирований, а также с лицами, отбывшими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В состав группы вошли также представители молодежных студенческих структур ДГТУ, ДГПУ, а также лидеры молодежных организаций.

Большую работу по идеологическому противодействию экстремизму и терроризму проводят представители различных конфессий Республики Дагестан. В настоящее время в Республике Дагестан действуют 2478 религиозных объединений, из которых 2423 – исламские (1262 Джума-мечети, 856 квартальных мечетей, 254 молитвенных дома, восемь исламских вузов, 39 медресе, четыре другие религиозные организации (ДУМД, Союз исламской молодежи, культурно-просветительские центры); 50 христианских и пять иудейских организаций¹.

В настоящее время на Северном Кавказе для противодействия вооруженному подполью параллельно применяются два конкурирующих подхода. Один основывается на жестких силовых методах и нетерпимой религиозной политике и наиболее четко прослеживается в Чечне. В рамках другого активнее применяются «мягкие меры», и религиозная политика носит более либеральный характер. Эта модель с наибольшей очевидностью реализуется в Дагестане.

Проблемы идеологического противодействия различным формам проявления экстремизма рассматриваются также в публикациях К.М. Ханбабаева, М.А. Магомедовой, Е.В. Лукьянцева, И.В. Пашенко².

---

¹ Гаджиев Р.Г. Роль религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании населения // Общедагестанское единство как фактор стабильности и безопасности: истоки и перспективы. Материалы Региональной научно-практической конференции. – Махачкала, 2014. – С. 94–98.

² Ханбабаев К.М. Опыт органов государственной и муниципальной власти Республики Дагестан по идеологическому противодействию религиозному и политическому экстремизму, терроризму [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ekstremizm.ru; Маркин В.В., Роговая А.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. – 2012. – № 11. – С. 142–146; Лукьянцев Е.В. Экстремизация молодежной среды: Возможность или реальность? // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 62–65; Пашенко И.В. Радикализация и терроризм на Северном Кавказе: Вызовы безо-

Противодействие идеологии экстремизма включает в себя комплекс организационных, социально-политических, информационно-пропагандистских мер по предупреждению распространения в обществе убеждений, идей, настроений, мотивов, установок, направленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов государства.

Предложения и рекомендации

1. Для эффективного противодействия экстремистским проявлениям необходимы выработка и реализация единой политики, направленной на минимизацию возможности распространения идеологии, ставящей своей целью ликвидацию институтов современного государства.

2. Учитывая то, что правоохранительная система в основном борется с уже свершившимися фактами экстремизма и их последствиями, полагаем необходимым активизировать работу по предотвращению экстремистских проявлений на стадии их приготовления.

3. Для этого, на наш взгляд, необходимо: принять специальные законодательные акты, направленные на пресечение не только самих насильственных действий экстремистского и террористического характера, но и идеологической подготовки к ним, позволяющие противодействовать любым, даже сравнительно слабым, по российским меркам, проявлениям экстремизма на ранних этапах его эскалации.

4. Принять меры по поднятию общего уровня массовой культуры, оказывающего огромное влияние на формирование ориентации на политическую корректность и негативное отношение к проявлениям экстремизма.

5. Необходимо более активно разъяснять несостоятельность, общественный вред и преступный характер идеологий, программ

пасности и стратегия противодействия // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 40–48; Магомедова М.А. Формирование толерантного сознания как условие этнополитической стабильности в Республике Дагестан // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2007. – С. 369–372; Юсупова Г.И. Глобализация и трансформация этноконфессиональных отношений в Дагестане // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала, 2007. – С. 209–216.

и действий, которые заключают в себе ненависть и вражду к людям других рас, национальностей, вероисповеданий, социальных групп.

Надо излагать и доводить до сведения читателей и слушателей современные положения науки о роли и значении культурных традиций и межкультурного диалога.

6. Повысить уровень идеологического противодействия экстремизму и терроризму, активнее привлекая к этой работе представителей государственной власти, местного самоуправления, ученых, деятелей культуры, духовенства, педагогических коллективов.

7. В целях преодоления практики одностороннего освещения происходящих на Северном Кавказе событий и устранения предпосылок для формирования ложных стереотипов массового сознания, способствующих разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни, органам государственной власти, правоохранительным органам необходимо направить в центральные СМИ публикации для объективного и всестороннего освещения жизни региона, ознакомления широкой дагестанской аудитории с культурой и лучшими представителями его народов.

8. Органам государственной власти и правоохранительным органам необходимо организовать через СМИ активную просветительскую работу, особенно среди молодежи, по разъяснению опасности экстремизма для государства и общества в целом, для каждого человека в отдельности, шире пропагандировать миролюбивую сущность и толерантность исламского вероучения, активно использовать его истинные ценности для нравственного воспитания верующих.

Литература

1. Гаджиев Р.Г. Роль религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании населения // Общедагестанское единство как фактор стабильности и безопасности: истоки и перспективы. Материалы Региональной научно-практической конференции. – Махачкала, 2014. – С. 94–98.
2. Лукьянцев Е.В. Экстремизация молодежной среды: возможность или реальность? // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 62–65.
3. Магомедова М.А. Угрозы национальной безопасности России на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. – 2013. – № 6. – С. 213–224.
4. Магомедова М.А. Формирование толерантного сознания как условие этнополитической стабильности в Республике Дагестан // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Все-

- русской научно-практической конференции. – Махачкала, 2007. – С. 369–372.
5. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М.: Горячая линия – Телеком, 2007.
  6. Маркин В.В. Общероссийская и региональная идентификация в дискурсе противодействия идеологии экстремизма и терроризма // Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения. – М., 2015. – С. 496–514.
  7. Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Информационное противодействие идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан на 2014–2016 годы». Постановление от 13 декабря 2013 г. № 664 [Электронный ресурс]. Режим доступа:// www.e-dag.ru
  8. Пашенко И.В. Радикализация и терроризм на Северном Кавказе: Вызовы безопасности и стратегия противодействия // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 40–48.
  9. Путин заявил об отсутствии прямой угрозы для России со стороны ИГИЛ // РИА Новости. – 2015. – 16 апреля.
  10. Радикальный ислам в молодежной среде на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3281>
*«Вестник Российской нации»,
М., 2015 г., № 4, с. 152–163.*

П. Паршин,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

МЕСТО И РОЛЬ ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ТАДЖИКИСТАНА

Аннотация. В статье даются характеристики того места, которое занимает в Республике Таджикистан самый большой по территории и самый малолюдный ее район, Горно-Бадахшанская автономная область, населенная в основном родственными таджикам, но имеющими свою особую этническую и конфессиональную идентичность, а также свои собственные языки памирскими народами, а также небольшим количеством киргизского кочевого населения. Описывается роль этого региона и его населения в составе республики и в ее новейшей постсоветской истории, а также ее потенциал в экономическом, в особенности транспортном, а также политическом развитии Таджикистана.

Ключевые слова: Таджикистан, Горный Бадахшан, Памир, «крыша мира», гражданская война 1992–1997 гг., Э. Рахмон, авторитаризм, исмаилизм, Ага-Хан, туризм, наркотрафик, минеральные богатства Бадахшана, исламские боевики.

Введение

В преамбуле к Конституционному закону Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области» от 30 июля 2007 г.¹ говорится, что «Горно-Бадахшанская автономная область, являясь составной и неделимой частью Республики Таджикистан, обладает особыми географическими условиями, уникальными культурными, духовными и языковыми ценностями». О том, в чем заключаются «особость» и «уникальность», в Законе ничего явным образом не сказано, однако из того факта, что Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО, тадж. – Вилояти Мухтори Кухистони Бадахшон – ВМКБ, до 1941 г. – Автономная Горно-Бадахшанская область, АГБО) сохраняет статус автономной области² с самого момента ее создания 2 января 1925 г., можно заключить, что некая специфика у нее действительно имеется, причем такая, признание которой продолжает считаться целесообразным или хотя бы допустимым на протяжении вот уже почти 90 лет, из которых без малого четверть века ГБАО находится в составе другого государства, нежели СССР³.

В статье предпринимается попытка охарактеризовать эту объективную специфику ГБАО, поскольку она не просто весьма

---

¹ Конституционный закон Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18413
Данный закон заменил собою одноименный закон от 4 ноября 1995 г.

² Автономных областей в составе бывшего СССР было не столь много, и по большей части их статус был так или иначе изменен еще в довоенное время или же в 1990–1991 гг. Ныне, кроме Горно-Бадахшанской, на территории бывшего СССР существует только Еврейская автономная область (в составе РФ), созданная в 1934 г. по политико-идеологическим соображениям и насчитывающая ныне не более 1% еврейского (т.е. формально титульного) населения.

³ В начале 1990-х годов (по одним данным, в 1992 г., по другим – в 1993 г.) предпринималась попытка одностороннего провозглашения ГБАО Автономной Республикой Бадахшан, однако республиканские власти этого решения не признали, и после гражданской войны 1992–1997 гг., обусловленной другими причинами и вовлекшей в себя практически весь Таджикистан, к нему больше не возвращались. См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горно-Бадахшанская_автономная_область #cite_ref-7; Pamirs. History. URL: <http://www.pamirs.org/history.htm>

значительна, но, пожалуй, действительно не имеет аналогов на территории бывшего СССР.

Предварительно оговорим то обстоятельство, что в задачи статьи не входят:

1. Характеристика ситуации в Таджикистане в целом и перспектив, по мнению большинства экспертов, весьма тревожных¹, в силу как внутренних (плачевное состояние экономики, усугубившееся вследствие кризисных явлений в России, откуда вернулись на родину сотни тысяч таджикских мигрантов, чьи денежные переводы, по некоторым оценкам, составляли более 40% ВВП Республики; все более авторитарный характер режима Э. Рахмона, подкрепленный внесением поправок в Конституцию на референдуме 22 мая 2016 г.), так и внешних причин (соседство с районами действия исламских боевиков и слабо защищенной границей, через которую к тому же осуществляется наркотрафик, а также весьма специфическими отношениями с Китаем, заинтересованным в некоторых территориях на северо-востоке ГБАО и фактически уже начавшим, с согласия центральных властей, их освоение – что не вызывает восторга у жителей ГБАО).

2. Текущее перечисление актуальных событий, происходящих и происходивших в последние годы на территории ГБАО (хотя наиболее важные из этих событий, разумеется, будут упомянуты, ибо они подразумеваются характеристикой роли автономии в государственной системе Таджикистана).

3. Детальное воспроизведение дискуссий, ведущихся в автономии и вокруг нее между провластными и оппозиционными группами (трибуной для последних является Интернет).

Ниже пойдет речь только о Горном Бадахшане – сначала о его месте в государственной системе Республики Таджикистан, а потом о его роли в этой системе; оба слова, как место, так и роль, используются при этом в расширительном смысле.

Разумеется, о правомерности такого редукционизма можно спорить, но важно явно зафиксировать его, что мы и делаем в настоящем введении.

---

¹ Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats. International Crisis Group. Europe and Central Asia Briefing № 78. 11.01.2016. URL: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/tajikistan/b078-tajikistan-early-warning-internalpressuresexternal-threats.aspx>

Место. Правовой статус Горно-Бадахшанской автономной республики

Правовой статус ГБАО определяется, прежде всего, ст. 7 Конституции Республики Таджикистан¹, в русском тексте которой говорится, что «Таджикистан состоит из Горно-Бадахшанской автономной области, областей, городов, районов², поселков и сел».

Сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что Горный Бадахшан упомянут в числе составных частей таджикского государства первым. Логика здесь может быть разная, но первое место в любом случае, и тем более в таком документе, как Конституция, неизбежно маркировано и воспринимается в таком качестве.

Кроме того, Горно-Бадахшанской автономной области посвящена пусть короткая, всего из трех статей (ст. 81–83), но отдельная глава 7 Конституции Республики Таджикистан. В ст. 83 говорится, что «полномочия Горно-Бадахшанской автономной области в социальной, экономической, культурной сферах и другие полномочия области определяются конституционным законом». Этот уже упоминавшийся Закон от 30 июля 2007 г.³, состоящий из пяти глав и 20 статей, резервирует за ГБАО, независимо от численности населения автономной области, представительство в Маджлиси милли (Парламенте), количественно равное с областями Таджикистана, г. Душанбе, городами и районами республиканского подчинения, а также посты одного из заместителей Председателя Маджлиси милли и одного из судей Конституционного суда Республики Таджикистан (ст. 3). Маджлис народных депутатов ГБАО имеет право законодательной инициативы (ст. 4).

В собственности ГБАО, согласно ст. 6, «находится имущество органов власти и управления, культурно-исторические ценности населения, бюджетные средства области, жилищный фонд и жилищно-коммунальное хозяйство, предприятия сельского хозяйства, торговли, бытовых услуг, транспорта, других предприятий промышленных и строительных комплексов, учреждения здраво-

---

¹ Конституция (Сарконуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон / Конституция Республики Таджикистан 1994 г. – URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112>

² Имеются в виду районы областного подчинения в Центральном Таджикистане.

³ Конституционный закон...

охранения, образования, культуры и другое имущество, необходимое для экономического и социального развития области, если в законах и нормативных правовых актах Республики Таджикистан не установлен иной порядок». Природные ресурсы, как легко видеть, остаются в республиканской собственности, причем, согласно ст. 10, «Маджлис народных депутатов и председатель на территории Горно-Бадахшанской автономной области, г. Хорога¹ и района осуществляют контроль за целесообразным размещением производственных и социальных объектов, созданием соответствующих инфраструктур, эффективным использованием природных и трудовых ресурсов, охраной окружающей среды и другими сферами, являющимися республиканской собственностью в соответствии с нормативными правовыми актами Республики Таджикистан».

В число финансовых источников Горно-Бадахшанской автономной области, г. Хорога и района, по Закону, входят «местные бюджетные средства, государственные целевые фонды, прибыль из республиканского бюджета в форме безвозмездной помощи (дотации), финансовая помощь (субвенция) из бюджета вышестоящего органа, бюджетный кредит из бюджета вышестоящего органа, благотворительные средства, ценные и выигрышные бумаги и местные аукционы, прибыль от массовых, спортивных и культурных мероприятий, иностранные инвестиции и другие источники, не запрещенные нормативными правовыми актами Республики Таджикистан» (ст. 11). Следует заметить, что роль дотаций и иностранных, в том числе и российских, финансовых поступлений для ГБАО очень существенна (см., в частности [6]).

Территория, природные условия и пространственное распределение населения на Памире

Территория, природа и население – вещи, конечно, разные, однако в случае Горного Бадахшана специфика автономии во многом определяется их соотношением и взаимодействием.

---

¹ Хорог, стоящий на таджико-афганской границе при впадении в пограничную реку Пяндж ее правого притока, реки Гунт, – столица и единственный город ГБАО; в нем, по официальным данным 2014 г., живут 28,8 тыс. человек, а по неофициальным данным 2016 г. – 32,1 тыс. Расположен Хорог на исторически шугнанской (см. далее) территории и населен, главным образом, шугнанцами.

ГБАО представляет собой средний элемент своеобразной «матрешечной» структуры, входя, с одной стороны, в состав Республики Таджикистан и занимая там 64,1 тыс. кв. км, что составляет 44,9% от всей таджикской территории (см. Приложение 1). При этом население автономии, согласно официальной республиканской статистике, на 1 января 2014 г. составило 212,1 тыс. человек, т.е. всего лишь около 2,6% от всего населения Таджикистана (8161,1 тыс. человек на тот же момент). Темпы роста населения в ГБАО чуть ниже, чем в других областях Таджикистана и в республике в целом (0,9% в 2013 г., тогда как в Таджикистане в целом – 2,2%, причем в 2004–2007 гг. прирост был отрицательным)¹. Неофициальные, но более новые источники дают несколько бóльшие значения: 236,7 тыс. человек в ГБАО, 8,8 млн человек в Таджикистане; доля ГБАО, впрочем, меняется при этом всего на доли процента. Плотность населения ГБАО, по разным данным, составляет около 3,3–4,0 человек на кв. км, при этом распределено оно крайне неоднородно, что хорошо видно из Приложения 2.

Внутренняя «матрешка» – это Мургабский район в составе ГБАО, который относится к ней примерно так же, как она сама к Таджикистану: территория Мургабского района составляет около 60% территории ГБАО, а население (14,2 тыс. человек на 1 января 2014 г.) – 6,7%; плотность населения – 0,4 человека на кв. км. Наиболее существенное отличие заключается в том, что расположенный на северо-востоке ГБАО Мургабский район (в состав которого входит Памирское нагорье) заселен не ираноязычным населением, доминирующим в Таджикистане в целом, а в основном киргизами-скотоводами, имеющими иную этническую и конфессиональную идентичность, ведущими другой тип хозяйства и говорящими на совсем другом языке, чем население южной и западной частей ГБАО². Вследствие этого обсуждение в прессе того, что можно назвать «памирскими / бадахшанскими делами / событиями», обычно не принимает во внимание эту часть населения, численность которого хотя и увеличилась в 6 раз с момента образования ГБАО в 1925 г., но все равно остается крайне незначительной, а если Мургабский район и упоминается, то в качестве

---

¹ Шумораи аҳолии Чумхурии Тоҷикистон то 1 январи соли 2014. Численность населения Республики Таджикистана на 1 января 2014 г. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2014, с. 9. URL: http://stat.tj/ru/img/b417f44e3113e555ffff3cd143d5b3fe_1404816557.pdf

² Мургабу и его населению посвящена недавняя большая монография [9].

объекта, а не субъекта политических действий (см. ниже) – несмотря на то, что именно его территория, покрывающая Памирское нагорье, с физико-географической точки зрения иногда рассматривается как Памир в узком смысле [2, с. 200–201]. Неоднородность пространственной дистрибуции населения объясняется природными причинами. Большая часть территории Памира непригодна для нормального проживания: это либо высокогорные хребты на юге и западе ГБАО (как, впрочем, и во многих других частях Таджикистана), либо уже упомянутое Памирское нагорье, представляющее собой поднятое чрезвычайно высоко над уровнем моря пустынное плато с горными возвышениями, имеющими очень большую абсолютную, но малую относительную высоту¹. Собственно, памирское население, родственное, но не тождественное таджикам, сосредоточено на Юге и Западе Памира, в основном в узких горных долинах бурных рек бассейна Амударьи – Пянджа и его притоков Бартанга, Ванча, Гунта, Язгулема; названия некоторых из этих рек и / или частично одноименных горных хребтов дают имена местным народам и языкам.

Памирские народы исторически входили в различные государства, а в XIX в. имели свои собственные полунезависимые феодальные государственные образования (Шугнан, Рушан, Вахан, Дарваз). В последней трети XIX в. эти территории стали объектами так называемой «Большой игры», основными участниками которой были Российская и Британская империи, а также Афганистан, Китай, Коканд и Бухара. В 1895 г. по российско-британскому соглашению спорные территории были разделены между Россией и Великобританией, а частично переданы Бухаре, находившейся на тот момент в вассальной зависимости от России. В российской литературе утверждается, что вхождение памирцев в состав империи было мирным и добровольным.

Территории, включенные по соглашению в состав Бухарского эмирата, фактически управлялись начальником памирского отряда российской армии, а с 1905 г. они перешли под российское управление и формально. Русский Бадахшан и Восточный Памир были выделены из общетуркестанского управления в особый административный округ, который находился в ведении начальника Памирского отряда (со штаб-квартирой в Хороге). Командир отряда,

---

¹ Считается, что в природном отношении у Памира имеется в мире всего два аналога – расположенное относительно неподалеку огромное Тибетское нагорье и Центрально-Андийское нагорье на противоположном конце планеты.

получивший права уездного начальника, подчинился военному губернатору Ферганской области¹.

Вполне естественно, что граница после 1895 г. прошла по рекам, в результате чего памирские феодальные государственные образования (и народы) в значительной части оказались (и остаются поныне) разделенными, что является еще одной специфической чертой ГБАО. Бадахшан, как объемлющая территория, был разделен на левобережный (современная афганская провинция Бадахшан) и правобережный (современная ГБАО). Разделение коснулось, прежде всего, наиболее крупных из памирских народов, обитавших по обоим берегам ставшего пограничным Пянджа:

– шугнанцев (самый многочисленный памирский этнос, насчитывающий около 85 тыс. человек в ГБАО и около 25 тыс. на левом, афганском берегу);

– близкородственных им рушанцев (их общая численность – около 30 тыс. человек; шугнанский и рушанский языки взаимопонимаемы);

– ваханцев (65–70 тыс. человек)², живущих, кроме ГБАО и Афганского Бадахшана, также в Пакистане и Синьцзяне, в районе слияния рек Памир (выше кишлака Лянгар граница проходит по ней) и Вахандарья, дающих начало Пянджу (там сложная конфигурация границ).

Долина Вахандарьи образует так называемый Ваханский коридор, связывающий Памир с Китаем.

Уходящие на северо-восток от государственной границы области расселения правобережных шугнанцев и рушанцев по Гунту и Шахдаре, а также целиком оставшихся на правом берегу бартангцев по Бартангу хорошо видны на карте в Приложении 2.

Разделенными оказались также немногочисленные ишкашимцы, живущие в двух кишлаках по разные стороны таджикско-афганской границы, на самом южном ее участке. Остальные

---

¹ В дальнейшем, после занятия в сентябре 1920 г. Бухары войсками РККА, была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика, через четыре года разделенная на Туркменскую ССР и Узбекскую ССР с Таджикской АССР в ее составе; в 1925 г. Горный Бадахшан вошел в состав Таджикской АССР на правах автономной области. В 1929 г. Таджикистан был преобразован в союзную республику и вошел в состав СССР – вместе с Горным Бадахшаном, сохранившим статус автономной области и являющимся ныне старейшим на территории бывшего СССР образованием такого типа.

² Данные о численности из Википедии, статья «Памирские народы» (ru.wikipedia.org).

памирские народы¹, жившие по берегам притоков Пянджа, оказались либо в ГБАО, либо в афганском Бадахшане. Говорящие на еще одном из памирских языков сарыкольцы и не всегда признаваемые самостоятельным этносом йидга живут за пределами Памира: первые – в китайском Синьцзяне, вторые – в пакистанской области Читрал.

Этническая, языковая и конфессиональная идентичность населения ГБАО

Памирцев иногда называют памирскими, или горными таджиками, однако такое название, довольно часто использовавшееся в советское время, некорректно и не признается самими жителями Памира, для которых уверенное противопоставление себя «равнинным» таджикам является одним из важных элементов идентичности, объединяющих воедино эти разноязычные народы. Их общее самоназвание – памирцы, или памири; так же их воспринимают и жители других регионов Таджикистана [7]. Помимо этносов, упомянутых выше, к числу памирцев относят также ягнобцев (живут в среднем течении реки Ягноб и ее притока Куль, а также в долине реки Варзоб), язгулемцев (в долине реки Язгулем), мунджанцев (в Афганистане в долине реки Мунджан и на сопредельных территориях Пакистана), зебакцев (в Афганистане по левобережью Пянджа), хуфцев (в горной Хуфской долине недалеко от Хорога), баджуйцев (с. Баджув в Рушанском районе ГБАО), сангличей (в Афганистане в районе перевалов Санглич и Карамуджон)².

Памирские народы говорят примерно на десятке своих собственных языков (точное их число указать трудно в связи с тем, что некоторые из них считаются рядом исследователей диалектами или даже говорами других памирских языков, например хуфский может считаться диалектом шугнанского). Генеалогически все они относятся к восточной (тогда как таджикский – к западной) подгруппе иранской ветви индоевропейских языков и достаточно, хотя и в разной степени, близки между собой. Например, язгулемский и ишкашимский языки другим памирцам непонятны,

---

¹ Список их является ориентировочным, поскольку некоторые из них, видимо, следует считать субэтносами по отношению к другим.

² Википедия. Памирские народы.; Пастухов А.М. ЧИД (Этнографическое исследование). URL: <http://avesta.tripod.com/etnograf/Pastukhov001.htm>

но это, конечно, не идет ни в какое сравнение, скажем, с разнообразием языков Северного Кавказа, не говоря уже о более далеких от России территориях с высокой генетической плотностью языкового состава [8].

Все памирские языки – бесписьменные¹, относятся по классификации Summer Institute of Linguistics к категориям ба (vigorous «бодрый» – таковы шугнанский с близкородственным рушанским, ваханский, мунджанский) или бб (endangered «угрожаемый»: звучит тревожно, но надо иметь в виду, что это позиция в середине, а вовсе не на краю шкалы социолингвистического статуса языка). Отношение ко всем памирским языкам у их носителей позитивное².

Языком межэтнического общения для всех жителей ГБАО, равно как и используемым ими письменным языком, является таджикский³, однако в плане языковой идентичности он выступает скорее push-фактором («это не наш язык»), объединяет же памирцев знание своих языков и осознание того, что эти языки отличаются от таджикского, дари (в Афганистане) и других языков соседей (например, тех же киргизов). Это, впрочем, не означает враждебного отношения к таджикскому языку, точно так же, как осознание памирцами своей этнической идентичности не отрицает наличия у них также и второй, общетаджикской идентичности, в определенных ситуациях особо декларируемой.

Еще одним, и очень важным, параметром идентичности памирцев является конфессиональный. В отличие от окружающих народов, исповедующих ислам суннитского толка, памирцы в своем большинстве являются шиитами, причем не просто шиитами, а исмаилитами, точнее, членами самой крупной исмаилитской общины низаритов. Исмаилизм имеет ряд серьезных отличий от других направлений в исламе⁴, и что очень существенно, у исмаилитов имеется духовный глава, власть и авторитет которого передаются по наследству, – имам Ага-хан («верховный владыка»),

---

¹ Попытки разработать и внедрить письмо для шугнанского и ваханского языков предпринимались, но практического использования эти наработки не нашли.

² Ethnologue. Languages of the World. URL: www.ethnologue.com

³ В советское время среди образованных памирцев, а их было (и есть) немало, а также мужчин, отслуживших в армии, было широко распространено и знание русского языка.

⁴ Обсуждение их, равно как и истории исмаилизма, не входят в задачи настоящей работы.

в настоящее время (с 1957 г.) – Его Высочество (титул присвоен королевой Елизаветой II) Карим Ага-хан IV. Ага-хан IV – вестернизованный религиозно-политический деятель, родившийся в 1936 г. в Женеве и обитающий под Парижем мультимиллионер, спонсор множества благотворительных, культурных и образовательных проектов, создатель крупного Фонда Ага-хана, поддерживающего экономическое развитие исмаилитских общин, и основатель нескольких университетов (один из них – в столице ГБАО Хороге). Финансовая поддержка Фонда, ставшая возможной (и очень востребованная) после распада СССР и гражданской войны 1992–1997 гг., чрезвычайно важна для крайне небогатых территорий Бадахшана – как таджикского, так и афганского¹.

Интерес Ага-хана IV и его Фонда к Бадахшану поддерживается также тем, что это единственная в мире обширная территория, на которой исмаилиты составляют большинство, что дает основание некоторым авторам видеть в деятельности Ага-хана IV стремление к построению исмаилитского государства. Впрочем, на фоне других бадахшанских сюжетов этот является сугубо периферийным.

В любом случае, однако, численное преобладание исмаилитов в Бадахшане и их чувство общинной солидарности [7, с. 189] являются фактом, долженствующим рассматриваться среди существенных характеристик ГБАО. По словам московского востоковеда А.Ш. Ниязи, «исмаилиты Памира – самая сплоченная часть населения Таджикистана. Сильное чувство общинной солидарности базируется на традиционной структуре исмаилитской организации и на широко разветвленных родственных связях жителей разных районов ГБАО. Крепки семейно-клановые узы.

Примечательно, что область стоит на первом месте в республике по количеству сложных многопоколенных семей. Если на долю таковых в республике в последнее десятилетие приходилось в целом 12,2%, то в ГБАО – 21%. Недаром в Таджикистане говорят, что все памирцы – родственники»².

---

¹ Подробнее о деятельности Ага-хана IV и его Фонда см., в частности: [3; 4; 10], а также Арутюнов С. Между Рахмоном и Ага-ханом – международный аспект бадахшанской проблемы. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/>

² Ниязи А. Таджикистан: региональные аспекты конфликта (1990-е годы). Электронный ресурс. URL: <http://ctaj.elcat.kg/2010/07/15/tadjikistan/>

Экономика и природные ресурсы Горного Бадахшана: Актуальное состояние и перспективы развития

Таджикистан повсеместно признается бедной страной. Таджикская ССР был одной из наименее развитых республик СССР, а последствия распада союзного государства и пятилетняя гражданская война на территории республики, кстати, самая кровопролитная из постсоветских войн (в российских СМИ она почти не освещалась), дополнительно нанесли экономике ГБАО огромный ущерб. По данным того же Ниязи, на этой войне погибло около 100 тыс. человек (по другим оценкам – до 150 тыс.); 900 тыс. стали беженцами и вынужденными переселенцами; было разрушено более 150 тыс. домов; эмигрировала подавляющая часть интеллектуальной элиты; общий ущерб от конфликта оценивается в 7 млрд долл. (по другим данным – более 10 млрд¹). В настоящее время, почти без малого через 20 лет после подписания в июне 1997 г. «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане», Горный Бадахшан не имеет почти никакой промышленности² и на настоящий момент не может существовать без дотаций извне, в том числе и в натуральной форме.

В такой ситуации практически любые разговоры об экономике ГБАО ведутся преимущественно в режиме обсуждения потенциала автономной области и его контраста с актуальным состоянием. Потенциал признается незаурядным, а подходы к обсуждению современного состояния ведутся либо в критическом аспекте с акцентом на обсуждение тех причин (обычно оцениваемых как субъективные, часто с конкретным указанием виновников – в основном эта модальность реализуется в оппозиционном дискурсе), которые не дают этот потенциал реализовать, либо в оптими-

---

¹ Гражданская война в Таджикистане. URL: www.wikipedia.org со ссылкой на изд. Саъдиев Ш. Таджикистан: путь к миру и согласию. – Душанбе, 2002.

² Удельный вес производства промышленной продукции в ГБАО в общем объеме ее производства в Республике Таджикистан в 2015 г. составил 0,2% по добывающей промышленности, 0,4 – по обрабатывающей и 2% – по производству и распределению электроэнергии, газа и воды – см.: Социально-экономическое положение Республики Таджикистан, январь–декабрь 2015 г. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016, с. 151. – URL: http://www.stat.tj/ru/img/3c8b737e693be8769270f0f588a0a0e5_1455852583.pdf (По другим данным (см. Приложение 3), суммарная доля ГБАО в промышленном производстве Таджикистана составила около 1%).

стическом ключе, с указанием на плодотворные усилия и достигнутые результаты.

О бадахшанской оппозиции будет сказано в разделе «Роль» далее. Что же касается оценки потенциала, то чаще всего называются три основных актива ГБАО, которые были перечислены осенью 2014 г. в интервью главы области Ш. Джамшедова, данного им после поездки в Москву на IV Межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: Потенциал межрегионального сотрудничества»¹. Ниже они перечислены в том же, что у Джамшедова, порядке.

1. Туризм в самых различных его разновидностях, не в последнюю очередь – экстремальный. «Нам всем, – сказал тогда памирский руководитель, – остается только работать над тем, чтобы сформировать правильный имидж ГБАО как региона Таджикистана, приспособленного под активный отдых, укрепление здоровья и реабилитацию». Подробнее о туристическом потенциале ГБАО будет сказано далее.

2. Развитие и генерация гидроресурсов и производство электроэнергии, потенциал чего, по Джамшедову, используется не более чем на 5%.

3. Минеральные ресурсы области, прежде всего, как считается, запасы редких и благородных металлов, а также драгоценных и полудрагоценных камней.

Порядок перечисления показателен: потенциал по первым двум позициям сомнений не вызывает, однако реализация второй из них требует несравненно больших усилий и вложений и может быть сопряжена с социальными, экологическими и, как следствие, политическими рисками, присущими крупным гидроэнергетическим проектам на трансграничных реках (возможны конфликты, как минимум, с Узбекистаном и Туркменией).

Очень непросто обстоит дело и с третьей позицией. В-первых, популярные утверждения о несметных богатствах памирских недр (в равной степени охотно озвучиваемые в Таджикистане как властью, так и оппозицией, а также распространяемые журналистами) во многом носят риторический характер. Месторождения лазурита (недалеко от Хорога) и благородной шпинели (она же бадахшанский лал – месторождение Кухилал в Ишкашимском

---

¹ Глава ГБАО Ш. Джамшедов: В 2015 г. начнем строить «Новый Хорог». URL: <http://Jaraj.com.tj/tajikistan/799-glava-gbaodzhamashedovv-2015-godu-nachnem-stroit-novyuy-horog.html>

районе) известны еще с античных времен, однако их экономическая значимость никогда не была особенно большой. В советское время в Горном Бадахшане были открыты многочисленные залежи полезных ископаемых [1] (ныне подтвержденными, по словам Ш. Джамшедова, являются свыше двухсот месторождений и рудопроявлений), однако интенсивных их разработок не велось в связи с гораздо большей доступностью и экономической целесообразностью добычи в других регионах Таджикистана, в особенности на севере и западе республики¹. Так что потенциал здесь, по всей вероятности, имеется, и ряд важных игроков (прежде всего, Китай, а также Индия и США) проявляют явный интерес к рудным месторождениям Памира, однако рассчитывать на быструю реализацию этого потенциала пока трудно. К тому же не следует забывать, что недрами Республики Таджикистан распоряжаются республиканские власти (что является одним из пунктов претензий памирской оппозиции), и вряд ли они будут рассматривать интересы ГБАО как приоритетные.

Обратимся к разговору о роли Горного Бадахшана в государственной системе Таджикистана. Она, в общем-то, столь же своеобразна, как и место автономной области в составе Таджикистана.

Роль

Под ролью ГБАО в государственной системе Таджикистана уместно понимать те функции, позитивные и негативные, которые выполняет данная территория в Республике Таджикистан. В силу изложенных выше соображений относительно своеобразия места ГБАО, о функциях этой автономии (если не пытаться впасть в совсем уж формалистический подход и сосредоточиться на тех интуитивно функциональных характеристиках, упоминания о которых встречаются в дискуссиях о ГБАО чаще всего) можно сказать следующее.

Актуальная экономическая роль Горного Бадахшана в Таджикистане более чем незначительна; автономия практически всегда жила и продолжает жить на республиканские дотации, к которым в последнее время добавилась международная помощь

---

¹ Так, уран для первой советской атомной бомбы был добыт и переработан именно на севере Таджикистана.

как от стран-доноров, так и от Фонда Ага-хана IV. А вот политическая роль ГБАО является гораздо более существенной.

Горный Бадахшан уже почти два десятилетия выполняет в Таджикистане роль оплота оппозиции (а по принадлежащим ей оценкам – оплота свободы и религиозной терпимости). Перед началом гражданской войны в ГБАО сочетались самый низкий уровень жизни в и без того бедном Таджикистане и самый высокий уровень образования (среди жителей Хорога – единственного города в автономии), дополнявшийся самой высокой безработицей, уже тогда положившей начало массовому выезду населения за пределы ГБАО (уже в 1992 г. за ее пределами жило больше памирцев, чем внутри области).

Во время гражданской войны 1992–1997 гг. памирцы вместе с жителями тогдашних Гармской и Кулябской групп районов образовали коалицию «южан», противостоящую «северянам» – тогдашним ленинабадцам, гармцам и гиссарцам¹. Кровопролитная война развивалась по нескольким разным линиям противостояния: таджики – нетаджики; город – село; старая – новая номенклатура, индустриальное – традиционное общество; горные – долинные жители, северные – южные таджики; и на все это в качестве самостоятельного, но очень важного фактора накладывалась вражда регионов и кланов². После замирения в 1997 г. ГБАО, находящаяся на известном отдалении от центральной власти, стала тем местом, где в той или иной степени продолжалась деятельность очень пестрой по своему составу и идеологии антирахмоновской оппозиции, в том числе ряда полевых командиров. В июле 2012 г. там был убит (забит до смерти в некоем довольно мутном конфликте) начальник УГКНБ области генерал А. Назаров, что привело к масштабным волнениям и войсковой спецоперации, в которой, по официальным данным, были убиты 42 человека (по неофициальным, естественно, больше), в частности, часть лидеров оппозиции. Тракторки этого события властью и оппозицией радикально отличаются; вторая к тому же обвиняет первую и лично Э. Рахмона в осуществлении контроля за потоком наркотиков и их реализаций; по некоторым оценкам, наркотрафик – это второй после денежных переводов работающих в России мигрантов

---

¹ Следует иметь в виду, что административно-территориальное деление Таджикистана как в советское, так и в постсоветское время многократно перекраивалось; стабильными оставались лишь границы и статус ГБАО.

² Ниязи А. Указ. соч. [11, р. 37–42].

источник финансовых поступлений в Таджикистан. В дальнейшем волнения, правда, не слишком значительные, возникали еще неоднократно, в частности в мае 2014 г., когда погибли три человека.

В Интернете ведется постоянная полемика между оппозицией и провластными авторами не в последнюю очередь по поводу событий в ГБАО и участия в них различных политических сил (а также получаемых при этом материальных выгод). В этом плане можно говорить о своего рода идеологической роли автономной области. Не приходится поэтому удивляться тому, что в бумажной и электронной прессе различной степени и различных оттенков оппозиционности, причем не только таджикской, периодически обсуждается вопрос о возможности ликвидации автономного статуса ГБАО. В частности, этот сюжет активно обсуждался накануне референдума о внесении изменений в Конституцию Таджикистана 22 мая 2016 г.¹ Ничего подобного пока что не произошло, Э. Рахмон через месяц после референдума совершил поездку в ГБАО с сугубо экономической повесткой (запуск мини-ГЭС «Мотравн» в Язгулеме), но ощущение того, что противоречия скорее накапливаются, чем разрешаются, является среди экспертов преобладающим. Впрочем, оно распространено не только по отношению к Горному Бадахшану.

Чрезвычайно важной является также географическая роль автономии. ГБАО – это, с одной стороны, транзитная территория, обеспечивающая связь Памира с Ферганской долиной, а благодаря открытию в 2007 г. автодорог Мургаб – Кульма – Каракорум и Куляб – Дарваз также и с Китаем, причем по несколько более короткому пути, чем через старый Западно-Памирский тракт, проложенный по берегу Пянджа. Взглянув на карту, легко увидеть, что расположенная на «крыше мира» ГБАО потенциально представляет собой хаб, способный соединить воедино Китай, Индийский субконтинент и Центральную Азию. Технологии быстрой прокладки качественных дорог в условиях высокогорья хорошо освоены, в частности китайскими строителями, так что реализация этого функционального потенциала вполне реальна в относительно короткие сроки; ср. также сказанное выше об обсуждении инфраструктурных проектов во время визита Э. Рахмона в Пакистан.

---

¹ Ср., например, публикацию в достаточно неожиданном месте: Кожемякин С. Автономия под угрозой ликвидации // Правда, № 24 (30375), 10.03.2016. URL: http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/24-30375-10-marta-2016-goda/avtonomiya-pod-ugrozojlikvidatsii/?sphrase_id=21863

С другой стороны, ГБАО – это своеобразный буфер, «подложенный» под часть государственной границы Таджикистана с Афганистаном и под всю его границу с Китаем. Первоначально бывший для России форпостом в «большой игре» Памир в советское время служил огромной, самой природой и историей созданной пограничной зоной вдоль соответствующего участка границы СССР, позволявшей осуществлять пограничный контроль не по всей границе, а в немногих пунктах на западном и восточном участках Памирского тракта.

В настоящее время, в условиях перехода контроля за государственной границей от российских (ранее советских) пограничников к таджикским, длящегося уже несколько десятилетий весьма специфического развития в Афганистане, а также повсеместной коррупции в регионе, автономия пока что, к сожалению, реализовала свою транзитную функцию преимущественно в качестве важного участка «северного канала» наркотрафика героина, начинающегося в Афганском Бадахшане, а также контрабанды различных товаров из Китая и Пакистана.

Тем не менее масштабы насилия на Памире в настоящее время очень невелики, что позволяет ему вполне успешно выполнять роль туристического региона, чему способствовало улучшение транспортной доступности Памира в последние годы, особенно после строительства двух новых автомагистралей, связавших Памир с Китаем и сокративших путь из ГБАО в столицу Таджикистана. Обсуждение Э. Рахмоном в ходе своего визита в Пакистан осенью 2015 г. проектов новых дорог, долженствующих связать Таджикистан с Пакистаном (Гвадар – Душанбе, Читрал – Душанбе и трассу от Душанбе к Хунджеабскому перевалу)¹, также создает перспективы для развития туризма.

Уникальная по красоте природа – это один из важнейших активов Горного Бадахшана. Значительная часть интернет-сайтов о Памире представляет собой предложения туристических услуг; весьма активен в этом плане, в частности, англоязычный сайт ramirs.org, так что руководитель ГБАО Ш. Джамshedов поставил туризм на первое место в своем перечне потенциальных позиций развития Горного Бадахшана (см. выше) вполне обоснованно.

---

¹ Various road projects connecting Pakistan with Tajikistan approved. – URL: <http://www.dawn.com/news/1219412/fastest-growing-tourist-destinations-revealed-ParaguayTajikistan-Iceland-named-new-hot-spots.html#ixzz4EOp5wqH9>

Конечно, выстраивание туристического имиджа (или, в другой терминологии, формирование дестинационного бренда) – это далеко не простая задача, даже если не говорить о развитии других элементов инфраструктуры туризма. Однако ситуация в Таджикистане с его «светско-советским» (со всеми оговорками) прошлым и нынешней относительной стабильностью дает ему определенные конкурентные преимущества перед соседними странами со сходными природными достопримечательностями – Пакистаном и тем более Афганистаном. Развитию туризма в стране уделяется значительное внимание, что уже дало свои плоды: по итогам 2015 г. Таджикистан был назван Всемирной туристической организацией одним из самых быстро развивающихся туристических направлений¹.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что у Горного Бадахшана имеются перспективы трансформации из источника проблем для Таджикистана в регион-актив, несомненная специфика которого позволит ему выполнять ряд функций, важных для развития республики. Добиться этого, однако, очень сложно в силу целого ряда внутренних и внешних причин: экономической отсталости автономии в сочетании с высоким уровнем этнического самосознания и наличием значительной части образованного населения, способного трансформировать сочетание гордости и недовольства в оппозиционный идеологический комплекс, а в перспективе и потенциал для политического действия – и все это на фоне напряженности в других регионах Таджикистана и комплекса вполне реальных трансграничных угроз и, между прочим, соблазнов, связанных с активностью внерегиональных сил.

Быстрого решения у этого клубка проблем не просматривается – быстро можно лишь сломать относительно хрупкий status quo. В любом случае от всех заинтересованных в позитивном развитии ситуации сторон требуются одновременно реализм, решительность и готовность к компромиссам. Только такой под-

---

¹ The world's fastest-growing tourist destinations revealed: Paraguay, Tajikistan and Iceland named as new hot spots/ URL: http://www.dailymail.co.uk/travel/travel_news/article-3410598/The-world-s-fastest-growing-tourist-destinations-revealed-ParaguayTajikistan-Iceland-named-new-hot-spots.html#ixzz4EOp5wqH9

ход дает наиболее реальный шанс на то, что с «крыши мира» будут открываться перспективы, а не исходить уgroзы.

Литература

1. Бахтдавлатов Р.Д. Полезные ископаемые Таджикистана // Горный журнал. 2012. № 2 (Спец. выпуск). URL: http://geoportal-tj.org/ru/images/pi_tjk.pdf
2. Гвоздецкий Н.А., Голубчиков Ю.Н. Горы. – М., 1987. – С. 200–201.
3. Куслий П. Ассасины у границ России // Отечественные записки. – 2003. – № 5 (14).
4. Плеханов С.Н. Раскрытая ладонь. Ага-хан и его мюриды. – М., 2008.
5. Саъдиев Ш. Таджикистан: Путь к миру и согласию. – Душанбе, 2002.
6. Содействие развитию государств Центральной Азии: Стратегические горизонты российского участия: Рабочая тетрадь / В.М. Сергеев (рук.), А.А. Казанцев, В.И. Бартев. Российский совет по международным делам. – М., 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2288#top-content
7. Шарафиева О.Х. Горный Бадрахшан после распада СССР // Вестник Томского гос. университета. Вып. 323, 2009. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gornyy-badahshan-posle-raspada-sssr>
8. Языки мира. Иранские языки. Т. 3. – М., 2000.
9. Kreuzmann H. Pamirian Crossroads. Kirgiz and Wakhi of High Asia. – Wiesbaden, 2015.
10. Middleton R. History of the Development of the Pamir Region of Tajikistan (Gorno-Badakhshan) // Mapping Transition in the Pamirs: Changing Human-Environmental Landscapes / Ed. by Kreutzman H., Watanabe T. Cham etc., 2016. P. 245–266.
11. Parham St. Controlling borderlands? New perspectives on state peripheries in Southern Central Asia and Northern Afghanistan. Report 6. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2010. URL: http://www.fii.fi/en/publication/159/controlling_borderlands

*«Международная аналитика»
ИМИ МГИМО МИД РФ,
М., 2016 г., вып. 2 (16), с. 83–92.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Слинкин

ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ СИРИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Одной из специфических черт большинства войн и вооруженных конфликтов конца XX – начала XXI в. является широкое участие в них иррегулярных вооруженных формирований (ИВФ): отрядов партизан, повстанцев, сепаратистов, террористов, этнических и племенных ополчений. Таких примеров множество. Достаточно упомянуть события на Балканах, в Турецком Курдистане, на Северном Кавказе, в Афганистане, Ираке, Ливане, Ливии, Йемене и, наконец, в Сирии. Именно о Сирии и деятельности ИВФ в этой стране и пойдет речь.

Первоначально вооруженное крыло Сирийской оппозиции использовало принципы ведения городской гериллы, главными целями которой, по мнению ее теоретика, бразильца К. Маригеллы¹, являются: а) физическая ликвидация руководителей вооруженных сил, полиции и их помощников; б) экспроприация ресурсов, принадлежащих правительству и частным лицам. При этом цель, направленная на финансирование борьбы, в Сирии отходит на второй план, так как средства для вооружения и содержания отрядов оппозиции выделяли заинтересованные в смене сирийского руководства Саудовская Аравия и Катар, а также ряд других стран. Вместе с тем можно утверждать, что она трансформировалась в стремление нанести как можно больший ущерб промышленным объектам, экономической и социальной инфраструктуре страны. Для дестабилизации обстановки в Сирии группы боевиков также применяли индивидуальный террор против гражданских руководителей, осуществляли нападения на места дислокации армейских подразделений и полицейские посты, совершали подрывы самодельных взрывных устройств (СВУ) на улицах городов, в результате которых гибли простые граждане².

Деятельность оппозиции со временем сконцентрировалась на овладении одним из крупных центров страны, в котором могло бы утвердиться ее политическое крыло для его признания международным сообществом в качестве «полноправного представителя сирийского народа». На создание такого базового опорного района были направлены основные усилия Сирийской свободной армии (ССА) и действовавших независимо от нее радикальных группировок исламистов. Их попытки закрепиться в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Забадани, Эль-Кусейре и других городах во многом определили характер боевых действий, которые в Сирии ведутся, как правило, в городской среде.

Уровень урбанизации в стране достаточно высокий – 56%. Особенности городской застройки в Сирии таковы, что дома стоят вдоль узких улиц стена к стене. Это позволяет боевикам создавать опорные районы, увязывая их в единую систему ходами сообщения через простые проломы в стенах, а там, где это невозможно сделать, подземными туннелями. Они проводят в них освещение, делают ответвления, размещают под землей склады, убежища, комнаты отдыха. Так, в третьем по величине городе страны Хомсе оппозицией в середине 2013 г. удерживалось около 40% его территории. В Старом городе Хомса, к тому времени почти полностью разрушенном, вытесненные правительственными силами из одного или нескольких домов боевики уходили в соседние здания, откуда наносили им удары во фланг или тыл, а при необходимости перемещались в другие районы города. Поэтому сирийские военнослужащие при продвижении вперед сразу же организовывали поиск туннелей и, обнаружив их, подрывали³, чтобы лишить противника возможности маневра силами и средствами.

«Подземная война» – характерная особенность боевых действий в Сирии. В Алеппо боевики взорвали комплекс зданий гостиницы «Карлтон», прорыв для этого за 33 дня туннель длиной 107 м и заложив 25 т взрывчатки. Давно существующие подземные коммуникации использовались оппозиционными формированиями во многих городах и населенных пунктах, связывая целые кварталы в единые очаги обороны. При этом создавались и новые туннели. Однако проведение подземных работ требует знаний и технологий, а также теодолитов, нивелиров, георадаров, компрессоров и других технических средств. По признанию оппозиции, эти средства поставляются из таких стран, как Саудовская Аравия, Катар, Турция, США, Франция, Бельгия, специалисты которых обучают боевиков навыкам обращения с ними.

В Дамаске и его пригородах имеется развитая система подземных коммуникаций, которая не могла быть создана после начала боевых действий. Отдельные позиции и огневые точки связаны между собой туннелями протяженностью до километра, образуя оборудованную в инженерном отношении систему обороны. Ряд из них имеет до 3 м в ширину и высоту. Кроме того, в районе Барзе правительственными силами обнаружен туннель на 12-метровой глубине шириной 4 м и высотой около пяти, оснащенный системой вентиляции и электрическим освещением. Его сооружение представляется невозможным без применения горно-проходческого щита. Однако «рекордсменом» по подземным коммуникациям в Сирии остается все же Хомс, где туннели представляют собой разветвленную сеть с улицами, перекрестками и переулками, ведущими в том числе и за пределы города. Строительство новых туннелей осуществляли как сами боевики, так и принуждаемые ими к этому пленные, местные жители, среди них женщины и дети.

Захваченную у правительственных сил военную технику и вооружение мятежники стремятся применять максимально эффективно и относятся к ней весьма бережно. Это касается как ССА, в рядах которой много бывших военнослужащих, так и джихадистов, получивших опыт обращения с тяжелыми вооружениями в ходе боевых действий в Афганистане, Ираке, Ливии и других странах. Что касается бронетехники, то, учитывая ее недостаточное количество, нехватку боеприпасов и топлива, они уделяют значительное внимание ее маскировке, выдвигению на заранее выбранные позиции и отходу с них, используя при этом данные рекогносцировки, включая спутниковые снимки объектов атаки. Основными целями, по которым применяется бронетехника мятежников, являются блокпосты и гарнизоны (базы) правительственных сил. Зачастую нехватка боеприпасов заставляет мятежников применять захваченные артиллерийские орудия для ведения огня с открытых огневых позиций прямой наводкой. При этом если для самоходных артиллерийских установок (главным образом, 2С1 «Гвоздика») это вполне оправданная тактика, то для гаубиц Д-30 и пушек М-46 она оказывается эффективной лишь в условиях низкой активности сирийских ВВС.

Боевики вынуждены прибегать также к кустарному производству вооружения, военной техники и боеприпасов. Речь идет не только о СВУ, но и о минометах, пусковых установках неуправляемых авиационных ракет, буксируемых и самоходных пушках.

Однако наиболее широко распространена практика установки на автотранспорт вооружения (крупнокалиберных пулеметов, зенитных пулеметных установок, малой зенитной артиллерии и др.). Часть автомобилей обеспечивается локальным бронированием, в первую очередь щитовым прикрытием стрелка. Помимо пикапов, уже ставших традиционным арсеналом мобильных боевых средств повстанцев в разных «горячих точках», в Сирии, исходя из достаточно развитой дорожной сети страны, в качестве шасси для вооружения используют и небольшие грузовики, устанавливая на них даже 37-мм зенитные орудия с локальной бронезащитой расчета. Налажено также производство боеприпасов к кустарным и промышленным образцам вооружения, в том числе к 120-мм минометам.

Еще одна особенность ведения боевых действий ИВФ оппозиции – широкое использование снайперов, большинство из которых иностранные наемники. Объясняется это тем, что подготовка снайпера требует времени и может быть успешно проведена лишь в условиях располагающего необходимой базой учебного центра. В Сирии снайперы действуют активно и дерзко. Отбитая у боевиков территория долго остается опасной для перемещения гражданских лиц и военнослужащих. Поэтому последние пытаются обезопасить свои маршруты передвижения, натягивая вдоль них матерчатые завесы или выстраивая в колонны сгоревшую автомобильную технику, чтобы оставаться за ними незаметными для снайперов⁴.

Перенесение оппозицией основной борьбы в города и населенные пункты преследует еще одну цель – нарушить нормальную жизнь граждан, вызвать их недовольство и направить его против неспособного обеспечить их безопасность государства. В условиях, когда этого достичь не удастся, оппозиционные группировки прибегают к террору, в том числе к убийствам больших групп мирных граждан с последующим обвинением в этих преступлениях правительственных сил. Так было, например, в поселке Аль-Хула провинции Хомс, где произошло массовое убийство детей⁵.

Скатывание к безудержному террору не только против властей, но и против «несознательного» народа – явление не новое. Оно отмечалось еще в 1960-е годы в странах Латинской Америки, затем в 1980–1990-е годы в Афганистане, Турецком Курдистане и других «горячих точках» и получило название стратегии создания «ситуации двойного террора». Суть ее заключается в провоцировании властей с помощью террористических актов на

неадекватные карательные меры, от которых в первую очередь страдают простые граждане, которых, по замыслу террористов, этим можно заставить мстить силам правопорядка и подняться на борьбу с властями. Практика реализации этой стратегии ведет к тому, что мирное население превращается в живой щит для боевиков⁶. Что касается Сирии, то здесь оппозиция зачастую насильно удерживает в районах боестолкновений представленное конфессиональными (христиане, мусульмане-шииты и др.) и этническими (курды) меньшинствами население. Но и тогда, когда основная масса жителей успевает уйти, имеются случайные жертвы среди оставшихся, в гибели которых зарубежные СМИ тут же обвиняют правительственные силы.

Наличие в захваченных боевиками городских районах мирных граждан создает значительные ограничения по использованию авиации и тяжелого вооружения сухопутных войск Сирии, уравнивая силы противоборствующих сторон. Другим «слабым местом» регулярной армии является то, что дислокация группировок войск, мобилизационная база, тыл, лагерь подготовки пополнения и экономические объекты известны противнику, что расширяет его возможности по выбору места и времени для проведения нападений и рейдов. В отличие от сирийских военнослужащих, большинство джихадистов не имеют семей в районах ведения боевых действий и потому не задумываются о бедствиях населения и возможной гуманитарной катастрофе, целенаправленно уничтожая энергетику, промышленность и запасы продовольствия. Гуманитарная катастрофа, как известно, стандартный предлог для иностранного военного вмешательства, легитимность которому может обеспечить соответствующая резолюция Совета Безопасности ООН.

Эти преимущества боевиков дополняются общей высокой эффективностью партизанских методов ведения вооруженной борьбы. Их результативность на сегодняшний день еще более повысилась в связи со следующими факторами. Во-первых, регулярные вооруженные силы испытывают все большую зависимость от надежного материально-технического снабжения и устойчивой работы тыловых служб. Во-вторых, большинство образцов современной военной техники и вооружения весьма уязвимы даже от незначительных повреждений. В-третьих, резко возросли боевые возможности носимых образцов вооружения (ПТУРС, РПГ, ПЗРК, мины, фугасы), сопоставимых по своим боевым возможностям с тяжелыми и широко используемых боевиками ИВФ⁷. Кроме

того, современные компактные мобильные средства связи упростили задачу организации эффективного взаимодействия не только между отрядами или их подразделениями, но и отдельными боевиками.

Способствует успехам действий мятежников и большой пространственный размах вооруженной борьбы, когда противник – правительственные силы – вынужден распылять силы и средства, реагируя на акции боевиков, охватывающие все новые населенные пункты в различных районах страны.

Вооруженной оппозиции, учитывая большую протяженность не прикрытых правительственными войсками и жандармерией границ с сопредельными странами (Турция, Ирак, Иордания, Ливан, исключение – зона разъединения между Израилем и Сирией на Голанских высотах) и отсутствие разветвленной сети блокпостов на дорогах, удалось создать эффективную систему снабжения оружием, боеприпасами и снаряжением, главным образом в районе г. Алеппо – из Турции и в районе г. Хомс – из Ливана. Тот же фактор облегчает и пополнение отрядов иностранными наемниками и сирийскими гражданами, прошедшими обучение в зарубежных лагерях исламистов.

В качестве транспортных средств для перебросок грузов и живой силы ИВФ широко применяют пикапы, предпочитая передвигаться на них вне дорог по пустынным районам⁸. Таким же образом поступали и боевики исламского движения «Талибан» в Афганистане, и вооруженные оппозиционеры в Ливии, используя очевидные преимущества этого транспортного средства: мощь, присущую внедорожнику, высокую проходимость, достаточную вместимость, сложность однозначной идентификации визуальной, в том числе авиационной, разведкой как объекта противника и, наконец, возможность размещения в кузове оружия (ПТУРС, РПГ, ПЗРК, крупнокалиберные пулеметы) в изготовленном к бою положении.

Таким образом, ИВФ сирийской оппозиции используют партизанские способы ведения боевых действий, включая нападения на военные объекты и гарнизоны, захваты и удержания населенных пунктов, засады, и широко прибегают к диверсионно-террористической деятельности. Вооруженное насилие осуществляется ими против правительственных силовых структур, органов власти в центре и на местах, политических противников и больших групп населения, представленных религиозными меньшинствами мусульман-шиитов (в первую очередь алавитов), христиан

и других, этнического меньшинства – курдов, а также против мусульман-суннитов, которые отказываются оказывать содействие боевикам.

Боевые действия ИВФ оппозиции ведут как мелкими группами от 2–3 до 10–15 боевиков (диверсионно-террористические акции), так и отрядами численностью 100–150 человек. Для захвата и удержания городов или их отдельных районов создаются более крупные формирования (бригады, «фронты») в несколько тысяч человек, в том числе и из боевиков, принадлежащих к различным организациям и движениям, входящим в Сирийскую оппозицию.

С позиций военного искусства гражданская война в Сирии – это борьба регулярных войск при поддержке созданного правительством ополчения и других силовых структур против ИВФ. И здесь с точки зрения военных специалистов возникают следующие вопросы: почему Вооруженные силы Сирии, представляющие несомненную угрозу израильской армии, самой высокоразвитой армии Ближнего Востока, оказались недостаточными эффективными в борьбе против разрозненных, не имеющих единого командования ИВФ, в большинстве своем состоящих из плохо подготовленных наемников; и каким образом последним удастся длительный период вести почти на равных боевые действия с хорошо организованными и вооруженными регулярными войсками?

Для ответа на эти вопросы еще раз обратимся к противоборствующим в стране силам. Сирийская армия готовилась не к контртеррористическим операциям, а была предназначена для ведения традиционной войны, в которой основным противником признавался Израиль. Строительство вооруженных сил и их подготовка были направлены на отражение внешней агрессии в рамках эшелонированной обороны, предусматривающей разграничение понятий «фронт» – «тыл», отсутствующие или размытые в сирийском внутрисоюзном вооруженном конфликте. Однако теоретически, имея превосходство в силах и средствах над неорганизованным, без единого командования, разношерстным противником, представленным отдельными отрядами и просто бандами, воюющими с целью грабежа, силовые структуры Сирии должны были легко справиться с ним. Этого не произошло потому, что помимо внутренней вооруженной оппозиции вне Сирии существуют силы, осуществляющие их мощную финансовую, материальную, информационную и внешнеполитическую поддержку⁹.

Остается только констатировать: применение регулярных войск (сил) в современных войнах и вооруженных конфликтах свидетельствует, что «классические» основы, положения и принципы военного искусства, основанные на опыте Второй мировой войны, во многом требуют совершенствования. Интенсивные, разрозненные по месту, но связанные общим замыслом действия ИВФ зачастую делают малоэффективным, а иногда и невозможным детальное планирование, организацию и ведение боевых действий традиционными методами. Об этом свидетельствуют характер и особенности ведения боевых действий в ходе гражданской войны в Сирии, продолжающейся вот уже более четырех лет.

Примечания

- ¹ Теоретические основы ведения партизанской войны в городе были обобщены Карлосом Маригеллой в 1969 г. в пособии: Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана // alexandr-kommari.narod.ru/Karlos_Marigella_Drazil'skaya_gerilya_kratkiy_uchebnik_gorodskogo_partizana_htm (11.08.2013.)
- ² Объединенная организация по борьбе с самодельными взрывными устройствами (одна из структур Пентагона) обнародовала данные по применению СВУ в Сирии в 2012 г., где оппозиция заложила 401 взрывное устройство, в результате чего были убиты 970 и ранены 2456 человек. Из 401 СВУ только 49% стали причиной смертей или ранений, остальные сработали преждевременно или не нанесли физического ущерба людям. При этом жертвами или пострадавшими в результате 47% успешно примененных СВУ стали гражданские лица, 11 – полицейские, 10 – военные; в 6% случаев был нанесен ущерб военным и 6% – гражданским объектам. Эта статистика противоречит создаваемому сирийской оппозицией мифу вынужденного применения СВУ боевиками против тяжелой техники правительственных войск и утверждает направленность террора против мирного населения страны. См.: Плеханов И. Сирия: СВУ, «Силы национальной обороны» и незавидная участь женщин // Интернет-портал «Ино СМИ». Выпуск № 5 (17) [inosmi.ru/overview/20130315/206995251.html (11.08.2013)].
- ³ Сладков А. Nopasaran! Особенности сирийской войны // Независимое военное обозрение. – № 25 (766). – 19–25.07.2013.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Кульгина О. Война глазами журналиста: Война в Сирии – уроки для России // Независимое военное обозрение. – № 17 (758). – 24–30.05.2013. [«Круглый стол» «НВО» анализирует ход и последствия вооруженного противостояния на Ближнем Востоке.]
- ⁶ Военная сила и становление нового мирового порядка (1980-е – начало 2000-х годов). – М., 2012. – С. 327–328.
- ⁷ Рязанов О. Основы партизанской войны: Теория и практика // Интернет-портал «Army.lv/ru» [army.lv/ru/Osnovi-partizanskoy-voyni-teoriya-i-praktika/2635/4588 (27.05.2013.)]

⁸ Мейсан Т. Является ли Свободная сирийская армия революционной, или Кто воюет против Сирии? // Интернет-портал «Сеть Вольтер». 30.07.2012. [www.voltairenet.org/article175197.html (27.05.2013.)]

⁹ Хамзатов М.А. «Облачный противник» // Независимое военное обозрение. – № 17 (758). – 24–30.05.2013. [Война в Сирии – уроки для России. Круглый стол «НВО» анализирует ход и последствия вооруженного противостояния на Ближнем Востоке.]

*«Конфронтация между Западом и Россией:
С кем вы, страны Азии и Африки?»,
М., ИВ РАН, 2016 г., с. 28–34.*

Н. Киреев,

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ИВ РАН

ИСЛАМО-ТУРЕЦКИЙ СИНТЕЗ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТУРЦИИ

Аннотация. На рубеже 1980–1990-х годов в государственной идеологии Турции доминировала концепция исламо-турецкого синтеза. Эта концепция изначально базировалась на происламских и пантюркистских идеях, в соответствии с которыми Турции надлежит выполнить особую миссию по интеграции тюркоговорящих мусульманских стран СНГ.

Ключевые слова: Турция, распад СССР, США, исламо-турецкий синтез, Ф. Гюлен, тюркские народы СНГ, ТИКА, Тюркско-Американский союз, пантюркизм, А. Тюркеш, тюркский политический союз.

Окончание холодной войны и распад СССР на рубеже 1980–1990-х годов серьезно повлияли на государственную идеологию Турции. Упрочивая в новых условиях военно-политический и экономический союз с Западом, Турция надеялась использовать его для решения собственных амбициозных планов в Евразийском регионе, утвердившихся в эти годы на откровенно происламской и пантюркистской основе в рамках концепции исламо-турецкого синтеза, т.е. и политический ислам, и пантюркизм осознавались и реализовывались воедино. У тех турецких политиков, которые были воспитаны на недоброжелательстве в отношении распавшегося СССР, не возникало сомнения в том, что в отношении РФ этот региональный план будет поддержан Западом хотя бы для того, чтобы новое государство, возникшее на руинах СССР, –

Российская Федерация, – постоянно сохраняло некую аморфную форму, имеющую тенденцию к распаду. Один из таких турецких «провидцев» так писал об «особой» миссии Турции: «В 1990–2000 гг. обозначится важный политический процесс, в котором будет задействована Турция, – появятся новые турецкие республики. Турецкое присутствие будет обозначено от Мюнхена и до центрального Китая... Взоры этих государств устремлены на Турцию, они смотрят на нее, как на Каабу... Мы должны быть готовы к союзу турецких государств... для миллионов своих соплеменников Турции необходимо стать старшим братом и лидером»¹.

В 90-е годы в Турции вновь заявили о себе мусульманские ордена, общины, джамааты, причем на этот раз в отличие от прежних времен их представляли уже влиятельные финансовые группы и фонды, происламские холдинги².

Исламисты в эти годы активно действовали не только в торговле, строительстве, промышленности, но и в информационном пространстве. Конгломерат мусульманского капитала и джамаатов в области информации в Турции и в целом в регионе проявил невиданную активность и размах: в отличие от прошлого «кемалистского» времени он имеет в своем распоряжении новейшие дорогостоящие средства полиграфии, активно использует такие достижения глобализации, как спутники связи, Интернет, в целом Всемирное единое информационное пространство, обеспечивающее всеобъемлющую интеграцию. При этом в распоряжении указанных групп тысячи мечетей, земельные участки, приюты, интернаты, школы для воспитания мусульманской молодежи. Некоторые турецкие авторы уверены, что «запрещенные в 1925 г. тарикаты стали переживать свой золотой век; их члены активны на всех уровнях политической жизни – в партиях, в правительстве, в общественных службах, в кругах интеллектуалов, а также в мире предпринимателей и финансистов»³.

Деятельность турецкого политического ислама в 90-е годы в сферах культуры, просвещения в Евразии была нацелена непосредственно на постсоветское пространство, на тюркские народы, исповедующие ислам. Последователи исламизма открыто обратились к насаждению сепаратистских идей в Российской Федерации и поощрению исламизма и пантюркизма в новых государствах Центральной Азии⁴.

Сразу после распада СССР, в январе 1992 г., при турецком МИДе было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития – ТИКА, привлекавшее к работе ученых из тюркских республик:

историков, филологов, языковедов. Цель была очевидна – координация на государственном уровне всех видов международной деятельности во имя единения всех тюрок, исповедующих ислам. Агентство наладило издание нескольких специально ориентированных журналов – на турецком, английском, казахском, киргизском, туркменском, узбекском языках, приступило к реализации обширной программы сотрудничества с тюркскими республиками, помощи им в реализации различных учебных, научных, социальных и других проектов. Что касается деятельности исламистов Турции, особенно преуспел в этом джамаат Фетхуллага Гюлена, носитель так называемой «концепции служения» ('hizmet'). Свидетельством «умеренности», «бескорыстия» и «благородства» задач, выполняемых этим джамаатом, особенно в области просветительства, стали «школы Гюлена». По мнению некоторых турецких авторов, эта концепция изначально была рекомендована исламскому миру разведкой США⁵.

Турецкий автор Ф. Булут в своей книге «Возвышение капитала тарикатов» отмечал, что предприниматели, связанные с отставным проповедником Ф. Гюленом, учреждая в самой Турции и вне ее («в том числе в Москве») школы, «создали империю просвещения», причем число таких школ за рубежом превышает 250. Программы преподавания носят видимость светскости, но «в неурочные часы ведется религиозное обучение и пропагандируется деятельность джамаата». Он приводит высказывание по этому поводу Г. Фуллера: «Турция приближается к региону (Евразийскому) очень разумно, исподволь. При этом очень важное значение имеют турецкие школы, распространившиеся по всему региону и обучающие и турецкому, и английскому языкам. Можно ожидать, что со временем в Средней Азии английский язык займет место русского». Одна из долгосрочных задач джамаата в самой Турции – «ликвидация светского режима»⁶.

Благожелательно настроенный в отношении Ф. Гюлена турецкий автор Х. Тургут писал, что выход на пространства Евразии джамаата Гюлена свидетельствовал о начале принципиально нового периода деятельности этой религиозной общины. Гюлен высоко оценил падение Берлинской стены и распад СССР и призвал своих последователей заняться странами, бывшими ранее «за железным занавесом». Об этом он провозгласил в своей проповеди в стамбульской мечети Сулеймание в ноябре 1989 г., и уже 11 января 1990 г. его первая миссионерская группа в составе 11 человек про-

следовала в Грузию через пограничный пункт Сарпы. Два дня они провели в Батуми, затем прибыли в Тбилиси⁷.

Вторая группа в составе 37 человек с караваном автомашин отправилась 28 мая, имея при себе 3 т груза – книги, кассеты и подарки. «Миновав границу, эта группа посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку... Семьи в этих местах начали готовить документы для отправки своих детей в Турцию. Затем группа направилась из Азербайджана в Узбекистан, потом в Казахстан и Таджикистан». Деятельность группы оказалась эффективной, «молодежь получила возможность свободно выехать учиться в Турцию, своими глазами убедиться в значимости Турции. Об этом они будут рассказывать своим друзьям дома, что будет способствовать открытию там турецких колледжей...»⁸

Так началась миссионерская деятельность джамаата Гюлена, причем не только в странах Центральной Азии, но и в регионах России с мусульманским, тюркским населением и даже в Москве. В турецких изданиях тогда сообщалось, что компании джамаата создали «школьную империю» – учебные центры в Якутии, Туве, Хакасии, Башкортостане, Чувашии, Татарстане, Дагестане, Москве, в государствах Центральной Азии, Азербайджане, Грузии, Румынии, Молдове, Албании, на Украине (в том числе в Крыму) и других странах. Издаваемая Поленом массовым тиражом в Турции газета «Заман» выходила в Москве, Казани, Уфе и в других городах. В номерах московского издания его сотрудники – местные журналисты – помещали материалы, популяризирующие личность Гюлена⁹.

Появились в РФ и переводы на русский язык книг Гюлена, содержащих призывы к межконфессиональному взаимодействию, защите моральных заповедей, общечеловеческих ценностей. При этом как бы вскользь, но терпеливо и настойчиво проводилась мысль о том, что ныне единственной «подлинной религией» является ислам. Например, в предисловии ко второму тому изданной в Москве на русском языке в 2001 г. книги Ф. Гюлена «Сомнения, порожденные веком» не было упомянуто об острой критике в турецком обществе деятельности джамаата Гюлена и о причинах судебного преследования Гюлена в Турции. Наоборот, утверждалось, что «у Фетхуллага Гюлена миллионы последователей во всем мире», «ученые и интеллектуалы современной Турции прямо или косвенно признают Фетхуллага Гюлена одним из наиболее влиятельных мыслителей и писателей XX в. не только Турции, но и всего исламского мира». Автор предисловия соглашался с тем,

что в рекомендуемой им книге ислам противопоставлен всем другим мировым религиям: «Присущая ему форма богослужения соответствует зрелому, развитому обществу. Что же касается других религий, то они с течением времени, в сущности, подверглись искажению и потеряли свой истинный облик»¹⁰.

Безудержное восхваление книг Гюлена на российском книжном рынке продолжилось в прежнем духе и позже¹¹. Следует отметить, что некоторым российским СМИ все же удавалось предоставлять читателю правдивую информацию об истинных целях этого исламистского движения в России, направленного на ее распад. Так, газета «Россия» сообщала, что «за антироссийскую пропаганду только из Дагестана за последнее время выдворено 14 турецких граждан, десять из которых – преподаватели местных лицеев. Еще десять – из Карачаево-Черкесии»¹².

Что касается турецких почитателей «просветительской» зарубежной деятельности Гюлена, они якобы благодарны ему за то, что такая активность поднимает престиж Турции за рубежом¹³. Об успешных итогах такой деятельности писал турецкий журналист Х. Альбайрак после посещения в 2007 г. в Крыму одной из школ Гюлена: «Владимиру 26 лет. Он православный этнический украинец... ищет пути развития Украины и убежден, что некоторые из таких дорог пролегают через Турцию... Несмотря на то что минуло уже восемь лет, как он окончил турецкую школу в Бахчисарае, он не может забыть турецких учителей... Как приятно сознавать, что в сотнях турецких школ воспитаны тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч выпускников, подобных Владимиру»¹⁴.

В первые годы успехов своего джамаата в Евразии Гюлен позволял себе говорить об истинных целях своего «бескорыстного» просветительского служения в этом регионе. Развернуто и откровенно он написал об этом в 1996 г. в религиозном журнале «Ени умит». В одной из статей он изощренно сочетает сакральную тему ислама как веры с «бескорыстными призывами к движению турецких предпринимателей и культуртрегеров» в «степях Средней Азии», которое он именует «священным потоком во имя ислама». Этот поток «предопределен судьбой», «пришла наша очередь выполнить свой долг», «вернуться на родину наших предков»¹⁵. Гюлен не ограничивается лишь экономическими расчетами, а прибегает к аргументам и духовного, идеологического, свойства: «Если наши инвесторы будут действовать с умом и оценят такие сферы сотрудничества между нами, как религия, язык, культура, историческое единство, смогут этот шанс использовать, мы сумеем

выйти из экономического тупика, войдем в ряд богатых стран мира. Эти и похожие моменты я начал разъяснять с кафедр мечетей с 1989 г., с момента таяния России»¹⁶.

Школьная «благотворительность» джамаата Гюлена за рубежом сопровождалась в самой Турции не только одобрительными высказываниями. В те же 90-е годы звучала и критика такой деятельности¹⁷. Газета «Джумхуриет» писала о том, что «школы Фетхуллага за границей стали причиной ухудшения отношений Турции особенно с Узбекистаном; правительство этой страны закрыло все школы, открытые как Ираном, так и Ф. Гюленом. Турецкий атташе по образованию был выслан из этой страны, узбекские студенты отозваны из Турции»¹⁸.

Критика в Турции Ф. Гюлена заставила прокуратуру страны начать судебное расследование его антиконституционной деятельности. В обвинительном заключении, представленном прокурором суду 31 августа 2000 г., утверждалось, что «при участии кадров, хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах», Гюлен намеревался «отвергнуть принципы Ататюрка и ликвидировать светскую республику... учредить государство на принципах ислама»¹⁹. Иск был заочным, поскольку к этому времени обвиняемый уже полтора года находился в США. Позже в СМИ появились сообщения о том, что 4 января 2001 г. упомянутый прокурор М. Юксель представил суду дополнительные документы, свидетельствующие, что Гюлен связан с ЦРУ. При этом Юксель сообщил, что эти свидетельства взяты из записки «Агенты влияния – влиятельные шпионы и фетхуллисты», представленной ему профессором Анкарского университета Н. Хаблемитоглу. В записке утверждалось, что «модель тариката, которую предпочли США, в нашей стране применяется фетхуллистами. Внешняя поддержка тариката, являющегося самой большой угрозой нашей светской республике, исходит от США»²⁰.

Пространная критическая оценка деятельности общины была дана в те дни также на одном из сайтов в Интернете, открытом оппонентами Ф. Гюлена. На нем джамаат также обвинялся в тесных связях с американскими спецслужбами: провозглашая лозунги «служения тюркскому миру от Адриатики до Великой Китайской стены», школы Гюлена «служат не Турецкой Республике, а Соединенным Штатам»²¹. На этом же сайте с резкой критикой Гюлена выступил и Н. Хаблемитоглу, автор разоблачительной книги «Крот» о Гюлене. Позже, в декабре 2002 г., он был убит

неизвестным преступником, пополнив список жертв политического террора в Турции.

На сайтах Ф. Гюлена, давно проживающего в США, в штате Пенсильвания, безудержно рекламируется его «просветительская» деятельность «во имя мира во всем мире». 24 января 2008 г. турецкий Конституционный суд принял решение об оправдании Гюлена, за этим последовала еще более бурная активность джамаата по пропаганде взглядов Гюлена и инициированию соответствующих «международных форумов». Перечисляются десятки стран, городов, где прошли «международные конференции», прославлявшие деятельность Гюлена, чаще всего при этом называются города США, Европы, Африки, Азии²².

Со временем Гюлен превратил США чуть ли не в главную заграничную «базу» «просветительской» деятельности джамаата, недаром он заявлял, так же, как благодаря своим школам он развалил Россию, «однажды он покорит Америку»²³. Судя по информации последних лет, джамаат действительно стремится в США добиться этой цели. В 2010 г. сообщалось о том, что 180 учебных заведений в США, контролируемых джамаатом, были объединены «под одним зонтом в Ассамблею тюрко-американских федераций (Assembly of Turkic American Federations – ATAF), причем на торжествах по этому поводу присутствовали американские сенаторы и чиновники. При этом уточнялось, что «эта зонтичная организация представляет собой не только турок из Турции, но и граждан из стран Центральной Азии, Малой Азии и граждан с Балкан»²⁴. Через два года гюленовская газета в США «Заманамерика» сообщила читателям о том, что произошла дальнейшая централизация этих организаций: «...конгресс, организованный на прошлой неделе в Вашингтоне ТАА – Тюркско-Американским союзом – и являющийся крупнейшей крышей турок, привлекает внимание своим объединительным и конструктивным характером. Теперь ТАА – самая крупная крыша турок в Америке». В составе шести региональных федераций под одним «зонтиком» представлено более 200 организаций, действующих на всей территории страны: «ТАА создан недавно, в его названии предпочтено вместо слова “турецкий” слово “тюркский”. Цель в том, чтобы создать единую платформу не только для проживающих в Америке турок, но и для всех тех родственных сообществ, осознающих себя турками». Речь идет примерно о 2,5 млн, «это немалая цифра, достаточно, чтобы потенциальная энергия могла превращаться в энергию

кинетическую». На прошедшем в этом году съезде ТАА на первый план вышло обсуждение понятия «тюрк»²⁵.

В конечном счете такой небывалой активностью Гюлена заинтересовалась в США организация «Граждане против лоббирования особых интересов в государственных школах» и выяснила множество фактов, свидетельствующих о двуличии в деятельности турецких исламистов – приверженцев Ф. Гюлена²⁶.

Настойчивый миссионерский настрой турецких исламистов в немалой степени переплетался с активностью пантюркистских идеологов и почти буквально совпадал с некоторыми тезисами соответствующих официальных инстанций Турции того времени. В одном из докладов, подготовленных в рамках 8-го пятилетнего плана Турции (2001–2005), посвященном отношениям Турции с тюркскими и другими странами региона, особо были сформулированы задачи в сфере религии: «...благодаря своему светскому и демократическому режиму... Турция в состоянии предложить свою модель... продолжить поддержку богословских лицеев и факультетов, открытых в Азербайджане, Туркменистане, Киргизстане, Казахстане, Дагестане и Нахичевани...»²⁷

Идея тюркского глобализма после распада СССР была положительно воспринята и в МИД Турции, об этом обозреватель Ф. Мерджан писал в конце 1999 г. в газете «Заман», ссылаясь на книгу посла Онура Оймена. В книге отмечено, что вступление Турции в ЕС «приравняет ее по числу депутатов в Европарламенте с Германией», а спустя 50 лет Турция по населению станет самой крупной державой Западной Европы. Что касается судьбы России в Евразии, то, по мнению автора, она станет аналогичной судьбе европейских стран – через 50 лет население России сократится на 30 млн, а население тюркских государств возрастет также на 30 млн и достигнет 90 млн²⁸.

Пантюркисты с особым энтузиазмом встретили появление независимых тюркских государств, и таким образом на евразийском внешнеполитическом направлении Турции именно в 90-е годы «в чистом виде» предстала, как реально действующая, концепция исламо-тюркского синтеза. На Северном Кавказе со своими «просветительскими задачами» развернули деятельность турецкие «серые волки» А. Тюркеша, наблюдалось стремительное возрождение влияния радикального крыла Партии националистического движения (ПНД). 12 декабря 1991 г., когда исламисты Гюлена разворачивали свою деятельность на территории СНГ, на заседании турецкого парламента выступил лидер «серых волков» А. Тюркеш,

призвавший «откликнуться на критическое состояние турецких республик Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Туркменистана». Напомнив присутствующим, как упрекали его прежде «в шовинизме и мечтательности», он заявил, что отныне, при единстве 200 млн турок в мире, «туранизм уже не фантазия, а реальность»²⁹.

Возобновивший свою деятельность журнал «Очаг идеала» из номера в номер на внутренней обложке начал публиковать патриотические призывы «от имени вождя» («Başbug'dan»), скончавшегося 4 апреля 1997 г.: «Действуй, турок, пора проснуться! У тебя не осталось Румелии, мадьярских земель, Сирии и Ирака, нет Палестины, Египта, Триполитании, нет и Туниса с Алжиром, нет Крыма и Кавказа. Осталась лишь последняя частица родины! Действуй, как Бозкурт (т.е. “серый волк”. – *И. К.*), берись за дело, трудись, пусть возродятся прежние времена. Вновь разверни навстречу горизонту победоносные славные знамена. Великая Турция – превыше всего!»³⁰.

На 6-м Курултае дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и сообществ, созванном в 1998 г. по инициативе ТИКА в г. Бурса (Турция) и где были представлены Турция, семь тюркских республик, десять автономных и федеральных республик, два автономных района, представители тюркских сообществ из 26 стран, участники продемонстрировали намерение не только обращаться к далекому общему этническому прошлому, но и выдвинули план ближайшего единого политического будущего перед лицом глобализации. Преемник А. Тюркеша, новый лидер ПНД, например, заявил: «Если турецкие государства и сообщества возьмутся за руки, они смогут занять достойное место в новых глобальных структурах, присущих XXI веку». Лидер другой светской партии Т. Чиллер, будучи на посту премьер-министра, выразила уверенность, что «у турецкой версии происходящей глобализации нет никаких препятствий. XXI век станет веком тюркского глобализма. Мы должны учредить Совет Тюркского Мира»³¹.

Схожие взгляды высказывали тогда и другие влиятельные представители турецкой интеллектуальной элиты, историки, политологи. Есть ли разница между турком и тюрком? Профессор С. Ташхан, президент Института внешней политики Турции, тесно сотрудничающего с МИД страны, полагает, что «различие между понятиями “турецкий” и “тюркский” не очевидно в турецком языке. В Турции считается, что это различие – искусственное, оно навязано западными учеными, чтобы разделить фактически общий

народ турецкого происхождения». Об этом интервью с Ташханом в Анкаре в декабре 1994 г. писал английский профессор Г. Уинроу, преподававший тогда в Босфорском университете в Стамбуле³². Мнение С. Ташхана нашло свое подтверждение в вышедшей в 1996 г. в Анкаре книге «История новых турецких республик», принадлежащей перу турецкого профессора М. Сарая. В его глазах виновником эволюции тюркских племен в современные нации является Россия. На первых же страницах книги утверждалось: «...каждый из наших братьев составляет неделимую часть турецкой нации». Тот факт, что ныне «их называют не турками, а отдельными народами – узбеками, казахами, киргизами, туркменами, азербайджанцами, – является итогом примененной Москвой системы “разделяй и властвуй”»³³.

В ряде изданий вновь и вновь повторялась идея о едином турецком народе. Так, в издаваемой в стране англоязычной литературе вместо давно устоявшегося понятия *Turkic Republics* для обозначения тюркских республик все чаще используется другой термин – *Turkish Republics*, т.е. турецкие республики.

Как очевидно, в Турции, наряду со сторонниками расширения многосторонних партнерских отношений с Россией, представленных также влиятельными предпринимательскими кругами, к середине 90-х годов на базе идеологии исламо-турецкого синтеза сформировался мощный фронт политического противостояния России в Евразии и навязывания в этом регионе третьей стороне, т.е. новым государствам, странам СНГ, антироссийских, а часто – антирусских настроений. При этом преобладали и крайний исламизм, и крайний тюркизм, адресуемые не только тюркским новым государствам, но, в не меньшей степени, и тюркам России. Появились высказывания в духе ксенофобии, призывы к мирному выдавливанию русских из тюркских республик, замене русского языка на турецкий и английский через сеть турецких учебных заведений всех ступеней, прежде всего подразумевались школы Гюлена. Не только русский язык, но и сами русские стали раздражать некоторых турецких авторов. Так, Локман Узель, специалист по турецкому языку и культуре, в статье о Туве написал, что она долго оставалась «под тяжелым, мучительным гнетом русских, что и сегодня еще она находится в тени у русских», из-за экономических неурядиц «русские сегодня не в состоянии должным образом позаботиться как о тувинцах, алтайцах, якутах, так и о других турецких племенах, эти северные турецкие республики сегодня не

в состоянии воспользоваться тем вниманием, которое проявляют к ним мир, мусульмане, другие тюрки, а также Турция»³⁴.

Незадолго до подписания в ноябре 1999 г. российско-турецкого соглашения о совместной борьбе с терроризмом газета «Известия» опубликовала материал под названием «Турецкий марш», в котором описала, как Турция втягивается в террористическую деятельность против Российской Федерации на Кавказе. В частности, сообщалось, что чеченские полевые командиры «то и дело выезжали и выезжают через Турцию в страны Ближнего и Среднего Востока, особо не скрывая свои передвижения». «Именно из этой страны в Ичкерии поступали военная амуниция, медикаменты, современные средства связи, продукты питания. Помимо этого на всем протяжении войны именно в Турции печаталась чеченская агитационная литература, а также символика независимой Ичкерии, которая нашивалась боевиками на куртки и кепки цвета хаки. Кроме того, именно в Турции поправляли свое здоровье чеченские боевики, получившие ранения в боях с федеральной армией (например, Салман Радуев)»³⁵.

В заключение можно сказать, что искусная, терпеливая, рассчитанная на длительные сроки исполнения идеологическая экспансия, особенно широко и успешно осуществляемая тем же джамаатом Гюлена в рамках «концепции служения» и в соответствии с идеологией исламо-турецкого синтеза, принесла на рубеже двух веков определенные плоды. Вместе с тем очевидно, что добиться главного, на что рассчитывали турецкие исламисты и пантюркисты, – учредить в Евразии под их патронажем некий тюркский или даже турецкий политический союз, – не удалось, причем решающее слово здесь было сказано как демократической общественностью Турции, так и общественностью самих новых государств Евразии. Более того, как во внутриполитической борьбе за власть, так и за влияние в обществе лидеры и защитники исламо-турецкого синтеза подчас оказываются непримиримыми соперниками. Последние примеры: острый конфликт между недавними союзниками во власти партией ПСР и джамаатом Гюлена; борьба за президентское кресло на выборах в августе 2014 г., в которой Партия умеренных исламистов и Партия радикальных националистов, поддержав разных кандидатов на этот пост, оказались непримиримыми политическими конкурентами. Политические успехи АКП и ее лидера с внешней концепцией равноправного сотрудничества цивилизаций и внутренней – умеренной исламизации, противостоящей джамаату Гюлена, пантюркизму Партии НД

и светскости НРП в период длительного правления этой партии, заметно снизили значимость исламо-турецкого синтеза как главной составляющей государственной идеологии Турции.

Примечания

- ¹ Ozmen A. 2000 yilinda Turkiye. – Istanbul, 1991. – S. 100–101, 109.
- ² Так, крупнейшее движение исламистов *Милли гёрюш* в середине 90-х годов сумело обеспечить себе многомиллионный электорат, успешно выступило на выборах. Предвыборную кампанию 1995 г. очередная партия этого движения – *Рефах* – строила на лозунгах, утверждающих, что место Турции «не в ЕС, созданный как христианский союз, ее место – в союзе мусульманских стран» (24 Aralık 1995 Refah Partisi Secim Beyannamesi. 1995. S. 1, 4, 17, 29).
- ³ «Обители сулейманистов и накшбенди ринулись открывать незаконные курсы Корана и приюты, чтобы обучить прибывающую из сельских мест в города неимущую молодежь. В публикациях наблюдается всплеск развертываемых тарикатами и другими религиозными группами идей шариата и ориентации общества на шариат» (Cizre U. Muktedirlerin Siyaseti. Merkez Sag-Ordu-islamcihik.istanbul, 1999. S. 107, 108).
- ⁴ Так, некоторые представители интеллигенции Татарстана сочли тогда, что только полная независимость от России обеспечит будущность татарского народа. Об этом, в частности, в 1996 г. некто Р. Амирханов писал: «...дальнейшая судьба нашего народа во многом определится способностью подрастающей молодой смены использовать исторический шанс, связанный с кризисом имперской государственности и довести борьбу за национальный суверенитет до конца». Автор утверждал, что успех этой борьбы будет определяться приверженностью подрастающей молодой смены таким духовным ценностям, как ислам, тюркизм и национализм (Панорама – Форум. – Казань, 1996. – № 1 (4). – С. 28). Однако, по словам тогдашнего президента Татарстана М. Шаймиева, поведение духовенства, в том числе мусульманского, в Татарстане «было достойным»: «...когда провозгласили декларацию о государственном суверенитете, когда мы встали перед дилеммой: быть миру в Татарстане или не быть, и разные партии и движения “раскачивали лодку”, духовенство повело себя очень достойно, призывая к миру и спокойствию» (Мусульмане. – 1999. – № 1 (2). – С. 11–14).
- ⁵ Так называемые «отставные» агенты ЦРУ начали встречаться с исламистскими интеллектуалами. Обсуждался вопрос, каким должен быть «новый образ» Турции. Подготовленный американской организацией *Ренд Корпорейшн* доклад «The Prospects for Islamic Fundamentalism in Turkey» был затем издан в 1990 г. на турецком языке под заголовком «Amerikan Gizli Belgelerinde Turkiye'de islamci Akimlar» («Исламистские течения в Турции по американским секретным документам»). В предисловии был упомянут Г. Фуллер как ответственный редактор (Erbil T. Seriatî beklerken. – Istanbul, 1996. – S. 260, 261). О Фуллере другой осведомленный турецкий автор писал: «Фуллер занимает особое место среди тех американцев, которые наблюдают за Турцией... Он долго работал в ЦРУ в отделе Ближнего Востока. Его имя стоит на многих

документах, касающихся Турции» (Gungor N. Yenilikci Hareket. – Ankara, 5 baski, Haziran 2005. – S. 73–74).

⁶ Bulut F. Tarikat Sermayesinin Yukselisj. – Istanbul, 1997. – S. 291, 292. Другой автор, вскоре убитый неизвестным, писал: «Самый эффективный сайт в Интернете, используемый фетхуллистами против своих критиков, осуществляется при технической, пропагандистской и логистической помощи ЦРУ» (Hablemitoglu N. Kostebek. – Istanbul, 2006. – S. 129).

⁷ Контролируемая джамаатом Гюлена газета «Заман» позже писала в статье «Наша атака на просвещение в Грузии», что с 1993 г. в Тбилиси действует Колледж им. Демиреля с филиалом в Батуми, открыт Черноморский университет (Zaman. 03.04.1996).

⁸ Yeni Yuzyil, 14.01.1998. В Кыргызстане, например, турецкая фирма открыла 11 школ и училищ и компьютерный центр, в них обучались 1836 учащихся (Zaman. 03.04.1996).

⁹ Например, в одном из июньских номеров московской «Заман» за 1998 г. было опубликовано интервью с ним на четырех «турецких» страницах с огромными фотографиями автора. Там же российский читатель, уже на «русских» страницах, был проинформирован о человеке, «посвятившем свою жизнь благотворительности, благочестию, служению людям всего мира, независимо от их вероисповедания, расы, языка» – Гюлене, «мудреце и философе» (Время – Zaman. Международная газета. – М., 1998. – № 21).

¹⁰ Гюлен М.Ф. Сомнения, порожденные веком. Т. 2. – М., 2001. – С. 6, 10, 54.

¹¹ В 2006 г. в предисловии академика РАЕН В. Шеремета к русскому изданию книги Гюлена «Критерии или огни в пути» автор был представлен как «выдающийся исламский мыслитель суфийского направления, поэт и общественный деятель, гражданин Турецкой Республики, а в сущности – всей Земли».

¹² Russia. 11.04.2001.

¹³ Ozsoy O. Turkiye'nin imaj sorunu. – Istanbul, 1998. – S. 343–347.

¹⁴ Автор пишет далее: «Через короткое время эти молодые люди станут авторитетами в своих странах – в науке, промышленности, торговле, искусстве, в СМИ, в политике. Они – потенциальные руководители, лидеры, подготовлены к тому, чтобы предпочтение в международных отношениях всегда отдавать Турции» (Yeni safak. 06.11.2007).

¹⁵ Свои призывы Гюлен сопровождал прагматическими планами: «В дни, когда насыщение нашего внутреннего рынка достигло высшей точки, мы нуждаемся во внешних рынках... Теперь предоставляется редкий случай – Средняя Азия» (Yeni Omit. Ekim-Kasim-Araiiik. 1996. № 34).

¹⁶ Там же.

¹⁷ По поводу благотворительности общины Гюлена на территории бывшего СССР отставной генерал К. Явуз заявил: «В то время как мои дети не имеют возможности получать образование, в школах Центральной Азии оно идет на современном уровне. Русскому ребенку в С.-Петербурге предлагается петь турецкий Марш Независимости» (Radikal. 21.03.1998).

¹⁸ Газета отмечала также, что «и религиозные кадры в школах Гюлена, и преподаватели религии от турецкого Минпроса преподносят Ататюрка как атеиста... Библиотеки этих, казалось бы, официальных школ заполняются книгами, осуждающими светскость и Ататюрка, а также текстами проповедей

Гюлена в духе нурджизма»; этот исламист, уделяя главное внимание республикам Центральной Азии, «стремится расширить там зону влияния США; его община стала столь влиятельной и организующей силой после распада СССР» (Cumhuriyet. 3.09.2000).

- 19 <http://fgulen.com/tr/fethullah-gulen-kjmdir/gulen-hakkinda/fethullah-gulen-hayat-kronolojisi>
- 20 Автор записки пишет далее, что в итоге контактов с представителями ЦРУ и губернатором штата Пенсильвания Гюлен понял, что «джамаат в границах штата может открывать свои школы... Согласно сообщениям самих его приближенных, до недавнего времени ходжа-эфенди состоял агентом разведки Турецкого государства, после расширения связей с ЦРУ он некоторое время еще оставался в штате этой информационной службы. И пока эта связь не была замечена ТВС и МИТ, общественность продолжала считать джамаат символом миролюбия». На заданные журналистами в те дни вопросы Хаблемиштоглу по поводу его записки ответил: «Связи Гюлена с ЦРУ я установил, проведя исследования в США, и многое из того, что установлено мною, известно разведывательным органам государства». <http://arsiv.ntvmsnbc.com/news/193310.asp>; <http://turkishinvitations.weebly.com/msnbc-turkish-affiliate-news-article-ankara-university-professor-claimed-cia-gulen-connection.html> с пометкой: Click here to view the original archived article on the NTV-MSNBC website.
- 21 «В школах общины за рубежом, особенно в тюркских республиках, агенты ЦРУ работают в качестве преподавателей английского языка. Американские дипломатические паспорта имеют преподаватели школ Гюлена в Узбекистане, Киргизии... Расширение связей Турции с другими тюркскими республиками чрезвычайно важно, отвечает интересам Турции. Однако связи, учреждаемые под контролем Америки, ухудшают отношения Турции с соседями, способствуют конфликтам и вооруженным столкновениям в регионе. Америка стремится к этому и использует в своих планах Ф. Гюлена». www/geocities.com/fettosh/index
- 22 <http://fgulen.com/tr/fethullah-gulen-kimdir/gulen-hakkinda/fethullah-gulen-hayat-kronolojisi>
- 23 <http://yenisafak.com.tr/gundem-haber/himmetin-yuzde-15i-gulenin-kasasina-17.03.2014-626559>
- 24 <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=the-gulen-movement-plays-big-in-washington-2010-05-14>
- 25 <http://www.zamanamerika.com/index.php/tr/yazarlar2/item/5834-amerikal-tuerklerin-balans-ayar>
- 26 Подробнее об этом см. файлы и гиперссылки на сайте <http://turkishinvitations.weebly.com/>
- 27 Такая инициатива, по мнению авторов доклада, будет способствовать объединению нынешних «тюркских племен» в единую турецкую нацию и в лоне единой религии: «Распространение единой веры во всех республиках во многом будет обеспечивать единение региона и, таким образом, переход от племенных различий к образованию нации». Что касается непосредственно Российской Федерации, там «продолжается и возрастает миссионерская деятельность в отношении наших соплеменников, живущих в автономных

районах и республиках Российской Федерации» (Turkiye ile Turk Cumhuriyetleri ve bolge ulkeleri iliskileri Ozel ihtisas Komisyonu Raporu. – Ankara, 2000. – S. 283–285).

28 Став влиятельной державой «под зонтиком ЕС», Турция одновременно «под зонтиком ислама» окажется единственной в мире державой третьего тысячелетия, которая будет и лидером мусульманского мира. «С какой стороны ни взглянуть, со своим двойным преимуществом как страны между Европой и Азией Турция претендует на роль ведущего лидера в новом тысячелетии» (Zaman, 15.12.1999) <http://www.zaman.com.tr/ssayfa/odosya/milenyum.htm>

29 В интервью газете «Хьюриет» 12 января 1992 г. 75-летний Тюркеш так ответил на вопрос корреспондента: начинается ли после распада СССР золотой век туранизма: «До золотого века еще далеко, сделан лишь небольшой шаг, правда, вселяющий надежду. Естественно, они ждут, что Турция возглавит это движение» (Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. – N.Y., 1997. – P. 149–150).

30 Ulku Ocagi Dergisi. Yil 4.Sayi 43. – Kasim, 1997. – S. 2.

31 Radikal. 21.03.1998. Примерно на таком же идейном фундаменте проводились в Турции и последующие ежегодные курултаи дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и сообществ (Avrasya Dosyasi. TJKА. – Ankara, Mart 2000. – S. 1).

32 Автор разъяснял: «...внезапное повторное открытие почти забытых народов тюркского происхождения вело к раздутым надеждам и нереалистичным ожиданиям со стороны некоторых турецких должностных лиц... Рост националистических чувств в Турции инициировался турецкими властями и общественностью... Различные комбинации политических устремлений и амбиций в отношении Центральной Азии стали очевидными среди некоторых министров, политических партий, агентств и лоббистов». По личным наблюдениям Уинроу, первоначально после распада Советского Союза, когда речь заходила о ставших независимыми «центральноазиатских народах», в Турции термины «Turki» и «Turkik» использовались чаще, чем «Turk», что свидетельствовало о различии понятий «тюрк» и «турок» в английском языке. «Однако, термин, означавший “турок”, был вскоре универсально принят и для центральноазиатских государств, чтобы подчеркнуть близкую связь между ними и Турцией» (Winrow G.M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. – L., 1995. – P. 3–8).

33 Saray M. Yeni Turk Cumhuriyetleri Tarihi. – Ankara, 1996. – S. 3.

34 Turk Dunyasi. Tarih Dergisi. – Istanbul, Mayis 1997. – S. 33.

35 При этом автор статьи упрекает российские власти в том, что они закрывают глаза на такую позицию Турции: «Сомнительно, что Москва не была информирована собственными спецслужбами в Анкаре о той роли, которую играет Турция в чеченской войне на стороне противника. Получается, что наша власть обо всем знала, но молчала, хотя рычагов воздействия на турецкое правительство у нее было предостаточно» (Известия. 08.06.1999).

*«Нации и национализм на мусульманском Востоке»,
М., 2015 г., с. 229–240.*

Л. Исаев,

старший преподаватель

департамента политической науки

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

**«ОБРАДУЙ ЖЕ ИХ НАКАЗАНИЕМ МУЧИТЕЛЬНЫМ»:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА***

Обширный раунд переговоров по Сирии, проведенный в прошлом году Сергеем Лавровым и Джоном Керри [1] и завершившийся в минувшем декабре принятием резолюции Совета Безопасности ООН о положении на Ближнем Востоке, породил определенные иллюзии и надежды на умиротворение, которые, однако, оказались недолговечными. Не успел начаться новый, 2016-й, год, как толпы негодующих иранцев разгромили Посольство и Генеральное консульство Саудовской Аравии в Тегеране и Мешхеде, побудив МИД Королевства объявить о разрыве дипломатических отношений между двумя странами. Ближний Восток оказался на грани очередного конфликта между традиционными соперниками.

Вешают и громят

На первый взгляд, для новой вспышки конфронтации не было особых причин. Казнь шиитского проповедника Нимра ан-Нимра, которого саудовские власти неоднократно отправляли за решетку, а с ним и несколько десятков шиитов, бесспорно, могла вызывать претензии к саудовскому правосудию, но в целом смертные приговоры в Саудовской Аравии остаются делом, столь же обыденным, как пятикратная молитва или пятничный намаз. По данным «Amnesty International» [2], в Королевстве ежегодно приводят в исполнение несколько десятков смертных приговоров, а в 2015 г., только по официальным данным, к высшей мере наказания были приговорены более полутора сотен человек, и, конечно, далеко не все были осуждены за убийство или прелюбодеяние.

---

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований в 2016 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-03615). В названии использована цитата из Корана (84–24) в переводе Игнатия Крачковского.

«Ни одна другая страна не захочет отрубить голову молодому человеку, а потом распясть его тело вверх ногами лишь за то, что он является племянником шиитского религиозного лидера. Ни одна другая страна не назначит тысячу ударов кнутом за пост в блоге на тему существования Бога. Ни одна другая страна не приговорит известного поэта к смерти по обвинению в атеизме. Многие из зверств, которые в “исламском государстве” совершают из-за их показательной эффектности, в Саудовской Аравии остаются повседневной рутинной» [3].

Нет ничего необычного и в том, что недовольные политикой зарубежных государств иранские массы позволяют себе время от времени забывать о нормах международного права, оскорбляя и даже истребляя иностранных дипломатов. Россия сама сталкивалась с подобными казусами: так, в 1829 г. разъяренная толпа, недовольная укрывательством русскими армян, ворвалась на территорию российской миссии в Тегеране, убив несколько десятков российских дипломатов, включая и Александра Грибоедова. Конечно, дипломатического скандала тогда избежать не удалось, но знаменитый алмаз «Шах», отправленный иранскими властями в Петербург в порядке компенсации за это преступление, позволил императору Николаю I «предать вечному забвению злополучное тегеранское происшествие» [4]. Погромы посольств оставались неотъемлемой частью иранской политической культуры и после исламской революции 1979 г.: такая участь постигала в свое время и американских, и британских, и советских дипломатов [5]. Причем посольству СССР приходилось держать оборону три раза: дважды в 1980-м и единожды в 1988 г.

С аналогичными трудностями сталкивались и саудовские дипломаты, работающие в Иране. В 1987 г. разгон саудовскими правоохранительными органами демонстрации иранских паломников, организованной во время хаджа в Мекку, обернулся гибелью нескольких десятков человек. Это, в свою очередь, спровоцировало нападение на саудовское посольство в Тегеране и, как следствие, минимизацию дипломатических отношений между этими странами. Из-за используемого алгоритма – проповедь, убийство, разгром, бойкот – та прежняя история очень похожа на нынешнюю, за исключением одного обстоятельства: помолодевшая в силу естественных причин саудовская элита под давлением сложившейся в регионе ситуации сейчас действует крайне нервозно и излишне эмоционально.

Отношения Ирана и Саудовской Аравии, безусловно, ухудшились не в одночасье. Между двумя странами еще со времен шаха существовало немало противоречий, а их стремление к региональному доминированию усиливало разногласия. Ситуация заметно изменилась после 1979 г., когда иранским руководством был взят курс на «экспорт исламской революции», который до сих пор, несмотря на постепенное его свертывание Тегераном, широко используется саудовским истеблишментом для мобилизации перед лицом персидской угрозы. С того момента две страны вступили в эпоху открытого противостояния, время от времени перемежавшегося, впрочем, краткосрочными «оттепелями». Так, в 1990 г. в ходе операции «Буря в пустыне» иранцы и саудовцы вместе выступили против Саддама Хусейна, а в 2007 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад по приглашению короля Абдаллы посетил Эр-Рияд с широко разрекламированным официальным визитом.

Сразу после исламской революции саудовская правящая верхушка почувствовала себя в выигрышном положении. Впервые, события 1979 г. обернулись резкой конфронтацией Ирана с главным геополитическим союзником Эр-Рияда – Соединенными Штатами, что само по себе гарантировало Королевству относительную защищенность в случае иранской экспансии. Кроме того, вплоть до начала «арабской весны» главным гарантом безопасности и сохранения *status quo* на Ближнем Востоке оставался Египет, у которого из-за признания Израиля отношения с новыми иранскими властями также не сложились. В 1981 г., после того как одна из тегеранских улиц была названа в честь Халеда Исламбули, убившего президента Анвара ас-Садата, Каир вообще разорвал дипломатические связи с Тегераном. В целом же противостояние между Египтом и Ираном, длившаяся восемь лет изматывающая ирано-иракская война, а также международная изоляция Ирана позволяли саудовской политической элите чувствовать себя в относительной безопасности.

Весна пришла

Баланс сил в регионе нарушился после «арабской весны», когда наиболее мощным в военном и геополитическом плане странам пришлось бороться за собственное выживание. В итоге на лидирующие позиции стали претендовать новые игроки, в том числе и Саудовская Аравия. Непредсказуемость арабской политики после 2011 г. требовала от Эр-Рияда немедленного реагирования

на все более острые и внезапные вызовы, но дело осложнялось тем, что для Саудовской Аравии принятие на себя новой геополитической роли совпало с процессом обновления политической элиты Королевства. Конечно, саудовскую внешнюю политику последних лет нельзя характеризовать как провальную. В частности, к очевидным победам Эр-Рияда можно отнести успех египетского переворота 2013 г., спонсируемого именно Саудовской Аравией. В этом отношении Эр-Рияду не только удалось переиграть Катар, умерив аппетиты маленького, но амбициозного конкурента, но и обеспечить себе, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, лояльность и поддержку со стороны Египта по всем принципиальным для Королевства вопросам [6]. Другим успехом Саудовской Аравии можно считать подавление протестных настроений в Бахрейне, которое, по-видимому, заглушило протестную волну и в других монархиях Персидского залива. Наконец, даже сделанная Королевством ставка на сокрушение режима Каддафи в Ливии в тактическом плане оказалась оправданной. Однако – и это огромная проблема – все перечисленное может быть перечеркнуто теми просчетами, которые Королевство допустило в Йемене и Сирии, где оно попыталось открыто противостоять иранскому влиянию.

Стартовые позиции Эр-Рияда в битве за региональное лидерство были (и остаются) не слишком сильными. У Саудовской Аравии не имелось армии уровня турецкой и иранской или политического авторитета, наподобие египетского. Нет у нее и религиозного авторитета; напротив, династию ас-Саудов нередко называют «узурпатором» мусульманских святынь. В свете сказанного саудовская верхушка, не проявляя какой-то особой геополитической дерзости, решила выстраивать внешнюю политику, реагируя на шаги и инициативы Ирана. Именно арабо-иранское (или, шире, суннито-шиитское) противостояние стало тем стержнем, вокруг которого в последние годы строится вся внешнеполитическая стратегия саудовских правителей. Иран в глазах Эр-Рияда оказывается принципиальным врагом – основной угрозой не только саудовскому лидерству на Ближнем Востоке, но и самому существованию Королевства. «Оправданно или нет, но Саудовская Аравия чувствует себя окруженной врагами, подчиненными Ирану: в Бахрейне, в Сирии, в Йемене и в Ираке», – отмечает в этой связи немецкий эксперт Себастьян Зонс [7].

Оказавшись в непростой для себя ситуации, Эр-Рияд взял курс на «стравливание» шиитов и суннитов, а также разжигание

межконфессиональной неприязни, где роль главной «жертвы» шиитской агрессии отводилась как раз «королевству двух святых». Главной мишенью Королевства были объявлены шииты: их нужно было спровоцировать на ответные действия, которые в свою очередь позволили бы привести большую часть суннитского мира под покровительство Саудовской Аравии. В поисках идеологического обоснования нового внешнеполитического курса саудовские руководители обратились к трудам мусульманского теолога Ибн Таймийи, который в свое время оказал заметное влияние на Мухаммеда Абд аль-Ваххаба, чье учение легло в основу саудовской государственности. Ибн Таймийа славился глубокой неприязнью к шиитам, считая их предателями и лжецами. «Остерегайся шиитов, борись с ними, они лгут» [8], – так со страниц своих книг обращается он к суннитам, напоминая, что именно по вине шиитов, вступивших в преступный сговор с монголами, в XIII в. пал Багдад. Любопытно, кстати, что стратегия, очень похожая на саудовскую, не так давно была взята на вооружение отцом-основателем «Исламского государства» Абу Мусабом аз-Заркави. Вот как он представлял себе войну, которую джихадисты должны вести на территории Леванта: «Нанося удары по шиитам, по их религиозным, политическим и военным чувствительным точкам, мы тем самым спровоцируем их, чтобы они выплеснули свое бешенство, показали суннитам зубы и обнажили скрытую ненависть, которая клоочет в груди каждого из них. Если нам удастся втянуть их в религиозную войну, тем самым мы разбудим нерадивых суннитов, которые проснутся, как только почувствуют неминуемую смертельную опасность» [9].

Очевидно, что на сегодняшний день главное беспокойство Саудовской Аравии доставляют два вопроса: сирийский и йеменский. Две неоконченные революции «арабской весны», в Сирии и Йемене, спутали карты многих акторов, отстаивающих свои интересы в регионе. В 2011 г., когда Саудовская Аравия решила осудить режим Башара аль-Асада и поддержать оппозиционные силы, ее позиция выглядела вполне логичной. Бен Али уже бежал из Туниса, в Египте готовился суд над Хосни Мубараком, Муаммар Каддафи был растерзан в своем родном городе, и даже стойкий Али Абдалла Салех готовился к подписанию мирного соглашения с противниками. Казалось бы, никаких резонов в пользу устойчивости сирийского режима привести тогда было нельзя. Но Эр-Рияд ошибся. Президент Асад устоял, а изначальная бескомпромиссность саудовского руководства по сирийскому вопросу

лишила Королевство возможностей для какого-либо маневра в будущем. Между тем сохранение сирийского режима чревато для Эр-Рияда серьезными издержками: провал саудовской дипломатии в Сирии будет расценен в арабском мире как стратегический проигрыш Тегерану и заставит усомниться в способности Саудовской Аравии сдерживать иранскую экспансию в регионе. Иначе говоря, у Королевства не остается выбора: оно вынуждено наращивать свое присутствие в Сирии.

Еще более мрачные перспективы сулит кризис в Йемене. Если сирийское поражение чревато для Саудовской Аравии лишь потерей авторитета, то йеменское фиаско угрожает самой территориальной целостности Королевства, поскольку саудовские провинции Джизан и Наджран считаются в Южной Аравии исконно йеменскими землями. С самого начала антиправительственных выступлений в Сане покойный ныне король Абдалла проводил предельно взвешенную и сбалансированную политику лавирования между сторонами конфликта. В структуре йеменского общества политические лидеры оказываются лишь вершиной огромных «айсбергов», которые состоят из отдельных племен, обладающих всеми ресурсами для автономного существования и, если надо, продолжения сопротивления, невзирая на настрой их руководителей. По этой причине на протяжении нескольких месяцев 2011 г. Эр-Рияд искал компромисс, который устроил бы все противоборствующие стороны. Предложенная его дипломатами формула переходного периода легла в основу подписанной в ноябре того же года в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) мирной инициативы, максимально учитывающей интересы всех заинтересованных акторов. Однако саудовское посредничество в Йемене на этом и закончилось: со временем Королевство все меньше справлялось с возложенной им на себя функцией беспристрастного арбитра, втягиваясь в йеменский конфликт на стороне одного из антагонистов.

Настрой Эр-Рияда изменился после того, как йеменские правоохранительные органы – с санкции влиятельного семейства аль-Ахмаров и при молчаливом согласии временного главы государства Мансура Хади – попытались арестовать экс-президента Али Абдаллу Салеха. Для Саудовской Аравии в тот момент было очень важно пресечь подобные поползновения, гарантировав Салеху безопасность от уголовного преследования, как, собственно, и предусматривала инициатива ССАГПЗ, однако она не справилась с этой задачей. В результате Салеху и его окружению

пришлось искать новых союзников, которыми в результате оказались хуситы. Их движению «Ансар Аллах» вряд ли удалось бы распространить в конце 2014 – начале 2015 г. свое влияние почти на всю территорию Северного Йемена, если бы не альянс с бывшим президентом, которого, в свою очередь, к столь неестественному союзу подтолкнула потребность в личной безопасности, игнорируемая Эр-Риядом [10]. В результате в Йемене сформировался мощный блок, не дружественный к Саудовской Аравии и, более того, как представлялось саудовскому руководству, инспирированный Ираном. Перспектива получить на своих южных рубежах, причем в обозримом будущем, поддерживаемый иранцами и откровенно враждебный режим не оставила Королевству иных альтернатив, кроме начала военных действий на йеменской территории. Тем самым Саудовская Аравия увязла еще в одном затяжном конфликте с непредсказуемым финалом, причем ее опосредованным противником вновь выступил Иран.

Персы повсюду

С этого момента антииранская составляющая во внешнеполитической линии Саудовской Аравии стала не просто определяющей, но системной. Оказавшись один на один с персидской угрозой и учитывая явное стремление администрации Барака Обамы к диверсификации политических контактов на Ближнем Востоке, Эр-Рияд спешно принялся за практическую реализацию договора о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, подписанного в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ) в 1950 г. Первой попыткой стала выдвинутая Саудовской Аравией на саммите ЛАГ в Шарм аль-Шейхе в марте 2015 г. инициатива о создании единой арабской армии, которую сразу же окрестили «арабским блоком НАТО». Однако разногласия по банальным вопросам – кому платить, кому командовать, а кому воевать – погубили эту идею. В конечном счете, против «усиления иранского влияния в Йемене» саудовцам пришлось бороться собственными силами, подкрепляя их наемниками со всего земного шара, от Колумбии до Пакистана.

Очередную попытку консолидировать вокруг себя союзников в регионе Саудовская Аравия предприняла в декабре 2015 г., когда в Эр-Рияде было объявлено о создании «исламской» коалиции по борьбе с терроризмом. При этом ее ориентация на суннитские страны Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Аф-

рики позволяла понять, что в перспективе инициаторы проекта хотели бы получить оформленный военный блок, призванный пресечь распространение иранского влияния на Ближнем Востоке. Однако к настоящему моменту отнюдь не очевидно, что Саудовской Аравии удастся добиться реального участия всех стран – членов этой коалиции в ее деятельности и, тем более, их готовности сковывать себя в будущем какими-либо обязательствами.

На сегодняшний день в распоряжении Эр-Рияда имеется единственный реально функционирующий механизм обеспечения коллективной безопасности – Вооруженные силы ССАГПЗ. В марте 2011 г. им даже удалось на деле доказать свою состоятельность, когда на территорию Королевства Бахрейн был введен совместный воинский контингент ССАГПЗ «Щит полуострова». В официальном заявлении бахрейнского правительства объяснялись причины, заставившие его обратиться за помощью к партнерам по Совету сотрудничества: ими стали «печальные события, которые произошли в Королевстве Бахрейн, привели к нарушению его безопасности, а также безопасности его граждан и проживающих на его территории граждан других государств» [11]. В заявлении подчеркивалось, что решение «опиралось на принцип единства судьбы государств – членов ССАГПЗ и их коллективной ответственности за поддержание безопасности и стабильности, так как безопасность государств Совета сотрудничества неразделима» [12]. Одновременно король Хамад аль-Халифа прямо обвинил Иран и Сирию в том, что они «подстрекали граждан к свержению правящего режима»; по словам монарха, у него «есть неопровержимые доказательства того, что в Сирии были организованы тренировочные лагеря, где шла подготовка молодых бахрейнцев, которые должны были совершить государственный переворот» [13]. Российский востоковед Елена Мелкумян в этой связи отмечает: «Бахрейнские власти особо акцентировали в своих заявлениях мысль о том, что действия группировок, призывавших к свержению существующего строя, были поддержаны извне, поэтому пришлось прибегнуть к помощи со стороны партнеров Бахрейна – членов ССАГПЗ» [14].

Однако успешная операция по спасению бахрейнского режима не означала, что теперь Саудовской Аравии под силу все, что она пожелает: именно это и продемонстрировала провальная военная кампания в Йемене. Неспособность Королевства утвердить свой престиж посредством силовых акций заставляет его постоянно и настойчиво напоминать себе и другим об иранской

(шиитской) угрозе. Образ могучего врага позволяет Эр-Рияду нейтрализовывать внутренние риски и одновременно заявлять о претензии на лидерство в арабском, а в идеале и в суннитском, мире. Тот факт, что саудовская элита ощущает собственную слабость перед лицом Тегерана, заставляет ее раздувать противоречия между двумя странами, не отказываясь и от настоящих провокаций, какой стала, например, недавняя массовая казнь шиитских проповедников. При этом Эр-Рияд ожидал крайне агрессивной реакции со стороны Ирана, рассчитывая извлечь из нее политическую выгоду. Но во всех подобных случаях важно не позволять пропагандистской войне перерасти в открытое противостояние, а это непростое дело. От саудовской элиты требуется изрядное политическое мастерство, которого ей пока явно не хватает.

Вместе с тем у саудовской верхушки на сегодняшний день вряд ли есть иные стратегические опции. И дело не столько в ее опасении потерять авторитет в глазах ближневосточного сообщества, сколько страхе перед внутренними угрозами, накопившимися за последние десятилетия в Королевстве. В начале октября 2011 г. саудовское руководство столкнулось с новым вызовом: в городе Аль-Авамия начались волнения шиитской молодежи, грозившие распространиться на всю Восточную провинцию. Характеризуя беспорядки, саудовская пресса предпочитала говорить о «хулиганских выходках» [15], «провокации со стороны “Аль-Каиды”» [16], «вмешательстве Тегерана, потерпевшего неудачу в Бахрейне и теряющего Сирию» [17]. Все эти версии тем не менее не могли скрыть главного: события в Аль-Авამии, ставшие самым серьезным выступлением саудовских шиитов после 1979 г., в очередной раз подтвердили «политико-конфессиональную маргинальность шиитов в саудовском государстве» [18]. Причем по мере дальнейшего подъема Ирана эта проблема будет только усугубляться.

Венценосная молодежь и «Аль-Каида»

Являясь одним из самых закрытых обществ в мире, саудовское государство предоставляет не слишком много информации, доступной прямому политическому анализу. Тем не менее опыт стран, в том числе и арабских, переживших долгое геронтократическое правление, подсказывает, что начавшаяся смена поколений во власти уже сама по себе сулит политическую нестабильность. Аравийское королевство в данном случае будет уязвимым из-за

того, что за 100-летнюю историю его существования племенные размежевания нисколько не утратили своей значимости: они играют важнейшую роль в процессе передачи власти от старого правителя к новому.

«По сути государство держит лишь династия ас-Саудов, которая была создана благодаря крайне мудрой матримониальной политике основателя Саудовской Аравии Абд аль-Азиза ас-Сауда. Завоевывая племена, он не просто брал женщин в свой гарем – ему нужно было, чтобы каждое племя ощутило свою сопричастность к государству. Поэтому король Абд аль-Азиз ввел специфическую систему наследования. После его смерти престол отходил старшему сыну, а после смерти этого сына – не его детям, а следующему брату и так далее. Таким образом, каждое племя, отрядившее в гарем Абдаллы достойную женщину, могло быть уверено в том, что их выходец когда-нибудь станет Хранителем двух святынь» [19].

Но многолетнее функционирование этой системы сегодня поставило перед саудовской элитой закономерный вопрос: кто из огромного количества внуков короля-основателя будет наследовать престол после смерти всех его сыновей? Нынешний король Салман, находящийся в преклонном возрасте и страдающий болезнью Альцгеймера, казался бы, решил задачу: он волевым образом распределил посты наследного принца и его заместителя, которые впервые заняли люди, не являющиеся сыновьями Абд аль-Азиза. Напомним, что после добровольной отставки в апреле 2015 г. Мукрина, последнего сына короля-основателя, с должности наследного принца, этот пост отошел внуку Абд аль-Азиза Мухаммеду бин Найефу, принадлежащему к влиятельнейшему клану ас-Судайри, а пост вице-наследника достался сыну нынешнего короля Мухаммеду бин Салману. За кронпринцем и его заместителем были закреплены и важнейшие в Королевстве посты глав министерств обороны, внутренних дел и общей разведки. Но при всем этом далеко не ясно, согласится ли саудовский политический класс с предложенным Салманом вариантом и после его кончины.

Еще более серьезные испытания Королевству обещает «Аль-Каида», более десяти лет работающая в Саудовской Аравии. Итогом ее деятельности стали «спящие ячейки» радикальных исламистов, взаимодействующие с влиятельными религиозными деятелями и имеющие связи в государственном аппарате. В таком контексте, как справедливо отмечает российский арабист Константин Труевцев, «угроза захвата святынь Мекки и Медины и уничтожения священного камня Каабы со стороны “Исламского госу-

дарства” вовсе не кажется совсем уж пустым бахвальством» [20]. По его мнению, для Саудовской Аравии, как, впрочем, и для некоторых других арабских режимов, типична тактика «переключения» активности террористов со своей территории на территории других стран. Но, как показывает исторический опыт, представление о том, что террористические группировки можно всесторонне контролировать, не состоятельно: такой контроль всегда относителен и недолог. Так, поддержка, оказываемая в 2000-х годах режимом Асада сторонникам джихада в Ираке и призванная отвлечь их от вмешательства в сирийские дела, привела к тому, что Сирия, по выражению американских журналистов Майкла Вайса и Хасана Хасана, стала «магнитом, притягивающим терроризм» [21]. В этой связи Труевцев делает обоснованный вывод: «Вряд ли стоит сомневаться в том, что, как только деятельность террористических групп в Сирии и в Ираке [и особенно в Йемене. – *Л. И.*] будет подорвана или существенно затруднена, они могут перебазироваться на территорию Саудовской Аравии, где для продолжения их деятельности существуют и объективные, и субъективные условия. Предлог для того, чтобы бросить вызов саудовским властям, при желании можно будет найти с легкостью: им, например, могут послужить сведения о контактах руководителей королевства с Израилем или, скажем, с Россией» [22].

К сожалению, особенностью современных конфликтов на Ближнем Востоке стало то, что они достаточно быстро трансформируются из локальных в региональные, а подчас и международные, втягивая все новых и новых игроков. Отношения между Эр-Риядом и Тегераном, как и ситуация в регионе в целом, будут в ближайшем будущем только накаляться. Соответственно, дальнейшее их обострение делает призрачными любые надежды на дипломатическое разрешение старых ближневосточных конфликтов, которыми было отмечено ирано-саудовское противостояние. И в Йемене, и в Ираке, и в Сирии Аравийское королевство и Исламская республика готовы пойти на все, чтобы не позволить конкуренту укрепить свое влияние. Обе страны находятся в фазе жесткой борьбы за региональное лидерство, и поражение в этом противостоянии для каждой из них может оказаться фатальным.

Литература

1. Только за 2015 год главы внешнеполитических ведомств России и США встречались для обсуждения ситуации в Сирии более 20 раз.
2. См.: Death Sentences and Executions in 2014: Report (www.amnesty.org/en/documents/act50/0001/2015/en/).
3. The Guardian View on Saudi Arabia: Cruel Violent Punishments Won't Bring Security (Editorial) // The Guardian. 2015. November 29 (www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/29/the-guardian-view-on-saudi...).
4. Потто В.А. Кавказская война. Т. 3: Персидская война 1826–1828 гг. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 320.
5. См.: Филин Н.А. Динамика массовых выступлений в Исламской Республике Иран (1989–2010) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. / Под ред. А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.В. Ходунова. – М.: Либроком, 2011. – С. 334–383.
6. О роли Саудовской Аравии в египетском перевороте 2013 г. см.: Исаев Л.М., Коротаев А.В. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 8. – С. 91–100.
7. См.: Конфликт Ирана и Саудовской Аравии: Причины и последствия // Deutsche Welle. 2016. 11 января (www.dw.com/ru/конфликт-ирана-и-саудовской-аравии-причины-и-последствия/a-18968051).
8. См.: Riedel B. The Search for Al Qaeda: Its Leadership, Ideology, and Future. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. – P. 100.
9. Цит. по: Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – С. 55.
10. Подробнее о союзе между Салехом и хуситами см.: Исаев Л.М., Коротаев А.В. Йемен: Неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 8. – С. 71–81.
11. Мелкумян Е.С. Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков... – С. 52–53.
12. Аль-Бахрейн ту`лин исти`анатаха би-кувват «дара аль-джазира» лиль хифаз аля амн ва-ль-истикрар [Бахрейн заявил о введении сил «Щит полуострова» для поддержания безопасности и стабильности] // Аш-Шарк аль-Аусат. 2011. 15 марта (www.aawsat.com/details.asp?section=4& &issueno=11795&article=612577).
13. King of Bahrain Insists His Forces Do Not Indulge in «Ethnic Cleansing or Genocide» as He Defends Handling of Protests // The Telegraph. 2011. December 12. (www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/bahrain/8951979/King-of-Ba...).
14. Цит. по: Мелкумян Е.С. Указ. соч. – С. 53–54.
15. Аль-Аф`аль аль-мушина фи-ль-Авамиййа [Хулиганские действия в Аль-Авамие] // Эр-Рияд. 2011. 6 октября (www.alriyadh.com/2011/10/06/article673015.html).
16. Аль-Каида са`ат ли-хальк фитна та`ифиййа фи-с-Саудиййа [«Аль-Каида» пыталась вызвать межконфессиональную смуту] // Аш-Шарк аль-Аусат. 2011. 4 октября (www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=643368&issueno=11998).

17. Масъулю ва ахали Аль-Катыф: ахдас Аль-Авамиия амаль мушин [Руководство и жители волости Аль-Катыф: События в Аль-Авामीе недопустимы] // Аль-Мадина. 2011. 5 октября (www.al-madina.com/node/330835).
18. См.: Косач Г.Г. Саудовская Аравия и «арабская весна»: Внутриполитическая эволюция, региональная политика и перспективы реформ // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков... – С. 302.
19. Мирзаян Г. Конец саудовской эпохи? // Эксперт. 2016. 5 января (<http://expert.ru/2016/01/5/konets-saudovskoj-epohi/>).
20. Цит. по: Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. – М.: Учитель, 2015. – С. 157.
21. Вайс М., Хасан Х. Указ. соч. – С. 298.
22. Труевцев К.М. Сирийский урок // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 1(93). – С. 143.

*«Неприкосновенный запас»,
М., 2016 г., № 2, с. 58–69.*

А. Зиннатуллин,
научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан,
аспирант кафедры политологии Казанского
(Приволжского) федерального университета
«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» В США

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме влияния международно-го движения «Братья-мусульмане» на мобилизацию мусульманского общества США, становление организаций, отстаивающих их интересы. В основе работы находится теория структуры политической возможности (political opportunity structure) Дуга МакАдама, Джона МакКарти и Майера Зальда, которая представляет собой интересный социологический взгляд на проблему политической мобилизации этнических, религиозных и иных социальных групп. Ее важной особенностью является акцент на отношениях между социальным движением и его окружающей средой, в особенности политическим режимом. В данной связи автором рассматривается то, каким образом члены организации «Братья-мусульмане» использовали в своих интересах соответствующий политический контекст США. При этом автор приходит к выводу, что политический режим США не оставил «Братьям-мусульманам» ничего иного, кроме как адаптироваться к соответствующим условиям и отказаться от изначальных, радикальных идеологических воззрений, что сделало мусульманские организации США весьма представительными и уважаемыми властями страны силами.*

Ключевые слова: мусульманские организации США, «Братья-мусульмане», структура политической возможности, исламофобия, политический режим.

Введение

Мусульмане в Соединенных Штатах Америки не являются новым социальным и политическим феноменом. Представители исламского вероисповедания появились на территории современных США еще в XVI в. вместе с первыми кораблями, которые перевозили рабов из Африки. В последующие столетия численность мусульман в стране увеличивалась, что было вызвано целым рядом факторов, в первую очередь экономических и правовых (в частности, изменения в сфере миграционного законодательства). В настоящее время существует широкий спектр различных организаций, отстаивающих религиозные, политические и социальные интересы мусульман в США.

Трагические события 11 сентября 2001 г. не стали поводом для сворачивания мусульманскими организациями своей деятельности в результате гонений со стороны государства (хотя несколько известных фондов, например Holy Land Foundation и Global Relief Foundation, были закрыты американским правительством за связи с террористами). Для защиты гражданских прав американских мусульман и противодействия распространению негативного к ним отношения, исламофобских настроений появились новые мусульманские организации, которые принялись энергично выстраивать межобщинные и профессиональные сети [6, с. 485–486]. В частности, в их ряду можно упомянуть такие структуры, как American Islamic Forum for Democracy (2003), American Muslim Taskforce on Civil Rights and Elections (2004), American Muslim Political Action Committee (2012), Muslims against Terrorism (2001), Institute for Social Policy and Understanding (2001).

После трагедии 11 сентября 2001 г. американское правительство объявило своим главным противником международные террористические организации, в первую очередь джихадистской направленности. В этой связи значительный исследовательский интерес вызывает проблема влияния различных организаций, которые принято относить к так называемому «политическому исламу», на мусульманское сообщество Соединенных Штатов, его мобилизацию в отстаивании собственных прав. В частности, речь идет о международном политическом движении «Братья-

мусульмане», которое считается одним из наиболее влиятельных движений исламистской направленности в современном мире.

Теория структуры политической возможности

Первоначально очертим теоретико-методологические рамки данного исследования. В его основе находится теория структуры политической возможности (political opportunity structure) Дуга МакАдама, Джона МакКарти и Майера Зальда, которая представляет собой интересный социологический взгляд на проблему политической мобилизации этнических, религиозных и иных социальных групп. Ее важной особенностью является акцент на отношениях между социальным движением и его окружающей средой, в особенности политическим режимом [7, с. 24–38].

Согласно этой теории, политическая мобилизация возможна только там, где для этого существуют соответствующие политические условия. Кроме того, важным моментом для понимания мобилизации движения является взаимосвязь между этим самым социальным движением и политическими институтами. Отметим, что ранее предпринималась попытка использовать данную теорию в контексте арабских стран. Речь идет о выполненном Зиядом Мансоном исследовании о влиянии «Братьев-мусульман» на «исламскую мобилизацию» в Египте в 1932–1954 гг. [8].

В литературе выделяются четыре центральных измерения структуры политической возможности, которые являются факторами, способствующими успеху мобилизации сторонников той или иной организации: снижение уровня государственного давления, увеличение политического доступа, различия между элитами и влиятельные союзники [7, с. 28]. Эти факторы, как отмечает Зияд Мансон, явным образом были представлены в Египте в 1932–1954 гг., что сыграло важнейшую роль в политизации «Братьев-мусульман» [8, с. 494–497].

Применительно к американскому контексту вышеназванные факторы в той или иной форме также имели место. Безусловно, теория структуры политической возможности как исследовательский подход к феномену политической мобилизации религиозных, этнических и других меньшинств не лишена недостатков. Во-первых, в рамках этой теории происходит переоценка институционального политического контекста как независимой переменной, а также одновременная недооценка иных факторов, способных повлиять на формирование возможностей (opportunities).

Во-вторых, внутриорганизационные процессы развития разного рода меньшинств зачастую оказываются вне внимания исследователей, хотя в отношении мобилизации этот момент является едва ли не самым важным [10].

Недостатки данного подхода позволяет в определенной степени нивелировать исследовательская стратегия «фрейминга» (framing). «Фрейм» в самом общем смысле [Зиннатуллин А.З.] представляет собой схему интерпретации. В социальные науки концепт «фрейминга» был привнесен Эрвингом Гоффманом [7, с. 265]. Социологи и политологи поработали над тем, чтобы фокус при использовании данного концепта был смещен на организационные и коллективные процессы, являющиеся составной частью мобилизации. Важно отметить, что «рамки» или «фреймы» выполняют не только функцию интерпретации.

Речь необходимо вести о том, что лидеры движения со специальными намерениями мобилизуют потенциальных сторонников, сохраняют очевидную поддержку и демобилизуют антагонистов. Особый акцент делается на способности заинтересованных акторов работать над приданием особого смысла социальной реальности, продвижением в группе ее особого понимания и выбором рамок (фрейма) для мобилизации. Дуг МакАдам определяет «фрейминг» как сознательные стратегические усилия группы людей по приданию формы разделяемому пониманию мира и собственного места в нем, которые легитимируют и придают мотивацию коллективному действию (цит. по: [10]).

Некоторые авторы делают особый акцент на культурном и политическом контексте того, как происходит распространение рамок (фреймов) и как они становятся эффективными [7, с. 261–267]. Концепт «фрейминга» представляет собой весьма полезный исследовательский инструмент, поскольку уделяет много внимания идентичности, тому, как она влияет на мобилизацию группы.

Эволюция «ихванистских» организационных структур в США

Организация «Братья-мусульмане» возникла в Египте в 1928 г. Ее основателем стал проповедник и школьный преподаватель Хасан аль-Банна, внук которого (Тарик Рамадан) в настоящее время является одним из наиболее авторитетных исламских деятелей в Западной Европе. Движение на первых этапах своего становления концентрировало свое внимание в основном на

вопросах распространения норм исламской этики и на благотворительной деятельности. В дальнейшем происходит определенный пересмотр идеологии «Братьев-мусульман», которая начинает рассматривать ислам как способ не только индивидуального развития, но и проведения широкомасштабных преобразований в социальной и политической сферах жизни общества. Весьма красноречивым в этой связи является девиз организации, который можно перевести как «ислам есть решение» [2, с. 195].

Стремительная политизация движения, выразившаяся не только в идеологических аспектах его деятельности, но и на практике, в частности через создание военизированных отрядов, не могла понравиться властям Египта, которые принялись проводить в отношении «Братьев-мусульман» репрессивную политику. Радикализация организации произошла после того, как в ее рядах появился известный своими крайними взглядами писатель и политический теоретик Сайид Кутб. Любопытно, что значительное влияние на его взгляды оказала учеба в Соединенных Штатах, где он изучал государственное управление. Порядки этой страны и образ жизни ее граждан серьезно повлияли на Сайида Кутба, который первоначально являлся адептом социалистической идеологии.

Американское отделение движения «Братья-мусульмане» появилось в 1935 г. Однако активизация его деятельности произошла значительно позднее. Первая организация, созданная и руководимая членами «Братьев-мусульман» в Соединенных Штатах, появилась в 1963 г. в университете Иллинойса – Ассоциация мусульманских студентов (Muslim Students Association). Американские законы позволяют достаточно просто создавать общественные организации, которые защищают права граждан и проживающих на территории США людей, имеющих гражданство других государств. Не будет преувеличением утверждение, что члены движения получили соответствующий доступ к политической сфере при отсутствии репрессий со стороны государства. Более того, активизация движения в США была невозможна без поддержки со стороны самого американского правительства. Возглавляемое в то время Сайидом Рамаданом движение «Братья-мусульмане» рассматривалось администрацией Дуайта Эйзенхауэра в качестве альтернативы коммунизму на Ближнем Востоке и Северной Африке [4, с. 77].

После начала советской операции в Афганистане в 1979 г. американские власти также рассматривали «Братьев-мусульман»

в качестве силы, которая может объединить мусульман и не позволит им выйти за рамки существующего в стране культурного, исторического и религиозного дискурса. В этом смысле организация имела влиятельных союзников в виде тех или иных представителей президентской администрации и членов различных исследовательских структур, занимающихся экспертным сопровождением политического курса внутри страны и за ее пределами.

Основу упомянутой Ассоциации мусульманских студентов составили студенты-выходцы из Египта и Пакистана. В своих странах они состояли в организациях «Братья-мусульмане» и «Джамаат и-Ислами». Первоначально в программных документах Ассоциации мусульманских студентов речь шла о саморепрезентации, подчеркивании собственной идентичности, что полностью вписывается в концепт «фрейминга». Именно на этих началах происходила мобилизация сторонников в ряды организации. Это неудивительно, учитывая тот факт, что мусульмане не являются коренным населением США. Впоследствии задачи Ассоциации расширились. В частности, большое внимание было уделено проблеме продвижения исламского образа жизни в американском обществе. Положение женщин в исламе также заняло значительное место во внутриорганизационных дискуссиях.

В целом интеграция и институционализация ислама в США стали заметными темами в дебатах членов Ассоциации мусульманских студентов. Деятельность организации на территории США и Канады ведется в пяти зонах, три из которых расположены в первой стране, две – во второй. Каждая зона в Национальном комитете имеет своего представителя, избираемого местными отделениями, которые входят в состав определенной зоны. Местные отделения, в свою очередь, образуют региональные советы, в рамках которых происходит обсуждение насущных вопросов, характерных для отдельных штатов. Отметим при этом, что не существует четкой вертикали власти между Национальным комитетом Ассоциации мусульманских студентов и местными отделениями, равно как нет обязанности следовать курсу и взглядам Национального комитета активистам на местах. Здесь просматривается отсыл к федеративному устройству США, в рамках которого субъекты федерации обладают заметной самостоятельностью.

Подобная децентрализация управления Ассоциации мусульманских студентов создает, с одной стороны, сложности из-за отсутствия обязательности следовать спущенным сверху указаниям, если такие вдруг возникнут на уровне Национального комитета.

Возрастает риск идеологического размежевания разнообразных местных, региональных и зональных объединений. С другой стороны, отсутствие жесткой иерархии позволяет сплачивать под крылом одной организации приверженцев самых разных направлений внутри ислама и представителей различных этнических сообществ.

В последующем члены Ассоциации мусульманских студентов, одновременно состоявшие в рядах «Братьев-мусульман», создали новую организацию – Исламское общество Северной Америки (Islamic Society of North America). Это произошло в 1981 г. На сегодняшний день эта организация является зонтичной структурой, в состав которой входят Ассоциация мусульманских студентов, Северо-Американский исламский траст (North American Islamic Trust), Канадский исламский трастовый фонд (Canadian Islamic Trust Foundation), Ассоциация мусульманских ученых и инженеров (Association of Muslim Scientists and Engineers), Исламская медицинская ассоциация Северной Америки (Islamic Medical Association of North America), Мусульманская молодежь Северной Америки (Muslim Youth of North America).

Как видно из этого перечня, лидеры Исламского общества Северной Америки пытаются объединить под своим руководством структуры самой разной направленности, отстаивающие интересы мусульманского сообщества страны. Штаб-квартира организации расположена в Плэйнфилде, штат Индиана. Эта организация в настоящее время является одной из наиболее активных и известных мусульманских групп в США. Ее основная задача заключается в объединении различных исламских организаций Северной Америки для последующего совершенствования как мусульманской общины, так и американского общества в целом. Для этого, в частности, организация работает над проведением межрелигиозных диалогов, в которых принимают участие представители иудаизма и различных направлений христианства.

Публичная активность и работа над образом уважаемых представителей мусульманского сообщества США приносят определенные дивиденды, что выражается в расхожих в СМИ характеристиках организации как самой влиятельной и активной. Одновременно с этим ведется провокационная деятельность, выражающаяся, в частности, в заявлениях, которые позволяют себе делать люди, так или иначе связанные с организацией. Не единожды наблюдалась ситуация, когда на ежегодных конференциях Исламского общества Северной Америки звучали призывы к джи-

хаду, поддержке террористических организаций. Между тем официальные представители практически всегда отрицали разделение самой организацией подобных взглядов. Федеральные власти США также не раз обвиняли Исламское сообщество Северной Америки и связанную с ним организацию Северо-Американский исламский траст в финансовой поддержке экстремистских группировок.

Еще одной созданной в США «Братьями-мусульманами» организацией является Мусульманское американское сообщество (Muslim American Society). Она появилась в 1993 г. Как и в предыдущих случаях, рассмотренных в рамках данной статьи, члены организации отрицают свою причастность к «Братьям-мусульманам» и заявляют о неприятии их идеологии. В данном случае необходимо обратить внимание на документ, который имеет отношение к американской ветви организации «Братья-мусульмане» и отличается весьма любопытной историей. Речь идет о «Пояснительном меморандуме главной стратегической цели группы в Северной Америке». Общественность узнала об этом документе лишь в 2004 г. в результате обыска одного из домов в Северной Вирджинии сотрудниками Федерального бюро расследований. Дата появления документа в нем самом обозначена 22 мая 1991 г. [1].

В меморандуме представлена основная задача организации в США, состоящая из шести пунктов. Они выглядят следующим образом:

- создание эффективного и стабильного исламского движения, ведомого «Братьями-мусульманами»;
- работа над признанием исламских оснований внутри страны и на глобальном уровне;
- расширение базы строго соблюдающих мусульманские каноны верующих;
- объединение усилий мусульман США и руководство ими;
- позиционирование ислама в качестве цивилизационной альтернативы;
- поддержка усилий по созданию исламского государства, где бы они ни наблюдались.

Заслуживает внимания раздел меморандума «Понимание роли “Братьев-мусульман” в Северной Америке». В нем процесс создания эффективного и стабильного исламского движения на территории США обозначен в качестве «цивилизационно-джихадистского процесса... во всех смыслах этого выражения». Далее цитата: «Ихваны должны понимать, что их деятельность

в Америке является одним из видов Большого Джихада в значении устранения и разрушения западной цивилизации изнутри и устройства “саботажа” в скверном доме этой цивилизации ее собственными руками и руками верующих...» [1].

В документе отмечено, что члены «Братьев-мусульман» без кооперации с другими последователями ислама не могут достичь этой цели, поэтому им необходимо выстраивать сотрудничество с разными мусульманскими организациями. Роль членов организации «Братья-мусульмане» сводится к лидерству в объединенном исламском движении против США на их же территории, что впоследствии должно привести к реализации проекта по установлению глобального исламского государства. В конце документа дается перечень собственных организаций «Братьев-мусульман», а также дружественных им ассоциаций. В их числе в первых рядах идут Исламское общество Северной Америки и Ассоциация мусульманских студентов. Следует отметить, что появление меморандума в общественном пространстве спустя 13 лет после его якобы фактического написания подверглось критике. После обнародования его активно стали использовать консервативные силы, разжигая исламофобские настроения, ставшие после терактов 11 сентября 2001 г. весьма распространенными [3].

Обозначенные в документе положения, несмотря на соответствие идеологическим воззрениям «Братьев-мусульман», показались многим наблюдателям излишне претенциозными. Документ ни разу не подвергся проверке на подлинность, тем не менее он применялся в качестве одного из документов, фигурировавших в деле 2007 г. о финансировании благотворительным фондом Holy Land Foundation признанной в США террористической организации ХАМАС [9]. В рамках этого дела наряду с Исламским обществом Северной Америки и Северо-Американским исламским трастом фигурировал Совет по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations), возникший в 1994 г. Эта организация занимается главным образом правозащитной деятельностью. Ее сооснователи Омар Ахмад и Нихад Авад, согласно некоторым источникам, состояли в палестинском комитете «Братьев-мусульман». Известный своими скандальными высказываниями в адрес мусульман американский политолог Дэниэль Пайпс называет Совет по американо-исламским отношениям «ваххабитским лобби», намекая на то, что доступ этой организации к высокопоставленным американским лицам, в частности из администра-

ции президента Барака Обамы, может использоваться в собственных целях Саудовской Аравией (цит. по: [4, с. 78]).

Заключение

Подводя итог, отметим, что «Братья-мусульмане» оказали заметное влияние на формирование и становление современных мусульманских организаций Соединенных Штатов. Благоприятная для создания групп интересов различной направленности среда, которая характерна для США, позволила приверженцам этого движения создать эффективные организации, представляющие интересы мусульман. Несмотря на свои идеологические воззрения, последователи «Братьев-мусульман» осознали, что политическая среда страны не оставляет ничего иного, кроме как адаптироваться к существующим условиям. Вызванный этим отход от первоначальных идеологических установок движения, направленных преимущественно на политические цели, в частности на создание исламского государства, сделал мусульманские организации США весьма представительными и уважаемыми властями страны силами. В настоящее время эти организации представляют интересы образованной и высокопрофессиональной части населения, в отличие от Европы, где выходцы из мусульманских стран находятся преимущественно в маргинальном или полумаргинальном положении [5, с. 6].

Звучащие в адрес лидеров или рядовых членов этих организаций обвинения в поддержке терроризма зачастую объясняются объективным процессом смены представителей и приверженцев основных американских партий на ключевых политических постах. Известно, что республиканцы, в рядах которых весьма популярны неоконсервативные идеи, гораздо в меньшей степени настроены на кооперацию с мусульманскими акторами как внутри собственной страны, так и на внешнеполитической арене. Демократы в этом отношении отличаются большей предрасположенностью к диалогу и компромиссам.

Литература

1. Akram Mohamed. An Explanatory Memorandum on the General Strategic Goal for the Group in North America. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.investigativeproject.org/documents/misc/20.pdf
2. Cammett M., Luong P.J. Is There an Islamist Political Advantage? // Annual Review of Political Science. – 2014. – Vol. 17. – P. 187–206.
3. Croucher S.M., Homsey D., Bruschi E., Buysse C., DeSilva S., Thompson A. Prejudice toward American Muslims: An Integrated Threat Analysis // Journal of Intercultural Communications. – 2013. – Issue 32. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://immi.se/intercultural/nr32/croucher.html>
4. Ehrenfeld R. The Muslim Brotherhood Evolution: An Overview // American Foreign Policy Interests. – 2011. – Vol. 33, N 2. – P. 69–85.
5. Foner N. Is Islam in Western Europe Like Race in the United States? // Sociological Forum. – 2015. – P. 1–15.
6. Haddad Y.Y., Harb N.N. Post 9/11: Making Islam an American Religion // Religions. – 2014. – N 5. – P. 477–501.
7. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings // Cambridge University Press, 1996. – 426 p.
8. Munson Z. Islamic Mobilization: Social Movement Theory and the Egyptian Muslim Brotherhood // The Sociological Quarterly. – 2001. – Vol. 42, T. 4. – P. 487–510.
9. Shipler D. Pamela Geller and the Anti-Islam Movement. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.newyorker.com/news/news-desk/pamela-geller-and-the-anti-islam-movement
10. Vermeersch P. Theories of ethnic mobilization: overview and recent trends. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.soc.kuleuven.be/crpd/files/working-papers/wp03.pdf

*«Исламоведение»,
Махачкала, 2016 г., № 1, с. 16–23.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. Зайцев,

доктор исторических наук,
ВРИО директора ИНИОН РАН,
доцент кафедры стран Центральной Азии
и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник ИВ РАН

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА КОРАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В XVI–XVII вв.: ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД СУРЫ «ОЧИЩЕНИЕ ВЕРЫ» (1572)

Аннотация. В статье анализируются данные о знакомстве русских людей с текстом Корана в XVI–XVII вв. Текст Корана использовался в дипломатическом церемониале для принесения присяги мусульманами. Переводчики Посольского приказа не только довольно неплохо владели коранической терминологией, которая употреблялась в дипломатических документах, но даже весьма удачно переводили на русский отдельные обороты и целые айаты. Как показывают тексты Посольской книги по связям с Османской империей, первый дошедший до нас русский перевод фрагмента коранического текста суры *صالح* («Очищение веры») непосредственно с оригинала следует датировать 1572 г.

Ключевые слова: Священный Коран, переводы на русский язык, ислам в России в XVI–XVII вв.

Принято считать, что в Московской Руси текст Корана был практически неизвестен. Признанные авторитеты в области истории ислама в России сходились в неутешительном мнении, что уровень знаний об этой религии был у нас довольно низок.

Так, например, академик А.Е. Крымский писал: «Русская литература чрезвычайно бедна не только оригинальными, но даже и переводными сочинениями о Мохаммеде: как ни странно, но

Россия, несмотря на то что истари имела мусульманских подданных, всегда отличалась невежеством насчет их истории, религии и т.д.»¹.

«Исламоведные сведения, накопившиеся в Московской Руси, сами по себе были довольно значительны, но отличались большой разрозненностью и случайностью, чаще всего представляли полемику против фантастического, созданного легендой, призрака ислама, который имел очень мало общего с исторической действительностью. Из этого мутного источника и черпался основной материал» – так отзывался об уровне знаний об исламе на Руси академик И.Ю. Крачковский².

Наконец, видный теоретик-исламовед М.А. Батунский резюмировал эти наблюдения следующим образом: «Словом, в Московской Руси складывалась такая ситуация: знали мусульман, но не знали их религии, поскольку были твердо убеждены в том, что они, эти мусульмане, либо перейдут в христианство, либо перестанут быть политической, а значит, и духовной опасностью»³.

Исходя из этого, исследователи относили первые попытки переводить Коран к Петровскому времени, впрочем, не отказывая Московской Руси в знакомстве с Кораном, пусть и косвенном. «Только случайные сведения о Коране были в исторических и полемических сочинениях, большей частью переводных. При этом, однако, арабские списки Корана были известны и на Руси: на Коране приносили клятву послы мусульманских государств, присягали служилые мусульмане (большей частью татары), которых много было на российской службе»⁴.

Действительно, соприкосновение Русского государства с исламским миром имело следствием возникновение ряда проблем правового характера, в частности проблему удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином и наоборот. Поначалу государство столкнулось с этим на торговом и дипломатическом поприще: словесные заверения дипломатов мусульманских стран в XV–XVIII вв. (чаще всего они и сами были

---

¹ Крымский А.Е. История мусульманства. 3-е изд. – М. – Жуковский: Кучково Поле, 2003. – С. 157.

² Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 30.

³ Батунский М.А. Россия и Ислам. Т. I. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – С. 152.

⁴ Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. – М., 1994. – С. 228.

мусульманами) обязательно снабжались разработанной до мельчайших деталей церемонией клятвы или заключением так называемой шерти (от араб. шарт – «договор, соглашение»). «Крайне важно было, чтобы иностранные дипломаты совершали присягу “по их вере”, “по их закону” – это давало более прочные гарантии соблюдения условий договора»¹.

Присоединение большого числа мусульман к империи породило крайне важный юридический вопрос о возможности подчинения мусульманина христианской власти и юридического подтверждения его лояльности. С точки зрения мусульман, зачастую едва ли не единственной не порицаемой шариатом причиной пребывания мусульманина в христианской стране являлся выкуп пленных собратьев по вере². С одной стороны, православное государство никогда не отрицало возможности и даже необходимости подчинения мусульман, но, с другой стороны, необходимо было выработать процедуру принятия этого подданства и удостоверения клятв. Опыт России показывает, что чаще всего конфликты между представителями двух великих религий решались в правовом поле. Московское государство (а потом и Россия) было единственной средневековой европейской страной, где издавна большое количество мусульман жило под христианской властью³. В остальной христианской Европе мусульман практически не было.

С точки зрения христианского государства отношения с мусульманином регулировались принесением им клятвы («роты») с обязательным включением в ее текст указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств.

---

¹ Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». – М.: Международные отношения, 1988. – С. 176.

² См. подробнее: Луис Б. Ислам и Запад. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.

³ Мусульмане жили и в Польско-Литовском государстве, однако их число там не сопоставимо с числом мусульман в Московии. Некоторые западные, а также исламские историки об этом часто забывают. Ср., например, утверждение турецкого исследователя, что Россия «не имела опыта совместного проживания христиан и мусульман» (Туран А.Н. Черты повседневного быта народа Крыма (XVII–XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. № 43. – Симферополь, 2002. – С. 305). Хотя большинству все же присущ здравый взгляд на вещи. Ср.: «Nonetheless, the Russia Tatar relationship did (perhaps even does) have a familiarity, even an intimacy, that is missing in other imperial relationships between Christians and Muslims» (Bergne P. Review of Galina Emelianova. Russia and Islam: A Historical Survey // Journal of Islamic Studies. 2005. Vol. 16. P. 98).

Коран был неременным атрибутом такой «роты» и подписания договорных обязательств (шерти), даже если его текст сам по себе не зачитывался: «И ты, господине, на той записи учини правду к государю нашему передо мною, положи ее на Куране», – следовало говорить Семену Мальцову в Ногайской Орде мирзе Мухаммеду, который должен был подтвердить шертную запись (1560 г.)¹. В Москве в царском архиве специально для «дачи правды» крымским и турецким послам при русском дворе хранился экземпляр Корана². «Крымской Ислам-Гирей царь и калга и нурадын дали, на куране шерть учинили...» – писалось в наказе посланным в 1646 г. в Индию к Джехан-шаху Н. Сыроежину и В. Тушканову³.

Совершать присягу мусульманину можно было в любом удобном для этого месте, но в идеале местом проведения присяги должна была быть мечеть или молитвенный дом⁴. Императрица Елизавета Петровна, которая не стремилась к увеличению числа мечетей на территории империи, всё же в 1744 г. была вынуждена согласиться с сохранением определенного числа «потребных» мусульманских культовых сооружений, так как «живущие в России Татара Магометанского закона приводятся к присягам по их законам в их мечетях»⁵. Совершенно невозможно было производить мусульманскую присягу только в месте неисламского культа. Необходимо было присутствие толмача, для того чтобы проверить точность произносимого мусульманином текста, а также духовного лица (муллы). Порядок принесения присяги включал следующие процедуры: присягающий должен был непрерывно держать указательный и средний пальцы правой руки на тексте Корана, начинать со слов хвалы Аллаху, трижды поклясться именем Аллаха. Грамотные мусульмане подписывали текст клятвы сами, а за не-

---

¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань: Татарское книжное издательство, 2006. – С. 309.

² Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии А.А. Зимина. Ч. 3. – М., 1978. – С. 506.

³ Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С. 56.

⁴ В реконструированном виде этот ритуал см.: Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. № 2 (10). – М., 2002; Арапов Д.Ю. Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X – первой трети XVIII века. – М., 2006.

⁵ ПСЗ. Собр. I. – СПб., 1830. – Т. 15. – № 8978.

грамотных прикладывали руку их близкие. На присяжном листе ставили оттиски личных печатей или пальцев присягающих. Именно так была оформлена «Утвержденная грамота» об избрании на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 г. От имени мусульман России семь влиятельных татарских мурз высказались и поставили свои подписи под документом об избрании¹.

В отличие от христианской присяги, по отношению к мусульманам на Руси применялся ритуал клятвы («роты»). Сохранившиеся источники позволяют сделать вывод, что при заключении тех или иных условий между Московским правительством и мусульманином – представителем исламской державы, последние, как правило, в отличие от христиан различных толков, не давали «правду», а совершали «роту» (т.е. приносили клятву): указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств («запрещение») вносились в сам текст записи. Как известно, принесение клятвы христианином осуждалось, христианин мог только присягать, целуя крест². Не случайно, когда в 1480 г. Менгли-Гирей вставил в «перемирную» грамоту слова о том, что в случае нарушения договора Иваном III последнему грозила кара, великий князь крест целовать отказался. Московскому послу в Крыму Ивану Звенцу приказывалось объяснять это так: «А учнет царь говорить о том, что в той грамоте в великого князя в крепостной не написано запрещения, как царь в своем списке писал. И князю Ивану то отговаривати так: тех, господине, слов по христьянскому закону немощно молвити, чтобы, господине, за те слова христьянину убиту бытии, а молвити того нелзе... Ино, господине, во христьянском законе тое правды, крестного целования, выше нет»³.

---

¹ История Татарии в документах и материалах. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1937. – С. 375; Арапов Д.Ю. Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 4. – С. 53.

² Основанием для этого были евангельские слова: «А я говорю Вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головой твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше “да, да”, “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5: 34–37).

³ Сборник Императорского Русского исторического общества: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 41. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 г. эпоха свержения монгольского ига в России.) – СПб., 1884. – С. 22.

Мусульманин крест целовать, естественно, не мог, а следовательно, для удостоверения действительности обязательств в текст клятвы обязательно вносилось «запрещение». Крымские послы, например, в начале XVI в. при совершении клятвы говорили: «И естли справедливе присягаю, боже, помози, а естли несправедливее, бо вышний забий на душе и на теле»¹. Формулы запрещения могли вноситься не только в текст устной клятвы, но и в письменные шерты. В шертной записи ногайского бия Исмаила, его детей и племянников московскому царю (1557) встречаем: «А солже, шерть наша на нас и на наших детех буди»². Невыполнение обязательств, с точки зрения мусульманина, навлекало кару на не выполнившего их. Ногайские мирзы, например, писали в Москву в 1537 г.: «И не пришлешь, ино шерть на твоей шее», «И мы не хотим своей правды порушители, кто порушит правду – тот порушит, а мы не рушим... И толко с нынешними послы не пришлешь нам того, что нам посулил, ино шерть на твоей шее»³.

Мусульманину запрещено клясться кем-либо, кроме Аллаха, его имен и атрибутов (в противном случае имеет место так называемый ширк – придание Аллаху сотоварищей). Клятва не Аллахом – грех, требующий покаяния⁴. Поэтому в текстах крымских и ногайских клятв и шертей встречаем обычно только упоминания Бога: «Слово у нас одно и Бог один»⁵.

Внесение в текст «роты» указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств стало неперменной чертой всех мусульманских клятв в России вплоть до XIX в. Шертная запись нижегородских татар (русский перевод – 1840-е годы) содержала такой текст: «От искушения Дявола прибегаю к Тебе, Господи,

---

¹ Цит. по: Юзефович Л.А. Указ. соч. – С. 178.

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань: Татарское книжное издательство, 2006. – С. 250.

³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1489–1549 гг.). – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. – С. 191–192.

⁴ «Аллах не взыскивает с вас за то, что вы связываете клятвы [комментаторы понимают под этим выражением принесение намеренно двусмысленной клятвы. – И. З.]. Испулением этого – накормить десять бедняков средним из того, чем вы кормите свои семьи, или одеть их, или освободить раба. А кто не найдет, то – пост трех дней. Это – искупление ваших клятв, которыми вы поклялись. Охраняйте же ваши клятвы!» (Коран 5: 89).

⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 250.

я... обещаюсь и клянусь всемогущим моим Богом пред изданным Его Священным ал-Кораном, в том, что буду говорить самую правду о слышанном и виденном мною, не обольщаясь интересом, свойством или дружбою, соображая мои чувства с моими словами, изображенными в Законе Нашем, утверждаю сие тем, что если не скажу правды – тогда буду лишен:

- Милосердия Всевышнего Творца;
- Истинной веры;
- Имени последователя Пророка;
- Молитвы обо мне потомков моих;
- Зрения Господа Бога во время Страшного Суда и Созерцания Его.

В заключение же моей Клятвы целую Слова Священного ал-Корана.

Аминь. Аминь. Аминь»¹.

Схожая практика имела место и в Польско-Литовском государстве. Имеющиеся польские записи крымской клятвы (калги Кырым-Гирей султана и его приближенных, 1667 г.) подтверждают московские источники²: *Przysięgamy P. Bogu iedynemu, temu, który stworzył Nieboi ziemię, morze i wszystkie, że tego dotrzymamy wszystkiego i każdego z osobnaz tych punktów, które są napisane, a ieżeli w czymkolwiek nie dotrzymamyi złomiemy przysięgę naszą: Niech nas ten P. Bog, którego wzywamy, karze natym i na tamtym swiecie, i aby szabla nieprzyiacielska górę zawsze nad namimiala i nad potomkami naszymi. A to imieniem Hana J°Mci Soltana Nuradina, Galgi i inszych beiów, agów, Mirzów, calego Krymu i inszych ord i państw pod Hanem J°Mscią będących («Присягаем Господу Богу единому, тому, который сотворил небо и землю, море и все [вокруг], что выполним все и каждый в особенности из написанных пунктов, а если в чем-либо не исполним и нарушим нашу присягу, то пусть нас Господь Бог, к которому зываем, покарает на том и на этом свете, а неприятельская сабля будет всегда над нами и над нашими потомками»).*

Вероятно, текст клятвы со временем менялся: по крайней мере, несколько его русских записей не сводятся к одному, раз и навсегда утвержденному. Первым зафиксированным примером

---

¹ Шертная клятва на Коране // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. – С. 200–201.

² *Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II: Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Wyd. F. T. 1. Cz. I.* – Kraków, 1880. – S. 287.

был аят 91 из суры «Пчелы»: «Верно выполняйте договор с Аллахом, когда его заключили, и не нарушайте клятв после их закрепления: вы сделали Аллаха поручителем за вас. Поистине, Аллах знает то, что вы творите»¹. По крайней мере, в одном из сохранившихся Коранов из собрания Российского государственного архива древних актов (РГАДА) имеется вклейка с русским текстом, выполненным московской скорописью конца XVII – начала XVIII в.: «В Куране на сей статье шертовать присто(и)но, а с той статьи перевод: Глава 15 О Пчеле именуемо(й) арапскі Аджилъ Все аще по Бозе обещаестя исполняйте и ничтоже противо клятвы своя да сотворите. Убо Бога призвасте во свидетельство своего обещания, вестъ бо вся вами творимое»². Текст соответствующего айата в рукописи выписан золотом. Е.А. Резван считает эту запись первым дошедшим до нас русским переводом фрагмента коранического текста³. Предполагается, что этот перевод делался с тюркского подстрочника. Однако, как мы покажем ниже, это не так.

Стоит сказать, что с отдельными кораническими пассажами в Москве познакомились еще раньше также путем дипломатического обмена. В богословской части формуляра джучидских (прежде всего, крымских) грамот имелись коранические цитаты (басмала – формула «Во имя Бога, милостивого, милосердного»), которые в Посольском приказе переводились на русский. Так, в посланиях и шертных грамотах Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея (1524 и 1531 гг.) встречаются такие обороты: «Бог богатый вся во всех исполняи. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи» или «Почали есмя Божиим именем, Бога дающую пищу, Бога очищающего грехи»⁴.

---

¹ Коран 16: 91 (перевод И.Ю. Крачковского). «Будьте верны завету с Аллахом, если вы его дали; не нарушайте клятв после того, как вы их скрепите, ибо вы признали Аллаха своим поручителем. Воистину, Аллах ведаёт о том, что вы седеете» (пер. М.-Н.О. Османова).

² Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. – М., 1994. – С. 228; Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. – М.: Древлехранилище, 1996. – С. 22.

³ Резван Е.А. Казанское многоголосье: Жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань: Каталог выставки. [б. м.]. – 2005. – С. 18. См. также: Круминг А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. – М., 1994. – С. 228.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 86 об.

Вероятно, выражение «Бог богатый» в начале русского текста грамоты ногайского мирзы Уруса (1560) является переводом формулы «Аллах велик»¹. Встречаются в русских переводах и молитвенные формулы, основанные на кораническом тексте: «В Божьем бы заступлении нам быти, дай Боже, сотворитель Вселенную. Аминь»; «Мы в своем величестве здоровы, а и ты бы в своем величестве здоров был, дай Боже. Аминь»². Нам уже приходилось писать о возможном кораническом источнике одного из оборотов русского перевода казанского дипломатического послания 1549 г.³

Очень яркий пример перевода целой суры содержит Посольская книга по связям с Османской империей. В декабре 1572 г. в Москву вернулся Андрей Иванович Кузьминский, который привез с собой грамоту Селима II Ивану IV, датированную 15 июля 979 г. х. В заголовке этой грамоты есть такие слова:

«Государь един Бог, ни от кого родился, ни от него не родился никто, и товарища ему нет, никто на него не походит»⁴. Вне всякого сомнения, это перевод на русский язык суры *صالح* – «Очищение веры» (112), известной также как *قروس ديحوتل* («Единобожие») или *قديمصلا* («Вечный»):

1. قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ
2. لَهُ الصَّمَدُ
3. لَمْ يَلِدْ وَلَمْ يُولَدْ
4. وَ لَمْ يَكُنْ لَهُ كُفُوًا أَحَدٌ

В переводе И.Ю. Крачковского эта сура звучит так:
Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1. Скажи: «Он – Аллах – един,
2. Аллах, вечный;
3. Не родил и не был рожден,
4. И не был Ему равным ни один!»

---

¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – С. 327.

² Там же. – С. 85, 86.

³ Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). – М.: Рудомино, 2004. – С. 163–164.

⁴ РГАДА. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2. Л. 224–227.

Кажется, впервые на этот древнерусский перевод обратил внимание покойный Ш.Ф. Мухамедьяров. В письме 4 июля 1947 г. к своему учителю М.Н. Тихомирову он писал:

«Несмотря на вольность перевода этой суры в Посольской книге № 2, он правильно передает смысл текста... Это можно считать одним из фактов, свидетельствующих о значительном уровне культуры перевода с иностранного на русский в Посольском приказе конца XVI в. ...»

Даже при сравнении с... позднейшими переводами следует признать определенные достоинства за переводом из Посольской книги, хотя там и нет второго стиха»¹.

Таким образом, в XVI–XVII вв. переводчики Посольского приказа неплохо знали кораническую терминологию и довольно удачно переводили на русский отдельные обороты и целые айаты. Но перевода всего текста Корана сделано так и не было. Объяснялось это, конечно, особенностями работы переводчиков этого учреждения: вся деятельность была подчинена задачам точного, зачастую дословного перевода текстов посольской документации.

Первые попытки научного изучения и перевода Корана на русский язык принадлежат Петру I, который в русле своей восточной политики предпринимает целую серию мероприятий, положивших начало систематическому изучению мусульманского Востока в России². Уже в раннее Петровское время начинаются активные поиски переводчика Корана на русский. Однако царя ждала в этих попытках неудача. Текст, который мы публикуем ниже, датирован 28 сентября 1697 г.:

«А сентября КИ день нынешняго СЕ года Великому государю докладывал в его государском походе в селе Преображенском боярин князь Борис Алексеевич Голицын, что новокрещен, о котором он напред сего ему, великому государю докладывал, которой живет у него, о переводе взятой турецкой книги Алкорана, той турецкой книги Алкорана подлинно на словенской ярлык перевесть не умеет и толку ее сказать не знает, потому что она писана высоким арапским языком. Да и в турках де многие люди тое книгу

---

¹ Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 415. Л. 4, 4 об.

² Резван Е.А. Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006. – С. 203.

чтут, а толку ей не знают. И он новокрещен хотя и прочтет, тол(б)ко перевесть не может»¹.

Поиски переводчика Корана непосредственно с арабского успехом в Петровское время не увенчались. Именно поэтому, видимо, и было решено переводить Коран с французского текста Дю Риё. Первый перевод был напечатан в декабре 1716 г. Имени его автора мы не знаем, но, судя по количеству грубых ошибок и неточностей, совершенно очевидно, что этот человек знал французский неважно. Ближе ему была латынь.

Другой – более качественный – перевод того же французского текста выполнил дипломат Петр Васильевич Постников. Его труд, законченный не позднее 1725 г., так и остался неизданным и известен по двум рукописям².

Итак, как мы видим, в XVI–XVII вв. переводчики Посольского приказа не только довольно неплохо владели коранической терминологией, которая употреблялась в дипломатических документах, но даже весьма удачно переводили на русский отдельные обороты и целые айаты. Как показывают тексты Посольской книги по связям с Османской империей, первый дошедший до нас русский перевод фрагмента коранического текста (суры *صالح* – «Очищение веры») непосредственно с оригинала следует датировать 1572 г.

Источники

1. Архив Российской академии наук. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 415.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 («Сношения с Турцией»). Оп. 1. Д. 2 (1569–1590).
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1 (Новгород). Д. 137.

---

¹ РГАДА. Ф. 137 («Боярские и городовые книги»). Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 497.

² Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. – М., 1994. – С. 231–237. Впрочем, до сих пор встречаются утверждения, что автором перевода, изданного в 1716 г., был Постников. (Алиев А. Коран в России: Источник знаний или объект мифотворчества? – М.: Дружба народов, 2004. – С. 120.)

Литература

1. Алиев А. Коран в России: Источник знаний или объект мифотворчества? – М.: Дружба народов, 2004.
2. Арапов Д.Ю. Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. – 2001. – № 4.
3. Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. № 2 (10). – М., 2002.
4. Арапов Д.Ю. Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X – первой трети XVIII в. – М., 2006.
5. Батунский М.А. Россия и Ислам. Т. I. – М.: Прогресс-традиция, 2003. Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. Ч. 3. – М., 1978.
6. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). – М.: Рудомино, 2004.
7. История Татарии в документах и материалах. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1937.
8. Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. – М.: Древлехранилище, 1996.
9. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. – М.–Л.: АН СССР, 1950.
10. Круминг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. – М., 1994.
11. Крымский А.Е. История мусульманства. 3-е изд. – М.–Жуковский: Кучково Поле, 2003.
12. Луис Б. Ислам и Запад. – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. – СПб., 1830. – Т. 15.
14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995.
15. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
16. Резван Е.А. Казанское многогосие: Жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань. Каталог выставки. [б.м.]. 2005.
17. Резван Е.А. Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006.
18. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. – М.: Издательство восточной литературы, 1958.
19. Сборник императорского Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 41. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 г. – эпоха свержения монгольского ига в России.) – СПб., 1884.

20. Туран А.Н. Черты повседневного быта народа Крыма (XVII–XVIII вв.) // Культура народов Причерноморья. № 43. – Симферополь, 2002.
21. Шертная клятва на Коране // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.
22. Юзefович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...» – М.: Международные отношения, 1988.
23. Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II: Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Wyd. F. Kluczycki. T. 1. Cz. I. – Kraków, 1880.
24. Bergne P. Review of Galina Emelianova. Russia and Islam: A Historical Survey // Journal of Islamic Studies. 2005. Vol. 16.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2016 г., т. 12, № 2, с. 81–91.*

И. Гавриш,

аспирант кафедры философии религии
и религиоведения философского факультета
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

ПОЛИГАМИЯ В БРАЧНОМ ПРАВЕ ИСЛАМА И РОССИИ

(Перспективы сближения позиций)

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос полигамии в исламском браке и соотношение этого положения со светским правом. Автор подчеркивает, что с позиции семейного права государства исламский полигамный брак по отношению к другим женам, кроме той, с которой брак заключен как по нормам ислама, так и по российскому праву, допускающему только моногамию, – будет выступать как фактический брак. Такой брак не имеет юридических последствий, в отличие от гражданского брака, зарегистрированного государством.*

Ключевые слова: исламское право, исламский брак, светское государство, семейное право, брачное право.

В России второй по численности религиозной традицией является ислам¹. При этом в современной мусульманской общине происходит рост объема культурной деятельности, прежде всего в области исламской свадебной обрядности и брака (никях²).

Семейный кодекс РФ³ (ст. 14; далее СК РФ) допускает только моногамный брак – препятствием к браку будет нахождение в ранее заключенном браке.

Ранее Российская империя только лишь в начале XX в.⁴ признала право (законодательно, а фактически и ранее с этой практикой мирилась) за народами не православного (в том числе исламского) исповедания совершать обряд брака по своим обычаям. Характеризуя установленные нормы, Г.Ф. Шершеневич писал: «Наше законодательство для всех устанавливает моногамию (Свод законов гражданских ст. 20, 62 ч. 1 т. X), в виде исключения допускается многоженство [полигамию. – *И. Г.*] для магометан (ст. 92–97 ч. 1 т. X, Улож. о наказ., ст. 1558)»⁵.

В доисламские времена в Аравии существовало несколько форм брака, как следует из хадиса аль Бухарию и Абу Дауда, одна из этих форм брака ничем не отличалась от той, которая позже была принята в исламе, – вначале мужчина сватался к подопечной какого-нибудь человека, они договаривались о размере брачного дара жениха, и лишь после этого происходило бракосочетание⁶.

Положения о браке в исламе были сформулированы на заре его становления: «Нормы фикха, регулирующие вопросы брака, были глубоко и детально разработаны уже в первые два столетия исламской истории, т.е. в VII–VIII вв. н.э., проистекающие из последнего Откровения Единого Бога и пророческого Предания (Сунны) установления о браке были детально разработаны выдающимися богословами и факихами (правоведами), основателями богословско-правовых школ Ислама имамами Абу-Ханифой, Маликом, аш-Шари‘и и Ахмадом ибн Ханбалем, а также аль-Авза‘и, ан-Наза‘и и другими учеными»⁷. Существует и другое видение на источники мусульманского брачного права, некоторые ученые «признавая Коран, Сунну, иджму и кияс в качестве основных источников права в VII–XIII вв., утверждают, что начиная с IX–X вв., эта роль перешла к доктрине, созданной школами мусульманского права»⁸. В XIX в. Кадри-паша на основе положений ханафитского толка подготовил фундаментальный труд – кодекс «Нормы шариата по личному статусу», в котором систематизировал брачно-семейные предписания ислама, его положения были позже внедрены в законодательства многих исламских государств. В современном мире предпринимались попытки на международном уровне кодифицировать положения исламского брачно-семейного права⁹. Но положения созданного Исламского брачно-семейного кодекса учеными из разных стран исламского мира в 70-е годы XX в. по разным причинам не были внедрены в государственное законодательство исламских стран.

В исламе различают несколько форм брака: никах доим (брак постоянный), никах мют'е (или мат'е (брак временный) и никах кенизон или имо (брак невольников).

«Мусульманское брачное право... это целый свод нравственных определений и постулатов должной морали, – отмечает З.Б. Увайсов, – целая колея запретов и рекомендаций, огромное количество правил и установлений, создающих специфическую правовую основу института брака для большинства современных мусульманских стран»¹⁰. В исламе брак считается договором («обоюдным договором», «гражданским действием»¹¹), который заключается во время бракосочетания [‘акд аз завадж – араб. «соединение», «объединение», а слово «никах» является синонимом «ват‘у» («совокупление»)]¹², только после заключения брачного договора разрешается иметь половую близость. А. Рахмонов так определяет понимание исламского термина «никах (никах)»¹³, обозначающего совершения брака: «Никах, завадж, ‘урс (араб.) – брак, заключенный в соответствии с положениями ал-Фикха; фактическое вступление в супружеские отношения; завершающий этап брачной церемонии, после чего брак, который мог быть формально заключен задолго до этого, считается свершенным»¹⁴. Возникает вопрос: под браком как процессом создания семьи следует употреблять термин «завадж» или, как того придерживается большинство авторов, «никах»? Противоречия в действительности нет, в исламе под термином «никах» подразумевают брак как длящееся событие – длящееся неизбежно в браке половые отношения, которые санкционированы правом. В то же время, по мнению Б. Маргинани, «в юридическом языке словом [никах] обозначается особого рода частный договор, имеющий своей целью узаконить деторождение»¹⁵.

Как следует из постановления Совета исламской академии правопедения (фикха), «основополагающим положением при заключении брака является намерение супругов сохранить его на долгий срок, создать прочную семью, исключение составляют лишь те случаи, когда брак прекращается волею внешних обстоятельств»¹⁶. Ислам допускает только законное сожитительство: «ислам отвергает любые другие формы семьи... находящиеся вне пределов шариата формы сожитительства между мужчиной и женщиной»¹⁷.

Согласно п. 2 ст. 1 СК РФ и п. 1 ст. 10 СК РФ законным по государственному семейному праву признается только брак, заключенный в загсе. Но закон отдельно говорит о действительности

сти браков, совершенных по религиозному обряду в период Великой Отечественной войны на оккупированной территории (п. 7 ст. 169 СК РФ). Местность, где традиционно проживали народы, исповедующие ислам (территория Северного Кавказа), была под немецкой оккупацией около полугода. Таким образом, те браки, которые были совершены по религиозному обряду и состоялись в этот период, даже если они были полигамными, с точки зрения ныне действующего СК РФ должны считаться законными. Однако в последующий советский период вряд ли такие полигамные браки могли бы существовать открыто, а главное законно, так как препятствием к браку по закону являлось нахождение человека в ранее зарегистрированном или незарегистрированном браке¹⁸. Отсюда необходимо сделать вывод, что в настоящее время действующее законодательство должно признавать полигамные браки (разрешенные в исламе) по отношению к этой группе населения, но подобных примеров в литературе мы не встречали. Данная норма в большей мере распространялась на европейскую часть СССР, где традиционно проживали христиане, придерживающиеся моногамии.

Ислам разрешает по кораническому положению мужчине вступать в брак одновременно с четырьмя женами. Исходя из принципов исламского права (фикха) и исторической практики, выделяют, по мнению Ш.Р. Аляутдинова, следующие условия, при которых возможно заключение нового брака с новой женой, оставаясь в браке с прежней женой (прежними женами): бесплодие или неспособность к деторождению первой жены; условия военного или послевоенного времени, когда число незамужних женщин и вдов превосходит число мужчин; чтобы избежать греха прелюбодеяния в условиях чрезмерной сексуальной активности мужчины¹⁹. У приверженцев суннитского направления ислама (преобладающего в России) допускается иметь только четыре жены, как устанавливает Коран. У шиитов разрешен временный брак (завадж аль-мут‘а; сокр., мут‘а, или сийга), он допускается джа‘фаритским (имамитским) масхабом (распространен в Иране). Для временного брака при его заключении требуется соблюсти два условия: оговорить срок брака (от одного дня до нескольких лет) и должен быть решен вопрос о приданом²⁰ (махр – брачный подарок, который муж предоставляет жене после заключения брака, восходит к доисламскому периоду, аналогов в светском праве не имеет). Мужчина одновременно может иметь несколько десятков таких браков,

женщина же лишь один, и самостоятельно выйти из него она не может.

Коран гласит: «Если Вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь донной или невольницами, которыми овладели ваши десницы. Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости (или бедности)» (Коран 4, 3)²¹. Современные представители российского ислама осторожно высказываются о допускаемом полигамном браке в исламе. Так, по мнению Ш.Р. Аляутдинова, «Священный Коран, определяя единобрачие как основу супружеского союза, в то же время допускает возможность повторных [одновременных] браков, оговаривая это соответствующими условиями и строго ограничивая количество браков четырьмя. Ислам не призывает к многоженству, но, учитывая возможные объективные и субъективные обстоятельства, предлагает гибкий механизм регулирования некоторых проблем»²². Представители российского ислама при этом советуют при заключении исламского брака соблюдать закон государства (это следует из ответа на вопрос жительницы Киргизстана, где государством признается только моногамный брак)²³, возможно давая данный совет, они предполагают, что в новых условиях только государство может гарантировать права жены и детей в случае развода или недостаточного материального обеспечения мужем жены в период брака. Но так ли едино сегодня мнение на этот вопрос представителей российского ислама? Конечно, нет.

Высказывание Н.Е. Торноу о российской практике исламского полигамного брака, сделанное им около полутора десятилетий назад, как нельзя актуально звучит сегодня, в новых условиях, когда общество вновь разделено на богатых и бедных. Он писал: «Мусульманское право ставит преграду многоженству, подчиняя иное материальным средствам мужчины, и в действительности многоженство между мусульманами существует только в высших слоях общества, между людьми богатыми и достаточными. В массе народа [исповедующего ислам] многоженство встречается редко»²⁴.

В наше время полигамия в различных исламских странах имеет разную степень реализации: «В законодательстве большинства современных исламских стран это правило [о полигамии] сохранено, хотя в некоторых из них, где традиции светского права менее сильны, закон вообще не устанавливает каких-либо ограничений для полигамии»²⁵. В некоторых исламских странах вовсе

отказались от полигамии, например Тунис и Народно-Демократическая Республика Йемен. Их брачно-семейные законодательства отказываются от ряда основополагающих институтов мусульманского права. Например, в Тунисе законодательно запрещена полигамия, а Семейный кодекс НДРЙ в 1974 г., по существу, наделил женщину равными правами с мужчинами в семейных отношениях²⁶. Но существуют государства, законодательные положения которых предусматривают реализацию брачного права как по светскому праву (предусматривающему моногамию), так и по мусульманскому (допускающему полигамию). Такой своего рода компромисс реализован в Танзании, где население континентальной части составляют христиане или язычники, а островной – мусульмане, где могут заключать моногамные и полигамные браки. Закон Танзании о семейном праве (1971), руководствуясь принципом свободы воли, желанием обоих супругов и при соблюдении ряда условий (религиозных – если один из супругов перестал быть христианином, процессуальных), разрешает переходить от моногамии к полигамии и наоборот. Препятствия и условия заключения брака для всех устанавливаются одинаковые. При разводе суд не руководствуется конфессиональными (исламскими) нормами, предусматривающими односторонний отказ мужа от жены, гражданский развод основан на принципе равноправия супругов²⁷. Таким образом, мы наблюдаем, что ряд стран, население которых традиционно исповедует ислам, склоняются к моногамии. Только ли это происходит под влиянием права, культуры стран, исповедующих моногамию, или это есть следствие внутренней эволюции взглядов правящих элит и (или) религиозных лидеров?

При этом положения Корана, как известно, не подлежат изменению, их можно только трактовать. Какая из школ каждого из мазхабов в период формирования новых толкований будет иметь непререкаемый авторитет, чтобы ее установления были восприняты беспрекословно? В настоящее время, даже если отпали обстоятельства, обуславливающие возникновение полигамии, возможно ли неприменение этого канонического положения, основываясь на другом положении Корана? Есть ли иной выход, не отменяющий каноническое положение о полигамии, но на основании других канонических положений допускающий ее в исключительных случаях или предполагающий полный отказ от нее? Коран гласит: «Вы не сможете относиться к женам одинаково справедливо даже при сильном желании. Не склоняйтесь же полностью

к одной, оставляя другую словно висящей (не уделяйте все внимание только одной жене, оставляя другую в таком положении, когда она, выйдя замуж, чувствует себя незамужней). Но если вы исправите положение и будете богобоязненны, то ведь Аллах – Прощающий, Милосердный» (Коран 4, 129)²⁸. Из этих слов следует вывод о необходимости уделять должное внимание каждой из жен, а также в равной мере обеспечивать их материально. В настоящее время это не может быть реализовано с учетом современного понимания содержания термина «справедливость», «равенство». Муж может уделить достаточное внимание только одной жене. Но с позиции ислама в полигамном браке справедливое отношение ко всем четырем женам возможно. В исламе существует понятие «кисм», которое подразумевает и требует равного разделения брачного сожителства мужа между женами²⁹.

В настоящее время ситуация в России кардинально иная (Конституцией России закреплено равенство мужчины и женщины³⁰), по сравнению с той, которая имела место во время написания Корана. В сфере брачно-семейных отношений она отличается тем, что количество детей в семье стало гораздо меньше, нежели чем в древние времена; нет таких кровопролитных войн, как были ранее с огромной потерей населения. В условиях российской действительности произошло вовлечение женщины в общественную жизнь наравне с мужчиной. Она получает то же образование и профессии, что и мужчина, и равную с ним оплату труда. Наравне с мужем жена участвует в материальном обеспечении семьи, чего не было в древности. В этих условиях можно говорить о другом, новом положении женщины в обществе, где роль ее возросла, во многом сравнившись с положением мужчины в обществе, по сравнению с периодом времени, когда создавался Коран. Или необходимо менять российскую действительность в соответствии с исламским правом, которое сформировалось в древности и соответствовало реальности той эпохи? Коранические положения необходимо рассматривать в исторической связи со временем его написания. По мнению А.А. Меримовой, «нормативно Коран выступает в пользу равного статуса для обоих полов, на практике же он предоставляет мужчине небольшое преимущество по отношению к женщине из-за социального контекста времени, в котором он появился»³¹.

Формально по канонам ислама в настоящее время принцип полигамии не оспаривается. Для приверженцев ислама в Европе на основании выпускаемых фетв полигамный брак неизменно допус-

тим³², хотя во многих исламских странах практика его применения носит ограниченный характер. В Иране вопрос о количестве браков, в которых мужчина может состоять одновременно, решается судом, отступление от этого положения влечет уголовную ответственность³³, это, безусловно, является ограничением в практике применения многоженства.

Исламское толкование положения о полигамии в будущем будет связано с выбором пути развития, по которому пойдет ислам – догматическому или модернизированному. В России преобладают приверженцы суннитского течения ислама, будущее его мазхабов может быть разным, по мнению М.С. Арсанукаевой: «Возможны различные пути развития мусульманских, в частности суннитских мазхабов: 1) следование, как предлагают салафиты, только Корану и Сунне с последующим образованием единого мазхаба; 2) следование Корану и Сунне как главным источникам шариата и основным (четырем) мусульманским мазхабам; 3) модернизация ислама и шариата в соответствии с новыми историческими реалиями»³⁴. Любой из предполагаемых путей развития будет сложным, по мнению Е.Ю. Барковской: «Не исключаются как откаты с уже взятых рубежей, так и долговременное пребывание в застойном состоянии»³⁵. Будущее развитие ислама в исламских государствах и связанных с ними правовых школ неоднозначно. Остается предполагать, что в перспективе общее толкование канонов ислама будет допускать примиряющее сосуществование со светским законом неисламских государств. Такие примеры существуют, например, в виде институтов исламской экономики. Подобное развитие будет зависеть, как утверждает Л.Р. Сюкияйнен, от: «...исламской правовой культуры, от развития которой в известной степени зависит то, по какому сценарию станут в дальнейшем складываться отношения между мусульманским миром и современной цивилизацией»³⁶. Нам представляется неизбежным то, что общие основы существования в едином мире будут найдены. Происходит рост мировых торговых и экономических связей, информационной свободы, возрастает мобильность людей, следствием чего становится неизбежным взаимопроникновение разных культур. Необходима консолидация исламской позиции для выбора будущего пути развития – к общему мнению можно прийти в процессе свободного обсуждения, внутриконфессионального поиска. По мнению президента Всемирного исламского университета Хусейна Хамида Хасана, «высказывать собственное мнение – не только право, но и обязанность каждого человека перед обществом и обязанность

всей общины перед каждым человеком»³⁷. В мирном диалоге кроется созидание будущего пути развития.

Следовательно, приходится констатировать существование в настоящее время принципиальных различий государственного и исламского брачного права.

Главным противоречием является каноническая допустимость полигамии в исламе, которая сегодня не ставится под сомнение. При этом суннитское учение о браке, приверженцев которого на территории России большинство, отвергает временный брак, допускающий брак одного мужчины с более чем четырьмя женами одновременно. Светское право провозглашает равенство в браке; с его позиции в полигамном браке нет такого равноправия как в моногамном. Исламское право не видит в полигамии неравенства.

Ключевым моментом в исламской правоприменительной практике является то, что современные духовные центры ислама находятся вдалеке от России. Если государственная власть в исламских государствах, с одной стороны, инкорпорирует нормы ислама в законы государства, с другой стороны, может их видоизменять, то влияние же российской власти на процесс правотворчества в исламе, и в частности исламский брак, ограничено. По мнению З.М. Абдулагатова, «его [ислама] духовные центры расположены вне России. Поэтому фактор внешнего влияния всегда существует и осложняет взаимодействие государства с исламом»³⁸.

В вопросе о полигамии, безусловно, наблюдается конфликт светского и исламского брачного права. Но если женщина по канонам ислама добровольно вступает в полигамный брак, светский брачный закон России фактически этого запретить не может (уголовное наказание в настоящее время за полигамию отсутствует, в отличие от советского времени)³⁹. При этом закон государства будет защищать права только одной женщины, находящейся с мужем в браке, зарегистрированном в загсе. Остальные жены, находящиеся в исламском браке, светским законом защищены не будут (что не распространяется на детей, если их признал муж или суд установил его отцовство). Такие фактические брачные отношения остаются вне регулирования светского правового поля, не влекут наступление взаимных прав и обязанностей, охраняемых государством. Это необходимо осознавать женщине (ее представителю) при вступлении только в исламский полигамный брак, без его регистрации в загсе. К светскому брачно-семейному праву чаще обращаются при разводе, когда встает вопрос о материальном

обеспечении бывшей жены, при отсутствии на то фактического деятельного согласия (а не только словесного) бывшего мужа. В этом случае начинает действовать закон государства.

Таким образом, мы приходим к главному выводу – государство с позиции права рассматривает исламский брак как фактические брачные отношения, которые не охраняются законом государства, но и не запрещаются.

Вся история развития ислама тесно связана с государством, которое обязывает исполнять его предписания. В исламских странах положение об имущественной стороне брака содержится в законах государства, поэтому уклониться от их выполнения невозможно. Обеспечение выполнения брачно-семейных обязательств материального и личного характера осуществляется в исламских странах посредством закона государства, так же как и в России. Но в нашей стране обязывающий к этому закон является светским, он не имеет под собой религиозной исламской основы, и верующие, состоящие только в исламском браке, не будут защищены семейным законом. В этом случае соблюдение норм ислама в отношении личного и имущественного характера будет являться только нравственной обязанностью его приверженцев. В этом есть отличие действующего закона государства от закона периода Российской империи (в ее поздний период), когда такие браки признавались государством. Принципы свободы, равенства, справедливости, заложенные в государственном брачно-семейном законодательстве, избегают деления людей по дискриминирующим признакам (расовому, национальному, религиозному, половому и т.д.), реализуя принцип равенства на деле. В исламе существует идея о моногамии как идеальном браке, а полигамия выступает в виде вынужденной меры, разрешенной исламом в исключительных случаях. Восприятие законом государства положений ислама о допустимости полигамии представляется маловероятным, но также не исключается. В развитии исламской идеи о моногамии как идеальном браке, вполне вероятно, заложены основы сближения двух правовых позиций.

Примечания

- ¹ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1116 // Религия в жизни россиян [Электронный ресурс]. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=11099> (Дата обращения: 05.05.2012.)
- ² В научной литературе равнозначно применяются термины «никах» и «никях» как варианты транслитерации арабского слова в русский текст.
- ³ Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (Дата обращения: 16.10.2014.)
- ⁴ См.: ст. 90, ч. 1, т. 10 Свода гражданских законов: «каждому племени и народу, не выключая и язычников» разрешалось вступать в брак по их обычаям и законам. Духовенству (имамам и раввинам) предписывалось вести метрические книги и фиксировать заключенные браки (ст. 905–911, ст. 913–921, Свода законов о состояниях Т. 9, Свода законов гражданских. Свод законов гражданских. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912).
- ⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1915. – 264 с.
- ⁶ См.: Тахмаз Абд аль-Хамид. Ханафитский фикх в новом обличье. Книга четвертая. Семейно-брачные отношения (Ахвал шахсийа). Бракосочетание (никах). – Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2007. – 58 с.
- ⁷ Аляутдинов Ш.Р. Семья и ислам. – СПб.: «Диля», 2011. – 14 с.
- ⁸ Цмай В.В. Регулирование семейно-брачных отношений мусульман правом личного статуса. – СПб.: СПбУ МВД России, 2000. – 232 с.
- ⁹ См.: Библиотека Пашкова // Мусульманский семейный кодекс [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/archives/6501> (Дата обращения: 05.05.2012.)
- ¹⁰ Увайсов З.Б. Сравнительная характеристика института брака по российскому и мусульманскому праву // Сайт: Библиофонд [Электронный ресурс]. – URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=27494> (Дата обращения: 05.05.2012.)
- ¹¹ См.: Торнау Н.Е. Мусульманское право. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1866. – 148 с.
- ¹² См.: Тахмаз Абд аль-Хамид. Ханафитский фикх в новом обличье. Книга четвертая. Семейно-брачные отношения (Ахвал шахсийа). Бракосочетание (никах). – Нижний Новгород: Изд. дом «Медина», 2007. – 59 с.
- ¹³ Разные авторы по-разному переводят на русский язык это слово, поэтому мы употребляем в одинаковом значении слова «никях» и «никах».
- ¹⁴ Рахманов А. Исламское право. – Ташкент: «Янги аср авлоди», 2003. – 281 с.
- ¹⁵ Маргинани Б. Ходия. Комментарии мусульманского права. В двух частях. Ч. I. Т. 1. Книга II. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 112 с.
- ¹⁶ Постановление № 23 (11/3). Постановления и рекомендации Совета исламской академии правоведения // Ответ № 16 на вопросы Международного института исламской мысли (Вашингтон), (11–16 октября 1986 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islam-love.ru/books-fikh/57postonovlenie-slam-sovet> (Дата обращения: 09.12.2012.)
- ¹⁷ Пункт № 17. Постановление № 114 (12/8). Постановления и рекомендации Совета исламской академии правоведения // Об исламской декларации «Роль женщины в развивающемся исламском обществе» (23–28 сентября 2000 г.)

- [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islam-love.ru/booksfikh/57-postonovlenie-slam-sovet> (Дата обращения: 09.12.2012.)
- 18 См.: п. а ст. 6 гл. IV Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. 1926 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3552> Правовая база Консультант Плюс. Доступ в будние дни с 20.00 до 24.00, праздничные и выходные дни (Дата обращения: 05.05.2012); см.: ст. 16 Кодекса о браке и семье РСФСР. 1969 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1831> Правовая база Консультант Плюс. Доступ в будние дни с 20.00 до 24.00, праздничные и выходные дни (Дата обращения: 05.05.2012.)
- 19 См.: Аляутдинов Ш.Р. Семья и ислам. – СПб.: «Диля», 2011. – 68 с.
- 20 См.: Цмай В.В. Мусульманское семейное право. – СПб.: СПбГУАП, 1998. – 72 с.
- 21 Коран. Пер. смыслов [с араб.]: Кулиев Э.Р. – М.: UMMAN, 2012. – С. 127–128.
- 22 Аляутдинов Ш.Р. Семья и ислам. – СПб.: «Диля», 2011. – 10 с.
- 23 См.: Аляутдинов Ш.Р. Семья и ислам. – СПб.: «Диля», 2011. – 85 с.
- 24 Торнау Н.Е. Мусульманское право. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1866. – 149 с.
- 25 См.: Пелевин М.С. Брачно-семейное и наследственное право Исламской Республики Иран. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 9 с.
- 26 См.: Мелехин А.В. Теория государства и права. – М.: Маркет ДС, 2007. – 247 с.
- 27 Брольо Ф. Религии и юридические системы: Введение в сравнительное церковное право / Франческо Марджотта Брольо, Чезаре Мирабелли, Франческо Онида [пер. Аркадий Кандауров, Алина Звонарева, Татьяна Шишкова]. – М.: Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2008 – С. 407–416.
- 28 Коран. Пер. смыслов [с араб.]: Кулиев Э.Р. – М.: UMMAN, 2012. – 160 с.
- 29 См.: Маргинани Б. Ходия. Комментарии мусульманского права. В двух частях. Ч. I. Т. 1. Книга II. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 185 с.
- 30 См. п. 3 ст. 19 Конституции России [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (Дата обращения: 17.05.2013.)
- 31 Миримова А.А. Полигамия в мировых религиях и ее канонизация в исламе: дис. канд. филос. наук: 09.00.13 / А.А. Миримова; ДГУ. – Махачкала, 2005. – 119 с.
- 32 Сайт Европейского совета по фетвам и исследованиям // Фетва о полигамии в исламе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-cfr.org/ar/index.php?ArticleID=515> (Дата обращения: 02.11.2013.)
- 33 См.: Пелевин М.С. Брачно-семейное и наследственное право Исламской Республики Иран. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – С. 9–10.
- 34 Арсанукаева М.С. Суннитские мазхабы // Правовое наследие Кавказа (архивы Кавказа) [Электронный ресурс]. – URL.: <http://kavkaznasledie.ru/archives/1796> (Дата обращения: 02.12.2012.)
- 35 Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М.: Изд. РАГС, 2001. – С. 70; Арсанукаева М. Суннитские мазхабы // Правовое наследие Кавказа (архивы Кавказа) [Электронный ресурс]. – URL.: <http://kavkaznasledie.ru/archives/1796> (Дата обращения: 02.12.2012.)

- ³⁶ Сюкияйнен Л.Р. Глобализация и мусульманский мир: Оценка современной исламской правовой мысли. – М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 82 с.
- ³⁷ Хассан Х.Х. Свобода научных исследований в исламе. – Новосибирск, 1995. – 32 с.
- ³⁸ Абдулагатов З.М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 171 с.
- ³⁹ Трофимчук Л.И. Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 9 с.

Библиографический список

1. Абдулагатов З.М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама) / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 171 с.
2. Аляутдинов Ш.Р. Семья и ислам. – СПб.: «Диля», 2011. – 14 с.
3. Миримова А.А. Полигамия в мировых религиях и ее канонизация в исламе: дис. канд. филос. наук: 09.00.13 / А.А. Миримова; ДГУ. – Махачкала, 2005. – 119 с.
4. Маргинани Б. Ходия. Комментарии мусульманского права. В двух частях. Ч. I. Т. 1. Книга II. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 112 с.
5. Пелевин М.С. Брачно-семейное и наследственное право Исламской Республики Иран. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 9 с.
6. Рахманов А. Исламское право. – Ташкент: «Янги аср авлоди», 2003. – 281 с.
7. Сюкияйнен Л.Р. Глобализация и мусульманский мир: Оценка современной исламской правовой мысли. – М.: Издательский дом Марджани, 2012. – 82 с.
8. Торнау Н.Е. Мусульманское право. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1866. – 148 с.
9. Трофимчук Л.И. Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 9 с.
10. Хассан Х.Х. Свобода научных исследований в исламе. – Новосибирск, 1995. – 32 с.
11. Цмай В.В. Регулирование семейно-брачных отношений мусульман правом личного статуса. – СПб.: СПбУ МВД России, 2000. – 232 с.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1915. – 264 с.

*«Религиоведение»,
Благовещенск, 2015 г., № 1, с. 139–147.*

Д. Аркилла,
научный сотрудник Министерства обороны США
СОЗДАТЬ СЕТЬ

Фундаментальным аспектом (трендом) времени холодной войны была гонка вооружений, направленной на создание ядерного оружия. Однако в долгой, зачастую скрытой, войне против «Аль-Каиды» и связанных с нею организаций, которая всерьез началась после 11.09.2001 г., движущей силой была и остается «организационная гонка» по созданию сетей. Становится все более очевидным, что новейшие достижения в области информационных технологий существенно усилили разобщенные, не связанные между собой группы, в большей степени объединенные между собой общей целью, нежели каким-либо центральным управлением. Согласно мнению Дэвида Винбергера, сети, особенно представленные в web (Internet), состоят из «небольших, слабосвязанных групп». Дэвид описывает сегодняшнюю «Аль-Каиду» как ядро группы, сформированное вокруг Усамы бен Ладена и Аймана аль-Завахири, которое со временем обросло рассредоточенными на большой территории, относительно независимыми ячейками и их субцентрами.

Таким образом, крупнейшая в мире террористическая сеть живет до сих пор, несмотря на усиленные попытки ее уничтожения в течение дюжины лет. В итоге, как выразился Леон Панетта, «находясь далеко от края стратегического поражения», «Аль-Каида» успешно существует благодаря практическому отсутствию централизованного управления. Таким образом, даже целенаправленное убийство любого количества высокопоставленных членов организации, включая, конечно, самого бен Ладена, в итоге имеет незначительное влияние на жизнеспособность и дееспособность организации. Таким образом, сегодня американские вооруженные силы опять возвращены в Ирак для борьбы с порождением «Аль-Каиды» – ISIS, и страна находится в огне. В Сирии «Аль-Каида», ISIS и другие возглавляют сопротивление против режима Асада; в Ливии они принимали участие в свержении Муаммара Каддафи; и многие были вовлечены, по крайней мере косвенно, в унижение США посредством нападения на американскую дипломатическую миссию в Бенгази. Сеть «Аль-Каиды» осуществляет свою деятельность и во многих других регионах: Алжир, Мали, Мавритания, Нигерия, Сомали, Йемен – и это далеко не полный список.

Дело выглядит так, как будто смерть бен Ладена открыла новые горизонты для «Аль-Каиды», которая стала глобальной сетью боевиков, что описывал Абу Мусаб ас Сури, ее идеологический лидер, в своем призыве глобального исламистского сопротивления. В течение нескольких последних лет «Аль-Каида» получила большинство характеристик из «призыва» Сури. Он был схвачен в Пакистане в 2005 г. и передан режиму Асада. Согласно слухам, аль-Сури был освобожден в результате мятежа в Сирии, но эта версия не подтверждена публичными доказательствами. Но вряд ли это имеет значение. Как он сам, бесспорно, сказал бы: концепция Сети без явной управленческой структуры – вот что важно. Нет нужды иметь «великого лидера» во главе организации. Отсутствие формальной вертикали управления позволяет уходить от ответственности и как нельзя лучше подходит для «грязной сети» террористов. Как Сури поясняет в своих работах – чем более плохой является сеть, тем лучше.

Очевидно, что «Аль-Каида» сделала упор на «организационную гонку» по созданию сетей. Факт, что террористы настолько хорошо преуспевают в создании сетей, является предметом изучения и беспокойства для меня и моего партнера по исследованию Дэвида Ронфелдта на протяжении последних двух декад. Еще в 1990-х годах, когда угроза от террористических сетей только зарождалась, мы призывали противостоять этой угрозе в великом конфликте между государствами и сетями и предупреждали, что привычная иерархическая структура государств окажется малоэффективной в противостоянии с сетями. Таким образом, еще на ранней стадии мы видели необходимость включиться в «организационную гонку», начав строить нашу собственную сеть. Наша основная мысль – «чтобы противостоять Сети, нужна сеть». Многие стали повторять эту мантру только спустя 18 лет, после того как мы ее впервые озвучили, в том числе американский генерал Стэнли Мак Кристал, возможно являющийся наиболее ориентированным на сети из всех американских военных лидеров. К сожалению, кто-то из его подчиненных разболтал некоторые из его комментариев о высокопоставленных политических лидерах, что привело к его отставке. Таким образом, голос в пользу следования «сетевому» курсу был заглушен, что явилось ужасным ранением, нанесенным самому себе, от которого военные силы США до сих пор полностью не оправались.

И эта проблема касается далеко не только вооруженных сил. В области разведки, например, наиболее значимым преобразова-

нием, проведенным после событий 9/11, было добавление еще одного уровня управления в существующей иерархии путем создания Управления национальной разведки. Члены комитета, которым было поручено президентом и Конгрессом найти эффективное средство исправления недостатков, которые позволили случиться атакам на Америку в 2001 г., были в полном согласии, что необходимо значительно улучшить внутриорганизационное взаимодействие и совместное использование информации. Тем не менее их рекомендацией стало создание очередного органа, что только усилило централизацию управления.

Другим существенным изменением организационной структуры в правительстве США было создание Департамента Внутренней Безопасности – еще одной громоздкой и неповоротливой организации. Ее огромный размер и сложность сыграли свою негативную роль в медленном и неадекватном реагировании на чрезвычайную ситуацию, вызванную ураганом «Катрина» в 2005 г. Но если государственные учреждения и департаменты не преуспели в овладении искусством построения сетей, то Вооруженные силы, напротив, продемонстрировали все возрастающие навыки в данном направлении.

Некоторые военно-ориентированные примеры построения сетей

Учитывая, что маленькие, но ключевые группы государственных и военных лидеров согласны с концепцией, что лучшее средство противодействия вражеской сети – это своя собственная сеть, ключевой проблемой стал вопрос – как именно строить сеть. Опыт создания Управления национальной разведки и Департамента внутренней безопасности подсказывает, что секреты создания успешной сети, скорее всего, лежат за рамками привычных иерархически управляемых структур. И бесспорно, даже поверхностное изучение вопроса позволяет быстро увидеть интересный результат, который заключается в том, что контртеррористические сети существенно продвинулись и достигли весьма впечатляющих результатов. Одной из малоизвестных, но довольно успешных сетевых кампаний является сеть, сформированная на базе Французского Иностранного легиона, лагерь Lemonnier, в Джибути, на Африканском Роге (одно из названий полуострова Сомали в Восточной Африке). Здесь всего несколько тысяч солдат и гражданских ведут свою деятельность, совместно со многими департамен-

тами правительства США, по устранению террористических сетей и самих террористов. Репортеры *Нью-Йорк Таймс* Эрик Шмитт и Том Шанкер внимательно изучили работу этой сети и описали ее следующим образом: «Данная миссия, до удивительной степени, связала вместе всю структуру национальной безопасности. Офицеры здесь говорят об очень высоком уровне кооперации между обычными частями вооруженных сил, более секретными операционными группами и американской разведкой. После декады антитеррористической деятельности, участия в гуманитарных миссиях и саперской деятельности, сеть в Джибути – на ранних стадиях чуть не закрытая Пентагоном вообще – в конце концов заслужила официальное признание и рассматривается сегодня как «Центральный элемент в растущем числе (с полдюжины) баз наблюдения в Африке, созданных для борьбы с террористическими группами нового поколения по всему континенту, от Мали и Ливии до Центральноафриканской Республики».

Короче говоря, лагерь Lemonnier сегодня является ключевым элементом в сети, которая объединяет в себе гражданских и военных представителей США и ее союзников в войне против «Аль-Каиды» и связанными с нею организациями. И достигнутые результаты, учитывая относительно небольшие человеческие и просто мизерные материальные ресурсы (по сравнению с потраченными ресурсами в том же Афганистане), являются довольно-таки внушительными. С поразительной экономией сил операция в Джибути играла ключевую роль в помощи нанесения сокрушительного удара «Аль-Каиде» и ее соучастникам в Сомали, Йемене и других регионах, которые входят в область ее ответственности.

Двигаясь от Африканского Рога до Филиппин, можно найти другой хороший пример успешной работы сети. В составе примерно 600 военных, Объединенная группа по выполнению специальных задач – Филиппины (CJSOTF-P – Combined Joint Special Operations Task Force – Philippines) работала совместно с вооруженными силами Филиппин по нанесению сокрушительного удара по Исламскому либеральному фронту Моро (Moro Islamic Liberation Front) и причастной к ней, но еще более криминально-ориентированной Группы Абу Сайаф (Abu Sayuaf Group). Кроме успехов в контртеррористической деятельности, CJSOTF-P также играла ключевую роль в помощи по завершению гражданских проектов по строительству школ, дорог и медицинских учреждений. Ее работа также заслужила похвалы со стороны неправительственных организаций. Марк Шнейдер, старший вице-президент

Международной кризисной группы, рассматривает CJSOTF-P как «историю успеха, особенно с точки зрения победы за сердца и умы, за счет участия в гражданских акциях и проектах медицинской помощи».

Другим ключевым успехом сети является Ирак. С начала массовых восстаний, которые начались в августе 2003 г., уровень жестокости со стороны бунтующих по отношению к гражданскому населению Ирака к 2006 г. возрос существенно и привел к ситуации, когда около сотни людей гибли ежедневно. Тем не менее к концу 2008 г. уровень жестокости упал, и количество убиваемых гражданских снизилось на три четверти, примерно до уровня 9 тыс. в год. И количество несчастных случаев резко снижалось до тех пор, пока американские войска не покинули Ирак в 2011 г. Однако, как только американцы вышли из Ирака, уровень жестокости немедленно возрос снова и в 2013 г. дошел до наихудших показателей за последние пять лет. Общепринятым мнением, почему ситуация резко улучшилась семь лет назад, является решение президента Джорджа Буша отправить дополнительные 28 тыс. солдат в Ирак, чего в итоге оказалось достаточно, чтобы эффективно противостоять боевикам.

Но Иракская кампания – это была не просто высылка дополнительных бригад. Произошло критически важное смещение фокуса на применение новой концепции, основанной на идее выноса нескольких дюжин больших баз на передовую территорию, на которых размещалось большинство американских солдат, и затем переброска этих солдат, в размере взводов, совместно с примерно одинаковым количеством дружественных иракских солдат – на более 100 блокпостов, на территории, где уровень жестокости был наихудшим. Таким образом, была организована физическая сеть, состоящая из множества мелких элементов, что позволило снизить время реагирования на атаки, улучшить процесс сбора оперативной информации и, в общем, улучшить отношения с населением.

Физическая сеть баз была продолжением социальных сетей, растущих за счет суннитских повстанцев, противостоящих оккупантам годами. Около 80 тыс. человек перешли на их сторону, став «Сынами Ирака», что сформировало мощное движение «Awakening Movement», вбившее клин между «Аль-Каидой» и иракским народом. Такой подход позволил достичь показанного результата без привлечения больших сил – в каждый момент времени на этих блокпостах находилось не более 10% личного состава

ва, плюс еще около 10% задействованных в их снабжении и защите, если потребуется. Ключом же здесь просто была готовность мыслить категориями сетей, и применять данный принцип военными и их командирами на всех уровнях.

К 2008 г., когда волнения значительно приутихли, всем стало очевидно, насколько эффективными оказались принятые меры по подавлению боевиков. Ключевым моментом здесь было организовать физическую сеть блокпостов размером для одного взвода и постоянно иметь контакт с иракским населением. Сеть явилась средством «высвечивания и устранения» вражеской сети. Генерал Петрэус лучше всех выразил эту мысль в своем командном инструктаже в 2008 г.: «Вы не можете ездить на бой издалека. Разместите совместные станции безопасности, военные блокпосты и патрульные базы в том районе, который мы собираемся защищать. Возможность жить среди людей является неотъемлемой частью их защиты и усмирения боевиков.

Мы не можем позволить себе проиграть в этой битве. Мы и наши иракские партнеры должны распознавать и различать “примиряемых” и “не примиряемых” через вовлеченность. Мы должны стремиться привлекать примиряемых к решению проблемы, обнаруживая и уничтожая при этом не примиряемых. Уничтожайте вражеские сети. Тренируйте себя распознавать сети».

Таким образом, была построена сеть, которая уничтожала сеть «Аль-Каиды» в Ираке и снижала уровень жестокости годами, до тех пор, пока Америка не отозвала свои войска и последовавшего за этим отчуждения суннитов иракским правительством, что дало террористам возможность вернуться.

Построение сетей от Византии до «Битвы за Англию»

Очевидно, что центральным принципом в построении сетей является создание большого количества маленьких ячеек, которым позволено действовать относительно свободно, в русле достижения общей цели – без наличия прямого центрального управления в какой-либо степени. Несмотря на то что примеры построения сетей, рассмотренные в предыдущих секциях, являются интересными и ценными, необходимо также заглянуть в историю, чтобы почерпнуть идеи о создании сетей. «Взгляд назад» является очень эффективным способом «заглянуть вперед». Это можно сделать путем поиска в истории примеров создания систем, состоящих из

большого количества маленьких ячеек или «групп реагирования». И несмотря на то что таких примеров немного, они все-таки есть.

Стратегия безопасности Византии немедленно приходит в голову. Константинополь пережил Рим на тысячи лет. Как? Частично путем более рационального использования своих ресурсов. Столетиями продолжительная восточная сухопутная граница – западная часть империи, поддерживаемая византийскими морскими силами, постоянно подвергалась налетам и вторжениям. Здесь никогда не хватало войск, чтобы держать эшелонированную оборону по всему периметру. Поэтому вместо этого византийцы использовали протяженную систему маленьких башен, миссией которых было обнаруживать и передавать информацию о вторжении – курьерами, «сигнальными» зеркалами, огнем ночью и дымом днем – военным частям, где наступательная кавалерия находилась в боевой готовности. Таким образом, атакующие имели очень небольшой эффект от неожиданности появления и вскоре окружались со всех сторон силами быстрого реагирования.

«Боевой устав» того времени, X столетия, четко говорит о том, что сетевая защитная система – в виде башенной системы оповещения, которую византийцы выстраивали вдоль границ своей империи, – также может использоваться и для наступления. Недавние исследования Эдварда Лютвака, изучающего эти системы, привели его к заключению, что они ознаменовали эпоху «военного ренессанса» тысячу лет назад, что дало Византийской империи новый виток жизни. Как точно высказался Лютвак об их проактивной стратегии, «цель – достичь большего с меньшими ресурсами, путем внезапного нападения относительно маленькими силами, которые увеличивают свои возможности за счет эффекта неожиданности». Бернارد Монгометри, один из великих капитанов XX в., очень восхищался способностью византийцев использовать тактику «роя» как для защиты, так и для нападения, отмечая насколько успешной является сеть гарнизонных укреплений и мобильных ударных отрядов против всякого рода врагов – от аваров до арабов.

В современной истории также есть примеры, весьма схожие с византийской сетью – например защитная система, предложенная главным маршалом авиации ВВС Великобритании Хагом Доудингом – чье командование истребительной авиацией одержало победу в «Битве за Англию» в 1940 г. Немецкие вооруженные силы, вдохновленные серией победоносных блицкригов, завершившихся падением Франции, обнаружили, что не могут пересечь

Английский канал (пролив Ла-Манш), поэтому вместо этого была предпринята попытка покорить Англию бомбежками с воздуха. Предвоенные оценки Англии потенциала разрушений при стратегических бомбардировках с воздуха были весьма внушительными, поэтому имели место многочисленные дебаты, какую военную доктрину и организационную форму лучше применить для обеспечения обороны. Одну из основных точек зрения представляла школа «Большие крылья» («Big Wings»), согласно которой необходимо было собрать как можно больше оборонительных сил путем создания боевых летных единиц, включающих три эскадрильи, общим количеством 75–90 самолетов – против вражеских бомбежек. Проблема с данной системой включала два аспекта: во-первых, лидеры Люфтваффе («Luftwaffe» – военно-воздушные силы гитлеровской Германии) очень умно выбирали цели для бомбежек, зачастую меняя направление полета после пересечения британского побережья; и, во-вторых, даже если цели бомбежек были бы известны, «Большим крыльям» потребовалось бы много времени для сбора в одном месте с разных рассредоточенных аэродромов. Одним из подчиненных Доудингу командиров – и ключевым помощником – был вице-маршал ВВС К. Парк, который возражал, что компоновка большого количества летных машин будет стоить непопозволительной траты времени и будет чересчур громоздкой.

Вместо такого подхода Доудинг и Парк предпочли позволить отдельным эскадрильям, по две дюжины машин в каждой, контратаковать большие атакующие группы бомбардировщиков противника и их военный эскорт – независимо, как только информация о немецких намерениях поступала с одной или нескольких из 40 радиолокационных станций, размещенных вдоль побережья, и подтверждалась соответствующими блокпостами, формирующими тысячеэлементную сеть Observer Corps (организация в Англии (1925–1995), состоявшая из гражданских добровольцев), развернутую по всему юго-востоку Англии.

Далее история показала, что Доудинг и Парк оказались правы – сетевой подход победил. Однако Доудинг, который имел кличку «Нудный» («Stuffy»), нажил себе много врагов, и как только кризис прошел, был уволен. Премьер-министр Уинстон Черчилль и большинство британских военных лидеров высшего ранга, может, и не оценили по достоинству и не наградили Доудинга за его достижения, но вот официальные немецкие военные документы

свидетельствуют, что Люфтваффе правильно понимали, как и почему их кампания провалилась.

Защита заранее предупреждалась о каждой атаке посредством целостной системы радиолокационных станций, что практически не давало достичь фактора неожиданности. Это и плюс комплексное наземное управление спасло британские истребители от уничтожения и предотвратило победу Германии.

Для 30 тыс. гражданских добровольцев из Observer Corps, каждый из которых являлся маленькой ячейкой в огромной сети дальнего обнаружения, сформированной для помощи в защите их страны от воздушных атак, эта история закончилась лучше, чем для Доудинга. Они отказались от оплаты за их помощь; но зато в апреле 1941 г. король Георг VI переименовал их в Royal Observer Corps (Royal – «королевский») в знак признания их вклада в победу в «Битве за Англию».

Системный подход в создании сетей

Из вышеприведенных примеров – как недавних и текущих, так и более ранних – должно быть видно, что задача построения сетей не требует привлечения алхимии. Фундаментальные принципы организации, как выразился Винберг, «небольших, слабосвязанных групп», достаточно прост – при условии, что мощный принцип «много маленьких» рассматривается и принимается. Но, конечно же, для построения сильной и эффективной сети нужно еще много чего. Дэвид Ронфелдт и я выделяем еще четыре дополнительных аспекта, кроме организационной структуры, которые должны быть учтены при построении сети: легенда (narrative), социальная база, операционная доктрина и необходимое технологическое обеспечение.

Легенда (narrative) – это история, которая приводит людей в сеть, и удерживает их в ней, даже несмотря на сопутствующие трудности. Из примеров, приведенных в данной статье, наиболее ярким, пожалуй, является иракское движение «Awakening Movement», где вся антиповстанческая сеть побуждалась и вдохновлялась легендой о том, как члены «Аль-Каиды» эксплуатировали иракцев и как коалиционные силы (США) приходили на помощь людям, чтобы защитить их и освободить. Показателем эффективности этой легенды был факт, что многие десятки тысяч вступили в «Сыновья Ирака» в поддержку этого движения. Резкое снижение жестокости – упомянутое выше, – которое вскоре

последовало, также является еще одним индикатором, что эта легенда имела позитивный эффект.

Что касается социального аспекта процесса построения сетей, здесь большими задачами являются организация совместной работы участников из зачастую сильно различающихся (культурных и социальных) слоев общества и заставить их быть лояльными к сети. Военные силы большинства стран призывают новобранцев из всех слоев общества и «связывают» их идеей «службы для нации». Террористические организации типа «Аль-Каиды» делают то же самое, с той разницей, что они прививают лояльность к самой сети. В случае с «Аль-Каидой» и ее сателлитов, это зачастую достигалось путем эксплуатации религиозных и родственных связей. Государства-нации редко имеют равные по силе социальные связи, и социальная связка затрудняется еще больше тем фактом, что члены сетей, как правило, собранные из различных организаций, служб или различных правительственных департаментов, продолжают в большей степени быть лояльными именно тем организациям, откуда они пришли.

Иметь дело с социальными компонентами не просто, но я бы сказал, что Командование специальных операций (SOCOM – U.S. Special Operations Command) является примером успешного создания чувства общины среди военных элит, собранных с различных служб. Несмотря на то что все из них имеют внешние, удерживающие их связи, тем не менее в это же время здесь присутствует критически важное чувство социального братства и доверия, которое мало зависит от цвета их униформ.

Текущими трудностями для SOCOM на данном социальном уровне построения сети являются:

- воспитывать сильное чувство общей идентичности среди членов недавно созданного Корпуса морской пехоты Командования специальных операций США (MARSOC – United States Marine Corps Special Operations Command);

- создавать похожие социальные связи с международными военными элитами с целью движения в сторону «глобальной сети специальных операций», что адмирал Уильям МакРавен сделал основным элементом долгосрочной стратегии SOCOM. Как он сам сказал в июне 2013 г., когда его план был впервые озвучен: «Для начала мне нужно получить все необходимое в военном плане, затем необходимо очень быстро собрать людей для сети и далее со всем этим очень быстро привлечь наших партнеров и союзников».

Очевидно, что он понимал, что для построения сети требуется очень качественная социальная основа.

Доктрина, или операционная концепция, которую используют сети любого вида – от массовых движений типа «арабская весна» до восстаний, и даже стандартных военных операций, – это уметь «роиться». Их многочисленные маленькие элементы приобретают привычку собираться вместе, зачастую из различных частей света, в каком-либо определенном месте. Для социального «роения» может подойти «Площадь Тахрир»; для сетей блокпостов по подавлению восстаний точка сходимости может занимать большее операционное пространство – как это было в провинции Анбар в Ираке несколько лет назад. Даже примеры из недавней истории, рассмотренные в этой статье выше, так или иначе использовали тактику «роения». В обоих случаях, как византийцы на их Восточном фронте, так и Королевские военно-воздушные силы в «Битве за Британию», использовали тактику «роения». «Роящиеся» сети. Если вы намереваетесь построить сеть, убедитесь, что она имеет достаточную мощность для «роения».

Технологическое обеспечение является последним фундаментальным элементом в построении сетей. Критически важно, чтобы средства связи обеспечивали достаточную пропускную способность и высокий уровень безопасности. К сожалению, с антитеррористической точки зрения, «Аль-Каида» и ее союзники научились использовать Интернет полномасштабно и безопасно. Сеть наций, объединившихся в борьбе против терроризма, имеет достаточный уровень пропускной способности средств связи, но еще не достигла достаточного уровня их безопасности для обеспечения наибольшей эффективности действий. Византийцы предлагают интересный пример на этот счет: когда они хотели сообщить о внезапном нападении так, чтоб нападающие об этом не знали, они использовали самих нападающих как источник сигнала (вибрация земли от их движения), заявляя, что дым от огневых сигналов также предупредит и их врагов. В некоторых случаях меньше технологий означает более высокий уровень безопасности.

Но даже с наилучшими и безопасными средствами связи сеть будет неэффективной, если она спроектирована иерархически-вертикально вместо горизонтальной ориентации, для увеличения связей среди многих маленьких элементов, что является атрибутом хороших сетей. Таким образом, завершая тему ключевых факторов в построении сетей, мы вернемся к теме «небольших, слабосвязанных элементов», чтобы подчеркнуть, что органи-

зационный дизайн является наиважнейшим аспектом. Если организационная структура будет неправильной, даже наилучшая легенда и крепкая, доверительная социальная база будут малоэффективными.

Будущее сетей

Очевидно, что попытки адмирала Уильяма Мак Равена по созданию глобальной сети по выполнению специальных операций являются самым масштабным и самым передовым опытом в данном направлении на сегодняшний день. Но другая интересная кампания по построению сети формировалась, хотя и уступающая по размеру, в Афганистане. Концепция *village stability operations* (VSO), которая там разрабатывалась, была, по сути, упражнением по построению сети. Основная идея там была очень похожей на систему построения блокпостов в Ираке в 2006 г.: маленькие американские отряды жили среди местных афганцев и вели свою деятельность из их деревень.

Концепция VSO косвенно подтверждает, что подход построения сети, «расходящейся-из-центра», должен заместить подход «сходящейся-в-центр». Согласно изначальному плану, необходимо было иметь в наличии более 100 таких «маленьких групп», но эта цель пала жертвой желания администрации Обамы уйти из Афганистана как можно скорее. Возможно, события в Ираке подтолкнули к некоторому переосмыслению, и изначальный план будет восстановлен. В то время как одни скептически относятся к идее, что сетевой подход, примененный в Ираке, мог бы так же хорошо проявить себя в Афганистане, другие убедительно возражают, что наиболее важным, практическим уроком из Ирака является вывод, что «противостоять сети может лишь сеть».

Таким образом, гипотеза о ценности построения сети в борьбе против террористов и бунтарей проходит весьма суровую проверку на практике как раз в этот момент в Афганистане. Не правда ли, было бы полезно, если бы такой же тест можно было бы провести ближе к дому, например в области государственного управления. Учитывая, насколько невысокой степенью свободы обладают выбранные госслужащие, возможно, можно было бы попробовать пересмотреть организационную структуру правительства. В этом плане имеется даже что-то вроде дорожной карты, благодаря работам Леона Фирца, бывшего советника по национальной безопасности вице-президента Альберта Гора.

С 2001 г. доктор Фирц исследовал возможность перевода принципов работы американского госаппарата на более сетевую модель – и по ходу дела создал свою собственную сеть экспертов. Работа его команды учитывает все пять факторов построения сети, которые я и Дэвид Ронфелдт считаем критически важными. Таким образом, в дополнение к глобальной инициативе Уильяма МакРавена, а также строящейся VSO-сети в Афганистане я бы очень рекомендовал провести третий эксперимент в построении сетей, на основе идей Леона Фирца об «упреждающем государственном управлении».

Учитывая доказательства, приведенные в данной статье об успешных примерах построения сетей как в недавнем, так и в более отдаленном прошлом, а также явные доказательства того, что боевики и террористы с огромной скоростью расширяют и развивают свои сети, мы можем только надеяться, что наши лидеры примут соответствующее решение по вступлению в «организационную гонку».

*«Геополитика. Информационно-аналитическое издание»,
М., 2014 г., Вып. XXV, с. 5–15.*

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2016 г. № 1 (283) – 12 (294)**

№ 1 (283)

В. Никонов. Внешняя политика и ценностные ориентиры (с. 5–19);
А. Кулькин. Инфраструктура технологического развития России: Состояние, становление, перспективы (с. 19–36); *Л. Алмазова.* Обзор мусульманских идеологических течений в Волго-Уральском регионе (XX–XXI) (с. 37–48); *Ю. Джабраилов, М. Абдулаев, Н. Сулейманов.* Ислам в системе властно-религиозного диалога на Северном Кавказе: Реальность и перспективы (с. 49–59); *В. Соловьёв.* Портрет на фоне эпохи (с. 59–65); *Н. Козырев, Д. Сидоров.* ШОС: Новые контуры евразийской интеграции (с. 65–77); *М. Бакалинский.* Турция и война с «Исламским государством»: Геополитический и экономический аспекты (с. 78–90); *А. Рогожин.* Арабские страны Персидского залива – курс на Азию (с. 90–98); *Е. Копосова.* За кулисами свержения Каддафи: Стоила

ли игра свеч? (Рецензия) (с. 98–104); *А. Вавилов*. Взлет «Исламского государства»: Причины и следствия (с. 104–125); *Д. Гусенова*. Мусульманский религиозный календарь в зеркале развития событийного туризма (с. 126–139); *В. Белозёров*. Военно-политические исследования в России (с. 140–144).

№ 2 (284)

А. Громько. О новом мировом порядке, или О большом беспорядке (с. 5–18); *А. Шириняни*. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России (с. 19–31); *Л. Гаязов*. Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период (с. 32–42); *Д. Пашаев*. Национально-государственные традиции и новации в этнополитической системе Республики Дагестан (с. 42–51); *И. Федоровская*. Южный газовый коридор и Азербайджан (с. 51–57); *Л. Гусев*. Основные направления сотрудничества между Россией и Казахстаном в рамках евразийской интеграции (с. 58–72); *Э. Касаев*. О нефтяных проектах России в Ираке (с. 73–80); *А. Зуев*. Роль и место Афганистана в реализации геополитических целей США (с. 80–85); *А. Фролов*. Турция – Сирия: Метаморфозы ближневосточной политики (с. 85–101); *Г. Смирнова*. Возможные сценарии развития ситуации в Ливии после свержения М. Каддафи (с. 101–117); *Р. Ланда*. Политический ислам и отношения Восток – Запад (с. 118–135); *Г. Халиева*. Русско-узбекские культурные связи: Начало XX в. (с. 135–138); *И. Звягельская*. Архаизация в арабском мире: После и вместо революций (с. 138–153).

№ 3 (285)

А. Новиков. Цивилизационные детерминанты экономического развития России в условиях глобализационных процессов (с. 5–13); *А. Шмелёв, Ю. Потанова*. Влияние миграционных процессов на мусульманское сообщество России (с. 13–21); *Г. Гузельбаева*. Межэтнические взаимодействия в Республике Татарстан: Современное состояние и новые вызовы (с. 22–28); *С. Сиражудинова*. Власть и ожидания в Республике Дагестан (с. 28–38); *Н. Емельянова*. Ислам на Северо-Западном Кавказе (по материалам полевых исследований среди абазин) (с. 38–51); *А. Козиков*. Институцио-

нальная практика и характер политического процесса в государствах Каспийского региона в современных условиях (с. 52–62); *Х. Холиқназар*. Республика Таджикистан – важное звено в системе борьбы против терроризма и экстремизма (с. 63–72); *С. Абаши*. Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии (с. 73–85); *Х. Турьинская*. Ливия. Возможен ли возврат к федерализму? (с. 86–100); *Б. Сеїранян*. Катар. Три столпа роста. (Введение к книге) (с. 101–113); *А. Федорченко*. От поколения к поколению: Проблема преемственности власти в аравийских монархиях (с. 114–132); *В. Кузнецов, И. Звягельская*. Проблемы государственности на Ближнем Востоке (с. 133–148); *К. Гусаева, Н. Саркарова*. Историко-философские особенности формирования идейных течений в шиизме (с. 149–157).

№ 4 (286)

Т. Пархалина. Атака на Париж и будущее отношений Россия – Запад (с. 5–9); *Ш. Кашаф*. Конструирование национальной идентичности в немусульманских полициях: Роль исламских религиозных институтов (с. 10–27); *Ф. Асадуллин*. Ислам в общественном пространстве московского мегаполиса XXI в. (с. 28–43); *Б. Бгажноков*. Позитивные и негативные факторы малых многоэтничных обществ (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии) (с. 44–59); *О. Шевченко*. Ксенофобия как фактор угрозы национальной безопасности государств и политической стабильности в Черноморско-Каспийском регионе (с. 59–69); *Е. Ионова*. Таджики-иранские отношения сегодня (с. 69–75); *В. Тян*. Трансформация этнополитики власти стран постсоветского пространства: Формы, тренды, динамика (с. 75–89); *А. Цуркан*. Российская военная операция в Сирии: Перспективы российско-американского сотрудничества и возможные последствия борьбы с исламским радикализмом (с. 90–105); *Е. Елькина*. Гидрополитика в бассейне Нила (с. 105–114); *Б. Долгов*. Ислам во Франции: Мусульмане и светская республика (с. 115–132); *А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов, А. Орлов, А. Федорченко, А. Чечевинииков, А. Ярлыкано*. Исламское государство: Феномен, эволюция, перспективы (начало) (с. 132–160); *Р. Гайнутдин (Гайнутдинов)*. Мусульманская мысль после Мусы Бигиева: В поисках синтеза коранического откровения и современных трендов (с. 161–170); *И. Бекмирзаев*.

Социально значимые законодательные акты мусульманских религиозно-правовых школ X–XIII вв. (Краткий обзор) (с. 170–186).

№ 5 (287)

О. Карпович. К вопросу об особенностях геополитического положения России в современном мире (с. 5–13); *Е. Сатановский.* Между кризисом и катастрофой (с. 13–23); *В. Пешкова.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) (с. 24–50); *О. Павлова.* Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: Содержание и особенности соотношения (с. 50–62); *А. Магомедов.* Ислам и потребление хмельных напитков в Дагестане: К истории вопроса (с. 62–73); *Ю. Андросова.* Геополитическая стратегия Турции в XXI в. (с. 74–83); *О. Бибикова.* Проблемы магрибинских иммигрантов во Франции (с. 84–99); *И. Добаев, Р. Гаджиев.* Радикальные религиозно-политические группировки исламистского толка в США: Этапы появления и развития (с. 99–119); *А. Вавилов, Ю. Зинин, А. Казанцев, А. Крылов, А. Орлов, А. Федорченко, А. Чечевичников, А. Ярлыкапов.* «Исламское государство»: Феномен, эволюция, перспективы. (Окончание) (с. 120–156); *Т. Мустафина.* Религиозный экстремизм в условиях глобализации (с. 157–160); *Х. Сагдиев.* История наименования теологической науки (илим аль-акида) «каламом» (с. 160–173).

№ 6 (288)

Л. Рыбаковский, Г. Хасаев. Стратегия демографического развития России, понятие и содержание (с. 5–19); *Ш. Кашаф.* Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России (с. 19–36); *О. Яницкий.* Идеология и сеть (с. 37–45); *Р. Саяхов.* Развитие кадрового потенциала религиозных организаций как основного ресурса стабильности государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан) (с. 46–52); *К. Ланда.* Дагестан в Каспийском регионе: Внешние и внутренние проблемы (с. 53–62); *Д. Попов.* Исторический опыт реализации американских программ ядерной демилитаризации Казахстана в контексте инте-

ресов России и ее союзников (с. 63–91); *Е. Ионова*. Об угрозе терроризма в Центральной Азии (с. 91–104); *М. Ходынская-Голенищева*. Терроризм в Сирии сегодня и завтра. Перспективы коллективного противостояния «Исламскому государству» (с. 105–121); *К. Труевцев*. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств (с. 122–146); *П. Поломошнов*. Проблема личности в исламе (с. 147–160); *Д. Виницкий*. Знакомьтесь: «Азия ва Ифрикия аль-яум». Журнал «Азия и Африка сегодня» начал издаваться на арабском языке (с. 160–163).

№ 7 (289)

Н. Суханова. «Мягкая сила» во внешней политике современной России (с. 5–12); *Д. фон Пенци*. Россия на перекрестке: Стратегическая и идейно-историческая позиция России в современной мировой ситуации (с. 13–17); *А. Саватеев*. Исследование исламистских движений современности: Академический проект (с. 17–27); *Д. Попов, А. Старостин*. Радикальный исламизм на Урале (с. 28–32); *А. Тетюев*. Этнополитические процессы в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. (с. 32–41); *Р.Ф.-оглу Сафаров*. Азербайджанцы между мусульманской уммой и их национальной идентичностью (с. 41–50); *А. Казанцев*. Центральная Азия: Комплексный кризис и сценарии будущего (с. 51–66); *И. Мелихов*. Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии (с. 67–81); *Б. Долгов*. Сирийский кризис и радикальный исламизм (с. 81–107); *И. Рыжов, М. Бородин*. Этнические проблемы в современном Иране (с. 107–127); *В. Нехай, А. Шаов, В. Фатьянов, Б. Шумафов*. Этнокультурные процессы в условиях формирования толерантности в глобализирующемся мире (с. 128–136); *К. Магомедов*. Женщина в исламской рациональной теологии (с. 136–146); *С. Окилов*. История распространения ханафитского учения в Центральной Азии (с. 146–158).

№ 8 (290)

А. Кошкин, А. Новиков. Геополитический треугольник отношений России, Евросоюза и США: Взгляд в будущее (с. 4–17); *Д. Мухетдинов*. К вопросу о российском мусульманстве (с. 17–28);

Ю. Джабраилов. Проблемы социализации исламских общин на Юге России (с. 29–39); *Р. Старченко.* Государственная национальная политика: Крымско-татарский аспект (с. 39–50); *А. Казанцев.* Центральная Азия: Комплексный кризис и сценарии будущего. (Окончание) (с. 51–70); *С. Каменев.* Российско-пакистанские отношения: Вчера, сегодня, завтра (с. 71–84); *В. Исаев, А. Филоник.* К вопросу об экономических связях России и Арабского Востока (с. 85–106); *И. Добаев, А. Добаев.* Истоки и факторы современной активизации терроризма на Ближнем и Среднем Востоке (с. 107–119); *Э. Касаев.* Пожар войны. (Рецензия) (с. 119–124); *И. Усманов.* Светскость – это не есть безрелигиозность (с. 125–135).

№ 9 (291)

В. Комаровский. Формирование национально-государственной идентичности России: Вызовы и риски (с. 5–16); *И. Добаев.* Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и в России (с. 16–38); *Л. Сагитова.* Социальная интеграция мусульман и потенциал светской образовательной системы: Опыт Татарстана (с. 39–53); *Р. Мамараев.* Северный Кавказ: Религиозные процессы (с. 53–62); *У. Эргешбаев, С. Ешенова.* Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана (с. 63–71); *А. Хизриев.* Внутренняя политика Египта: 5 лет после революции Тахрира (с. 72–94); *Е. Дунаева.* Политическая система Исламской Республики Иран: Вызовы либеральной модернизации (с. 95–109); *Н. Горбунова.* Перманентный кризис в Ливане: Роль этноконфессионального фактора (с. 109–117); *Р. Мухаметов.* Перспективы «аль-демократии»: Исламский мир ищет свою дверь в современность (с. 118–132); *А. Закутин.* Мировой терроризм: Искусственный страх современности (с. 132–135).

№ 10 (292)

К. Делокаров. Проблемы российской идентичности в контексте современных вызовов (с. 5–20); *С. Устинкин, Е. Рудакова, Д. Эминов.* Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент перформативирования культурного кода общества и государства

в России (с. 20–36); *К. Насибуллов*. Общественная аккредитация в сфере мусульманского образования: На пути к открытости и доверию (с. 37–52); *В. Авксентьев, Б. Аксюмов, В. Васильченко*. Конфликт вокруг хиджабов: Религия или политика? (с. 53–67); *Керимли Вугар Гараджан-оглы*. Мультикультурализм, межрелигиозный диалог и толерантность в Азербайджане (с. 68–73); *А. Кузнецов*. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений (с. 74–88); *Н. Мамедова*. Иран: Особенности формирования политической элиты (с. 88–97); *А. Крылов, А. Федорченко*. Ближний Восток: Состояние и перспективы развития региональной ситуации (с. 98–145); *Д. Мухетдинов*. Проблема маргинализации исламского дискурса (с. 146–149); *В. Киреев*. Транснациональные террористические сети как инструмент международной политики (с. 150–155).

№ 11 (293)

В. Белозёров. Геополитические смыслы военной доктрины Российской Федерации (с. 5–15); *Р. Измайлов*. Пути формирования конкурентоспособного российского исламского образования (с. 15–17); *А. Хохлов*. Исламские финансы в России: Подспорье для экономики или угроза национальной безопасности? (с. 18–32); *С. Сиражудинова, С. Галбацев*. Этнополитическая конкуренция и роль структур гражданского общества в устойчивом развитии Республики Дагестан (с. 33–41); *М. Албогачиева*. Основные вирдовые братства у ингушей (с. 41–59); *И. Бабич*. Протестанты в контексте исламского возрождения в Республике Адыгея (с. 60–64); *Э. Касаев*. Азербайджан: С Россией или с Западом? (с. 64–73); *Л. Максакова*. Демографический и миграционный потенциалы Узбекистана (с. 74–82); *А. Хазанов*. Сирийская трагедия: В какие игры играют тигры? (с. 83–98); *В. Цибенко (Иванова)*. Хизбулла и полемика о радикальном исламе в Турции (с. 99–114); *Г. Лукьянов*. Ливийский кризис: Пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции (с. 114–131); *В. Карякин*. Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма (с. 131–143); *А. Зарипов*. Права женщины в исламе в трудах татарских ученых (с. 144–151); *М. Равшанов*. Когнитивно-философское исследование значений и смысла концепта «ислам» (с. 152–157).

А. Панарин. Цивилизация и варварство. Будущее России в глобальной перспективе (с. 5–13); *О. Рыбаковский, О. Таюнов.* Миграционная компонента демографического развития России (с. 14–23); *Р. Гибадуллин.* Проблема культурно-исторической идентичности Татарстана как части исламского мира: Опыт осмысления (с. 24–31); *М. Магомедова.* Вызовы региональной безопасности Республики Дагестан и стратегические задачи по ее обеспечению (с. 31–42); *П. Паршин.* Место и роль Горно-Бадахшанской автономной области в государственной системе Таджикистана (с. 42–60); *М. Слинкин.* Особенности ведения боевых действий сирийской вооруженной оппозицией (с. 61–69); *Н. Киреев.* Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции (с. 69–83); *Л. Исаев.* «Обрадуй же их наказанием мучительным»: Геополитическое соперничество Саудовской Аравии и Ирана (с. 84–96); *А. Зиннатуллин.* «Братья-мусульмане» в США (с. 96–106); *И. Зайцев.* Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: Первый перевод суры «Очищение веры» (1572) (с. 107–119); *И. Гавриш.* Полигамия в брачном праве ислама и России (Перспективы сближения позиций) (с. 119–131); *Д. Аркилла.* «Создать Сеть» (с. 132–144); Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» за 2016 г. (с. 144–151).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2016 – 12 (294)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/ХІІ-2016 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,0 Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 250 экз. Заказ № 175

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9